

Карл Унгер.

"Из речи языка
Души Сознательной."

Размышления и комментарии
к "Руководящим антропософским
положениям" (Leitsätzen), данными
Фредрихом Штейнером в последние
годы своей жизни как
антропософского общества.
Составлены Карлом Унгером.

КАРЛ УНГЕР

ИЗ ЯЗЫКА СОЗНАТЕЛЬНОЙ
ДУШИ

I. ВВЕДЕНИЕ.

Под рубрикой "Язык сознательной души", на страницах этого журнала^х, следует говорить об антропософической работе, о том как она проводится в кругах антропософического общества, с целью сделать доступными опыту каждого духовные достижения Рудольфа Штейнера. Произведения Рудольфа Штейнера, опубликования, лекции, прочитанные им для членов антропософического общества, постепенно выходят в свет, так что настало время искать новые рамки для более индивидуальной обработки этого неслышанно большого и величественного наследия. Эта "обработка" должна быть предпринята не с экзегетическими или апологетическими намерениями, но следует рассказывать о том, что может стать доступным мышлению, чувствам и созерцанию.

Рудольф Штейнер, в последний год своей земной жизни, изложил новым языком содержание антропософии в целом, он звучит в его лекциях, которые им были прочитаны для членов антропософского общества в Гётеануме в Дорнахе. Уже из всей его предшествующей деятельности видно, что ограничение состава слушателей лекций членами этого общества было только предварительным, и можно быть уверенным, что если бы он имел больше времени, если бы его земная жизнь не оборвалась преждевременно, содержание этих лекций, в соответствующей форме, в виде книг, статей, лекций, было бы им опубликовано, как это уже было сделано им для небольшой части, ибо тайны из своих исследования он не делал.

В целом содержание антропософии, конечно, содержится в напечатанных как манускрипт "Циклах лекций"^{хх}, вышедших в последние

годы; они являются непреходящим подарком живого духа. В книге "Мой жизненный путь" мы читаем в 35 главе: "Наряду с требованиями строительства антропософии, служа при этом только тому, что сообщения из духовного мира переводить на сегодняшний язык обрзов, выступали также и другие, полностью противоположные первые которые проявились среди членов общества как душевная потребность, как духоискательство". И далее на стр. 316: "Вполне публичные издания - это результат того, что боролось и работало во мне; в частных изданиях, отразилось то, что боролось и работало в обществе. Я вслушивался в ритм душевной жизни членов общества и то, что я слышал, становилось в моей внутренней жизни содержанием лекций". Эти ранние циклы лекций читались по-обстоятельствам, в зависимости от места, времени, для определенного круга слушателей. В то же время они занимают определенное место в современной духовной жизни. Тот, кто занимается ими, находит эти места и связывает себя с "потребностями души", с "духоискательством", и это суть своеобразная психография, изучение отдельных областей душевной жизни.

Но далее мы находим эпохальное отличие лекций, которые Рудольф Штейнер читал в Гётеануме в последний год своей жизни земной, когда он хотел непосредственно связать Антропософическое общество с основанным им духовным движением. Теперь он уже больше не говорил в том духе, как прежде, когда содержание его лекций определялось душевной потребностью любой аудитории, речь его обращена ко всему человечеству. Новые духовные явления стояли на пороге, и слова Рудольфа Штейнера, если их правильно воспринимать, указывали на долг каждого, кто в состоянии бодрствовать, ибо ему мог следовать только тот, кто в свободе привел свои

х. "Антропософия. Еженедельник для свободной духовной жизни", Штуттгарт, 9-II годовой комплект, 1927-1929 г.
хх. Обозначение для основополагающих циклов лекций Рудольфа Штейнера, а также его остальных трудов, на которые делаются ссылки в тексте, находятся в конце книги.

духовные стремления к такому состоянию, что может воспринимать этот новый язык.

Это глубоко внутреннее, исполняемое в свободе, соответствующее духовным потребностям человека, учение, Рудольф Штейнер изложил в форме афоризмов / /, которые он начиная с 17 февраля 1924 г. и до дня своей смерти /30 марта 1925 г./, адресовал в письмах Антропософическому обществу в Гёттануме. Возможность использования афоризмов для этой публикации я обязан госпоже Марии Штейнер. Афоризмы — это основа нового духовного языка; отзываясь в душе человека, они, во внутреннем опыте, образуют звуки языка самосознающей души. Афоризмы могут открыть миры; переживание звуков означает внутреннее воссоздание духовных фактов этих миров. Для этого необходима работа над самосознающей душой. Тогда звуки эти станут медитацией самосознающей души.

х. Для предлагаемого нового издания появился оттиск афоризмов в согласии с распорядителями наследства Рудольфа Штейнера. Дорнах /Издатель/.

2. СОЗНАТЕЛЬНАЯ ДУША.

В целом учении антропософии мы познаем сознательную душу в трех важнейших взаимосвязях; представление о ней Рудольф Штейнер ввел в своей книге "Теософия". Там описывается вначале физическое тело человека, посредством которого он соотносится с минералами, затем эфирное и астральное тело с их взаимосвязями с растительным и животным царствами. Эфирное и астральное тела можно понимать как сверхчувственные силовые организации, находящиеся во взаимном противостоянии; такие понятия свойственны методам естествознания. Это естественные отношения человека к миру; но способ рассмотрения можно, в то же время, вывернуть наизнанку при переходе от животного к человеку. Ведь сверхчувственная силовая организация, которая отличает человека от животного, суть сам наблюдатель в своем Я-йном / / опыте, и теперь можно следовать внутреннему пост-переживанию / / того, что до сих пор представлено было как внешний мир и обратную сторону которого видит духовное око сверхчувственного исследователя. Тот, кто упражняется в таких переживаниях, что можно сравнить с неким пробуждением, встает в я-йные отношения своих собственных астрального, эфирного и физического тел к окружающему миру.

Я-йный опыт астрального тела, в совокупности, образует душу ощущающую. Она собирает опыт во внешнем мире посредством восприятий, ощущений, наблюдений, а также реагирует на него посредством инстинктов, рефлексов и т.д. Я-йный опыт эфирного тела образует душу рассуждающую; она формирует и устанавливает, вообще преходящие, впечатления от внешнего мира посредством воспоминаний, представлений, мыслей, что выражается в привычках, страстях

темпераменте. Бодрственный Я-йный опыт проявляется в физическом теле как душа сознательная. Здесь мы подходим к переживанию сущего, постижению субстанционального духовного и далее к побуждениям морали и к свободе. Так осуществляется сознание современного человека, и это ведет ко второй важнейшей связи, в которой мы познаем сознательную душу в духе всего учения антропософии. Начиная с XV века для человечества наступила эпоха сознательной души; ей предшествовала, начавшаяся с VIII столетия до Р.Х. эпоха души рассудочной, и последней предшествовала эпоха души ощущающей. В эти далекие, простирающиеся до 3 тысячелетия до Р.Х. времена, то что мы сейчас называем сознательной душой, парило еще на две ступени выше обычного сознания. Тот, кто ее мог воспринять, поднимался на две ступени в духовный мир и становился великим посвященным и вождем. В древних восточных мистериях, в соответствующих модификациях развивалось то, что сегодня как сознательная душа, является достижением всех. Сила, ведущая людей, которая еще дремала в божественных мирах, прошла через две ступени развития и достигла отдельных людей. Это означает, что сегодня каждый может руководить собой. Это и есть работа над сознательной душой в свете свободы. И это является также требованием времени, чтобы антропософия сделала всем доступными тайны древних мистерий. В той мере, в какой проходило это развитие люди выпали из-под непосредственного водительства духовного мира, такое водительство может действовать теперь только посредством полного самосознания человека. В этом состоит долг и ответственность нового языка.

С XV столетия до нашего времени сознательная душа развертывала только свою природную сторону, сознание достигло только по-

знания минерального, отсюда абстрактное познание наших дней и безжизненно действующая техника. То, что звучит здесь, не является звуками языка, но шумом: оно трещит и гремит, катится и стучит, свистит и шипит и т.д. Этот воздушный мир сам начинает пресобразовывать человека. Душа находится в опасности потерять себя, если она не найдет защиту на другой стороне природы. И, тем не менее, в этом нисхождении может быть достигнута новая мощь; человек достигает самостреченного созерцания и мышления. Это так же ему необходимо для душевного опыта; тогда начинают звучать звуки языка сознательной души.

Третья важная связь, в которой мы познаем сознательную душу в антропософии, относится к развитию человека в ходе следующих друг за другом периодах его жизни. Они представляют собой сокращенное повторение культурных эпох в жизни человечества. В педагогической связи Рудольф Штейнер постоянно повторял, что эфирное тело становится свободным на 7-ом году жизни, астральное тело - в 14 лет. Эти эпохи продолжают, хотя и не так явно, отпечатываясь в физическом теле. Так, на 21 году становится свободной ощущающая душа, в 28 лет - рассудочная, в 35 лет - сознательная душа, т.е. носитель сознания. Это может вызвать ложное мнение, что только начиная с 35 года жизни сознательная душа может начать выполнение своей миссии. Следует знать, что также и юный человек чувствует и волит как целый человек, но члены его существа еще не полностью закрепились в физическом теле. Это происходит только начиная с 35 года жизни и ведет к объединению душевного, если бы антропософия не действовала разделяюще и освобождаяще.

3. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

При вступлении в свои права каждого нового члена существа изменяются все прочие; например, у растения к физическому телу, которое имеют также минералы, добавляется эфирное тело; в результате этого видоизменяется также физическое тело. Также, присоединившееся астральное тело, изменяет у животного эфирное и физическое тела; еще сложнее взаимоотношения у человека.

Тоже происходит при следующих друг за другом культурных циклах и возрастных ступенях человека. Так, если в период с 28 до 35 лет рассудочная душа является носительницей сознания, то это происходит иначе, чем в эпоху рассудочной культуры, так называемой греко-латинской; она изменилась благодаря действующей в наше время силы сознания, она пронизана сознательной душой, которая едва еще парит под обычным сознанием и в которой действует ближайший высший мир. Это исследованный, с применением сверхчувственных средств, элементарный мир. В более юном возрасте сознательная душа достигает еще более высших миров.

Сознательная душа живет в стремлении к познанию и деятельности, но у молодых людей она действует из соответствующих миров и бессознательно приносит оттуда их существо; имажинацию, инспирацию, интуицию, с их образом действия. Посредством работы над сознательной душой, антропософия прокладывает путь к этим высшим видам познания и, тем самым, к опыту в высших мирах.

_____ 0 0 0 _____

Импульсы сознательной души действуют разделяюще и обособляюще, если их не упражняют в форме антропософии. Это может быть воспринято как человеческая трагедия. Но именно это возросшее внутреннее одиночество современного человека пробуждает сильное стремление к общению. Хотя антропософия должна переживаться в тишине душевной жизни, она действует так же социально, когда многие объединяются в своих действиях для общей работы во имя высшего. Этой цели и должны служить афоризмы, которые Рудольф Штейнер дал, в последние годы своей жизни, членам антропософического общества из Гёттеанума. То, что они ориентированы на совместную работу, следует из советов, которые он непосредственно сам дал для их применения: "Подступая к этим афоризмам, мы найдем, что они являются введением к тому, чтобы углубиться в предлагаемый материал циклов лекций и привести их в определенный порядок".

Речь идет не о том, чтобы антропософическое содержание было чисто внешне услышано или прочитано, но чтобы оно было воспринято живым существом души. В продолжении мыслей и чувств воспринятых и заключается существеннейшее. Но именно посредством этих афоризмов и должна быть проделана эта работа в отношении уже изданных циклов лекций. "Продолжение мыслей и чувств, данных антропософическим содержанием, и есть, в то же время, упражнения для души. Мы, созерцая, будем вживаться в духовный мир, если в указанном здесь духе проработаем это содержание".

Афоризмы, "предназначенные для антропософического общества, адресованные его членам", появлялись еженедельно, группами, по большей части по три или четыре афоризма. Это разделение на группы сохранено и в данной публикации. Первая группа афоризмов соде-

жит следующий звук слова: /для более легкого отыскивания их, все афоризмы будут пронумерованы.^х

I.

"Антропософия – это путь познания, который стремится духовное в человеческом существе привести к духовному во Вселенной. Она выступает в человеке как потребность души и чувства. Она находит свое право на существование в том, что может дать удовлетворение этим потребностям. Познавать антропософию может тот, кто находит в ней то, что он должен искать, исходя из своего душевного настроения. Антропософом может быть только такой человек, который определенные вопросы о существе человека и мира ощущает как жизненную необходимость, ощущает как голод и жажду.

II.

"Антропософия сообщает знания, полученные духовным образом. Она делает это постольку, поскольку повседневная жизнь и наука, основанная на чувственном восприятии и деятельности рассудка, приводят к границе жизненного пути, на которой должно умереть чувственное бытие человека, если оно не может перешагнуть эти границы. Эта повседневная жизнь и наука подводят к этой границе так, что на ней нельзя оставаться, но на этой границе чувственного восприятия открывается, посредством души человека, взгляд в духовный мир.

III.

"Есть люди, которые думают, что граница чувственного созерцания полагает также границу любого созерцания. Если бы они обратили внимание на то, к а к они сознают эту границу, то в

х.См. "Антропософские афоризмы /
Сопроводительные письма № 31.

этом же сознании они обнаружили бы способность перешагнуть эту границу. Рыба доплывает до границы воды; она должна вернуться обратно, поскольку ей не хватает физических органов, чтобы жить вне воды. Человек достигает границ чувственного созерцания; он должен знать, что ему на этом пути будут даны душевные силы, чтобы душевно жить в элементе, который не охватывается чувствительным созерцанием.

В "Основных положениях", в возвышенном стиле, говорится об антропософии в целом. Тот, кто до сих пор рассматривал антропософию как некую систему, как сектантское учение или догму какого-либо верования, или же как мировоззрение в обычном смысле, хорошо сделает, если пересмотрит свое суждение. В предисловии к своей книге "Теософия" Рудольф Штейнер пишет: "В определенном отношении каждая страница, даже многие предложения должны быть проработаны читателем. Всё должно быть пропитано сознанием".

В отношении афоризмов нужно вызвать в себе чувство, что было бы хорошо проработать всё, до единого слова. В последующем могут быть даны только наброски к тому, как это могло бы быть сделано в работе общества.

"АНТРОПОСОФИЯ – это путь познания", это можно предпослать афоризмам в качестве эпиграфа, который действует от первой до последней группы. Если эти слова всплывают во время работы в сознании, тем самым уже нечто произошло, что обладает внутренней силой; ибо путь познания означает внутреннее превращение. Всякое познание изменяет познающего. В принципе это происходит уже при всяком восприятии, опыте, созерцании, ибо они прибавляются к

нашему существу, обогащают его. Но всякое познание / суть сознательное обогащение. На основе нашего наличного внутреннего содержания мы в состоянии ставить вопросы, которые согласуются с этим содержанием. Всякое познание меняет наше содержание, тогда могут всплыть новые вопросы, поскольку мы, так сказать, стали другими.

Нынешний человек, исходя из привычек своего мировоззрения, старается препятствовать этому процессу, поскольку испытывает перед ним страх. Об этом страхе^I часто говорил Рудольф Штейнер; это страх "действительно прийти в соприкосновение со сверхчувственными мирами"; "он маскирует себя как особенный вид чувства действительности, как чувство материалистической истины". Этот страх приводит к пассивности мышления: "Замечено, что если сегодня говорить людям о душе, они стараются от этого обороняться. То, что они при этом имеют в сознании, это значит немного, но то, что они имеют в подсознательном, в бессознательном, — это значит гораздо больше... это именно бессознательная больная совесть... Страх — это то, что сегодня удерживает человека от восхождения от голого размышления к продуктивным мыслям..." Такой познающий может постигать мир, но сам остается таким, каков он есть, а именно — созерцателем..."... все более и более предпочитают оставлять совершенно без внимания активность мышления, внутреннее соучастие, внутреннюю деятельность в мыслях, и отдаваться только сменяющим друг друга впечатлениям, позволяя себе отдаваться произвольному течению мыслей... Не действовать в мыслях^X. В следствие такой пассивности познающий становится неподвижным, ограниченным, омертвелым, связанным и зафиксированным. Это ведет к познаватель-

х. "Современная духовная жизнь и воспитание". Вводная лекция от 5 августа 1923 года.

I. 23/7; 40/5; 46/2; 47/1.

ному и мыслительному параличу и совершенно конкретно полагает границы познания такому познающему².

Полностью меняется картина, если познающий сам становится другим в процессе познания. Если человек испытывает познание в его становлении, то всякое становление познания раз за разом раздвигает границы познания. Преодолению границ познания посвящена особая глава в "Философии свободы" Рудольфа Штейнера. Но даже в простейших актах познания можно почерпнуть многое, проливающее свет на этот вопрос. Докуда должны простираться эти границы? Их не найти нигде, если мы имеем дело с миром, они лежат в человеке.

Мы сами себе ставим вопросы, мы сами протягиваем через наше собственное существо границы познания. Уже сам факт стремления к познанию есть свидетельство того, что мы не можем оставаться такими, каковы мы есть. Если бы мы были бы единичными с миром, то не испытывали бы сердечной и чувственной потребности познания. Мы чувствуем себя выброшенными из мира. Общим между нами и миром является только духовное, в процессе становления его в человеке. Так, за словами "Антропософия — это путь познания"... должно следовать: "... который стремится духовное в человеческом существе привести к духовному во Вселенной."

Так, стоящее в первом афоризме, в первых словах, можно привести к внутреннему содержанию своего опыта.

— о о о —

Примечания к стр. II.^I 23/7; 40/5; 46/2; 47/1.

Примечание² — 40/6

4. ПУТЬ К ГРАНИЦАМ ПОЗНАНИЯ.

Тот, кто не сознает себя вышедшим к границам познания современного сознания, не может достигнуть переживания действительности. В этом сознании мы находим себя отрезанными от мира. Всякое стремление к познанию — это знак того, что мы не находимся в истинной действительности, отсюда стремление к истинной действительности, от которой мы отрезаны. Итак, границы нашего познания суть, в то же время порог истинной действительности, и это может быть только порогом духовного мира. В этом смысле нужно понимать третий афоризм: "Если человек обратит внимание на то, как он сознает эти границы, то он в этом сознании откроет также способность перейти эти границы."

Давайте попытаемся шаг за шагом подойти к этим границам. Это может произойти так, что мы постепенно будем выходить из нашего сознания. Это происходит в какой-нибудь форме, но большей частью совершенно бессознательно, при всяком познании; это путь всякой абстракции, но здесь важно проделать этот путь не теоретически, а практически. Самое широкое содержание нашего сознания, из которого мы черпаем материал для обычной науки — это мир наших чувственных восприятий. Если мы отвернемся от него, т.е. закроем чувства для чувственных восприятий, то тем самым мы еще не удалим этот мир из нашего сознания, ибо остаются еще внутренние впечатления, образы, воспоминания в совокупности: представления чувственного мира.

Следующий шаг состоит в том, что мы устраняем мир представлений, т.е. закрываем образам доступ к нашему сознанию. Это уже труднее сделать. Но если этого достигнуть, то тем самым мы еще не освободились от внешнего мира, ибо остаются еще взаимосвязи

между представлениями. Эти отношения можно определить как понятия; они также образуют замкнутый в себе мир. Если мы удалим и их из сознания, то остаются еще такие взаимосвязи понятий, которые уже ничего больше не содержат от внешнего мира. Это чистые мысли, о которых Рудольф Штейнер говорит в "Философии свободы". Также и чистые мысли указывают на пункт, где есть только способность или возможность мышления. Это пункт, содержащий как бы "ничто". Это так называемое "абсолютное я" классического идеалистического мировоззрения. Не трудно увидеть, что от этой границы сознания берет начало всякое наше обычное познание.

Если, показанный здесь теоретически, путь к границам познания мы проделаем практически, то мы должны погрузиться в сон, поэтому опыт на границе искажается. Оказывается, что при ежедневном засыпании человек действительно переходит границы познания, но при этом теряет сознание. Наука, о которой идет речь в афоризмах № 2 и №3, имеющая дело только с восприятиями, представлениями и понятиями, также на границе находится в состоянии сна. С другой стороны, если мы, с целью отойти от внешней науки, хотим углубиться в "Я", мы погружаемся в ничто.

Мы видим, что должно произойти нечто иное, если первые афоризмы внутренне пережить в духе их первых слов. В афоризме № 3 стоит: "Если мы обратим внимание на то, как мы сознаем эти границы, мы также откроем в этом сознании способность перейти эти границы. А именно, описанный путь к границам познания мы можем предпринять как душевное упражнение, соответственно советам, которые неоднократно давал Рудольф Штейнер, как например в своей книге "Как достигнуть познания высших миров?" При этом, важным является не одноразовое постижение, но терпеливое повторение. Это стояние

на границе познания и сознания суть ни что иное, как стояние медитации, установление внутреннего покоя, но не погружаясь при этом в сон: это порог духовного мира.

Границы собственного человеческого существа, как мы видим, достигаются и переходятся не только в процессе познания, но и при ежедневном погружении в сон. Тогда человек действительно отбрасывает от себя всё, вместе с внешним миром, в том числе и упомянутую точку, искру: "Это не наша заслуга, что мы снова просыпаемся утром". Но такое положение человека к внешнему миру, которое выражено в этом предложении, сформировалось в ходе развития человечества.

Таким же образом, как бодрствование и сон, выделились из другого, более духовного сознания, также бессознательность распространилась над опытом порога. Рудольф Штейнер описывает следующим образом это второе сознание: "Мы знаем, что в древние времена... человек был одарен непосредственным /однако без сознания "я"!/ ясновидением, вследствие чего он, со своими возможностями восприятия наблюдал не только чувственный мир, как сегодня, но сквозь него он мог видеть духовную основу чувственного бытия... Вследствие этого было возможно для человека, в это древнее время, иметь промежуточное сознание, между тем, которое испытываем мы в состоянии бодрствования, и в состоянии сна. Весь путь развития, начиная с тех времен и до сегодняшнего дня, как бы является смертным путем человеческого существа. Это становится нам понятней, когда мы читаем в афоризме № 2 "душевное человеческое бытие должно погибнуть, если оно не в состоянии перешагнуть границу." Если развитие к нынешнему состоянию развития сознания и далее будет проходить в том же направлении, то в конце концов,

оно придет к тому, что человек, по мере того как он всё более обособляется от мира, не будет больше пробуждаться от сна.

Тогда в его внутреннем опыте произойдет, то, что человек больше не будет получать свое существо от окружающей природы, но из далекого прошлого, из духовного мира будет приносить его с собой. Это живет уже во всех познавательных стремлениях человека, он ищет уверенности в своих чувствах", " мощного развертывания своей воли." Отглянемся от границы всякого познания обратно на природу, которую мы оставили позади себя. Нам станет ясно, что природа не дает человеку ответа на его вопросы о его собственном существе. Природа может только разрушить человеческое тело, от которого, однако, разнообразным образом зависит внутренний опыт в мыслях, чувствах и воле. Об этом говорят следующие афоризмы, которые снова следуют в порядке звуков слова.

IV.

"Для уверенности в своих чувствах, для мощного развертывания своей воли человек нуждается в познании духовного мира. Он в полном объеме может ощущать величие, красоту, мудрость естественного мира: но этот мир не дает ему ответа на вопрос о его собственном существе. Это его собственное существо удерживает вещества и силы естественного мира в форме живого, подвижного человеческого облика так долго, пока человек не проследует через врата смерти. Тогда природа получает это тело в свое распоряжение. Она не может сохранить его форму, но разлагает его на части. Величественная, прекрасная, исполненная мудрости природа дает ответ на следующий вопрос: как оно сохраняется. Никакое теоретическое возражение не может удалить этот вопрос из души человека, если только она сама себя не обманывает. Его наличное бытие должно

живо сохранять стремление к духовному миру в каждой человеческой душе, которая действительно бодрствует.

У.

"Человеку для внутреннего покоя необходимо самопознание в духе. Он находит себя самого в своих мыслях, чувствах, воле. Он видит, как мысли, чувства и воля зависят от природного человеческого существа. В своем разворачивании они должны следовать здоровью, болезни, укреплению и повреждениям тела. Каждый раз во сне они отделяются от него. Обычный жизненный опыт указывает на /казалось бы/ большую зависимость духовного опыта человека от телесного бытия. Тогда в человеке вырастает сознание, что в этом обычном жизненном опыте самопознание может быть потеряно. Прежде всего, возникает робкий вопрос: Может ли быть самопознание, выходящее за рамки обычного опыта и, тем самым, уверенность относительно истинной самости?" Антропософия дает ответ на этот вопрос на основе точного духовного опыта. Она, при этом, опирается не на мнения или веру, но на опыт в духе, который в своем существовании также надежен, как и опыт телесный.

0 o 0

5. КОСМИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД.

Тот факт, что удаляет как внешний, так и внутренний опыт сознания, охраняет нас от того, чтобы внутренний опыт обычного бодрственного сознания, а также мысли мы рассматривали бы как гарантию вечности и действительности нашего душевно-духовного существа. Всякая философия, которая ищет действительность во внутреннем опыте обычного сознания, делает ошибку. Рудольф Штейнер однажды, между прочим, сказал об этом: "... люди философского склада, в последнее время надеются найти надежный путь в том, что они просто говорят себе: "Да, то, что мы называем нашим собственным "я", остается одним и тем же существом на протяжении всей жизни, с рождения и до смерти: "Я" всегда одно и то же, если я помню себя самого. Я не ~~раз~~ уже упоминал, что это противоречит опыту каждого человека ежедневно, поскольку он не может знать, ... как он ведет себя со своим "я", этим "я - представлением" в период от засыпания до пробуждения. Об этом "Я-представлении" он может говорить только относительно бодрственного сознания, и должен эту цель видеть разорванной на куски."

Уверенность, о которой говорит афоризм № 4, следует искать на другом пути самопознания, на пути Антропософии. Оба афоризма № 4 и № 5 мы можем рассматривать в духе самопознания и в афоризме № 4, как бы от лица всего человечества звучит как бы вопрос, который находит ответ в афоризме № 5. В настрое тренирующейся души есть убывающая тенденция преодолеть сон. Это путь медитации. Не в том смысле, чтобы устранить права, которые сон имеет над человеком, но медитации, которая по совету Рудольфа Штейнера должна проводиться относительно короткое время, но со всевозможной регулярностью, она сама суть состояние, несущее в себе внеш-

ние признаки сна, но исполненное внутреннего бодрственного бытия в покоящемся сознании, направленном на предмет медитации. Результатом таких упражнений будет преодоление упомянутых в афоризме № 5 препятствий для духовной жизни, ибо мысли, чувства и воля отделяются от телесных связей.

Сам по себе путь к границам познания является уже упражнением в само-освобождении из обычного познания и его физической связанности. Взгляду, брошенному от границы, уже открывается определенная панорама физического мира, это как бы выпавший нам на долю, космический взгляд. Этого требовал Гёте от истинного исследователя: "Вы должны исследовать и испытывать как бесстрастное и, в то же время, божественное существо, изучая то, что есть, а не то, что нам нравится."

И снова мы должны обратиться к открытию чистых мыслей в философских произведениях Рудольфа Штейнера. Это колоссальные книги упражнений для современного сознания; они проводят к порогу духовного мира и вооружают для перехода через порог. Без чистых мыслей невозможно высказать малейший закон природы, они лежат в основе всякой науки; но важно также достичь способности дышать в чистых мыслях, как таковых. Для чистой математики эта необходимость бесспорна. Рудольф Штейнер повторял, что дыхание в чистых мыслях является, как бы, хотя и смутным, ясновидением, это ясновидение, которое каждый, без особых хлопот может извлечь из обычного сознания. Обратим внимание на следующее место: "Истина только тогда воспринимается, когда некто достиг способности так образовывать суждения, что они являются оторванными от физического тела, когда эфирное тело освобождается от физического.

Вспомните, как я всегда защищал точку зрения, которую должен защищать каждый духовный исследователь: первым ясновидением уже являются чистые мысли. Тот, кто воспринимает чистые мысли, уже является ясновидящим..., ибо чистые мысли можно воспринимать только в эфирном теле."

Это ясновидение воспринимает истинные понятия и идеи такими, какими они живут в "Философии свободы". Для понимания антропософии совершенно необходимо чувствовать себя как дома, в этой пограничной области между физическим и духовным миром. Рудольф Штейнер задачу антропософии часто определял, как одухотворение интеллектуальности. Это происходит в этой пограничной области. Всякое познание, как физическое, так и духовное, должно быть помещено в эту область правильных понятий и идей, чтобы стать доступным современному сознанию. Поэтому, во многих случаях Рудольф Штейнер говорил о том, что, хотя для исследования духовных миров исследователь должен иметь полностью сформированную ясновидящую силу, результаты, представленные как знания /например, понятия и идеи/ каждый, имеющий добрую волю и непредвзятость, может понять. К этому следует добавить, что для понимания духовных миров, духовный исследователь находится в точно таком же положении, как те, кому он сообщает результаты своих исследований.

Таким образом, в названной пограничной области, образуется эфирный мир, своеобразная встреча физического и духовного мира. Для нас имеет колоссальное значение, что мы достигаем этого мира своими чистыми мыслями. В самом деле, для того, чтобы правильно в него вступить, необходимо самоотречение как душевный настрой познающего, прекрасный плод развития сознания в наше время. В этом мире идеи и созерцания равноценны. Поэтому, для эфирного, для того, чтобы находиться в истине, достаточно представления

в понятиях. Различие между понятием и действительностью играет в следующих афоризмах существенную роль, оно будет яснее, если мы их общую область возьмем за исходный пункт.

VI.

"Если обратить взор на безжизненную природу, то перед нами предстанет мир открывающийся в закономерных взаимосвязях. Мы исследуем взаимосвязи и находим их как содержание природных законов. Но обнаруживаем также, что благодаря этим законам, безжизненная природа и земля составляют вместе иденное целое. От этих земных взаимосвязей, развертывающихся во всем безжизненном, можно перейти к рассмотрению живого растительного мира. Видно, как внеземной мир посылает силы из пространственных миров, которые вытягивают растения из безжизненной почвы. В живом облагораживает себя существо, которое отмахивалось от голого земного и делает себя откровенным того, что из далей мирового пространства действует на землю. В неприметнейшем растении утверждает себя существо внеземного света, как в глазу освещенный предмет, стоящий перед ним. В этом восхождении созерцания можно наблюдать различие физически-земного, которое развертывается в безжизненном и в внеземное-эфирное, которое утверждает себя в живом.

VII.

"Человек, своим внедушевным и внедуховным существом, находится в мире земного и внеземного. Поскольку мы его видим в земном, в безжизненном, он наделен физическим телом; поскольку он развивается в себе силы, которые вытягивают из мировых далей живое в область земного, он имеет эфирное или жизненное тело. Эта противоположность земного и эфирного осталась вне внимания познавательного направления нового времени. По этой причине, развивают-

ся совершенно произвольные взгляды на эфирное. Страх потерять говорит об этой противоположности. Но без такого рассмотрения невозможно прийти к правильному взгляду на человека и мир.

Прорастание Гёте — это эфирно-живое существо и, в то же время идея растения. Рудольф Штейнер всё снова и снова возвращается к разговору, который произошел между Гёте и Шиллером в начале их дружбы, это представлено в его книге "Мировоззрение Гёте" /Гл/. Шиллер назвал прорастание, которое на скорую руку нарисовал Гёте, идеей. Этому, после первого неприятного впечатления, Гёте был, в конце концов обрадован, поскольку надеялся посредством конкретно-созерцательного познать то, что он не мог постигнуть, когда пытался воспринять идею кантианцев. Данное здесь отношение между мыслями и созерцанием можно дополнить способом мышления, о котором говорит Рудольф Штейнер в своей "Философии свободы" и "Истине и науке". Эти книги написаны не так, что из них можно изъять какую-нибудь мысль и переставить ее в другое место; скорее они написаны так, как образуется организм, одна мысль вырастает из другой.

Так мы подходим к упомянутому выше промежуточному царству, откуда человек может бросить космический взгляд на физический мир. Этот "взгляд" обращен на неживую природу /афоризм № 6/. "Закономерные взаимосвязи", "Содержание законов природы", которые открывают себя, космически постигаются из идей-прообразов пограничной области. Материализм не признает это за истину, тем самым он отрицает почву, на которой стоит сам. Затем можно "перейти к рассмотрению живого растительного мира", и если обратиться к космическому взгляду, нам станет доступно, живому опыту и мыслям

содержание этих афоризмов. В отношении методов наблюдения обычной науки, можно совершенно сознательно сменить точку зрения. Тогда можно совершенно сознательно видеть и мыслить, "как внеземной мир из пространственных миров посылает силы, которые вытягивают живое из лона безжизненного" /афоризм №6/. Важным является указание на свет как на космически-духовную силу. Она познавалась Гёте на основе современных форм познания, и прослежена им до его чувственно-нравственного действия. Как близко стоят друг к другу свет и мысли, видно из немецкого языка, который, в некотором отношении, освещает кое-что космически правильно. Язык еще ближе находится к эфирной пограничной области.

В афоризме 7, исходя из созерцательных мыслей божественной созерцательной силы суждения, описывается физическое и эфирное тело человека. Основопологающее значение имеет то, что возможно и правильно постигать эфирное тело посредством чистых мыслей, как объяснил это Рудольф Штейнер в "Теософии". Вследствие этого антропософия, в соответствии с современным сознанием, возможна как наука. Научное постижение эфирного тела — это единственный пункт во всей антропософии, где сохраняется нечто от метафизики.

Метафизика — это мыслительный переход от сверхчувственного к чувственным фактам. Именно в современных научных теориях и гипотезах мы почти всегда имеем дело с необоснованными метафизическими конструкциями; так например, атомы, как они используются для объяснения физических явлений, ничто иное как метафизические привидения. Только эфирное тело может постигаться как метафизическое существо, поскольку чистые мысли сами являются внутренним постижением эфирного тела.

6. ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ПОРОГ.

Тот, кто освоится в пограничной области, эфирном царстве мыслей, скоро почувствует, что посредством космического взгляда, в духе наших обзоров, можно рассматривать минеральную и растительную, физическую и эфирную жизнь, но он недостаточен при переходе к животному миру. Мы можем разъяснить, почему так происходит.

Эфирное око Гёте может наблюдать прарастение и царство органического, живого — этим ограничиваются возможности его научного рассмотрения. Поэтому Рудольф Штейнер называет Гёте Коперником и Кплелером органического мира. Но Гёте хочет идти дальше, и в своем изучении перейти к морфологии царства животных, тем самым он приходит к заблуждению. "Ираживотное" недоступно его эфирному оку. Основание этого лежит в том, что человек, как познающее существо, не может относиться к космической объективности животного мира также, к силам пограничной области при рассмотрении растения; он чувствует себя самого втянутым в поток наблюдений. Гёте говорит, что природа "так величественна в царстве творения, что из многообразных растений может создать одно, в котором содержатся остальные, и из разнообразных животных создать "одно". существо, которое содержит в себе все остальные. Это существо — человек". Здесь совершенно отчетливо видно различие в способе созерцания в том, что человек при созерцании животного выступает не только как познавший, но, в то же время, как цель познания.

Животное различается от растения наличием астрального тела, и важно, как Рудольф Штейнер в своей книге "Теософия" описывает астральное тело и сравнивает его с эфирным; действие эфирного тела направлено снаружи внутрь, астрального тела — изнутри наружу.

Итак, можно сказать, что наука об эфирном теле является более естествознанием, наука об астральном теле — более психологией. Это различие видно также и в афоризмах.

УШ.

"Существо человека можно рассматривать состоящим из физического и астрального тела. Тогда обнаруживается, что все явления в человеке, рассматриваемые с этой стороны, не приводят к сознанию, а ведут к бессознательному. Когда усиливается деятельность физического и эфирного тел, сознание не просветляется, а затемняется. Результатом такого усилия деятельности является состояние бессилия. При дальнейшем рассмотрении, ориентированных таким образом суждений, достигают того, что убеждаются, что в организации человека, а также животного — есть нечто, что отличается от физического и эфирного. Когда физическое и эфирное действуют посредством своих сил, оно находится в бездействии, и начинает свою деятельность только тогда, когда физическое и эфирное тела прекращают свою деятельность. Так приходят к понятию астрального тела.

IX.

"Действительность этого астрального тела будет найдена, если посредством медитации, от мыслей, вызванных действием внешних раздражителей на органы чувств, перейти к внутреннему созерцанию. Для этого нужно внутренне овладеть этими зависящими от внешнего мира мыслями, и интенсивно испытывать их в душе, как таковые, безотносительно к внешнему миру; и тогда, вследствие укрепления души, которое наступает при таком переживании мыслей, обнаруживается, что появляются внутренние органы восприятия, которые видят духовное там, где в животном и человеке физическое и эфирное тела держатся в своих границах, вследствие этого возникает сознание.

X.

"Сознание возникает не в результате продолжения деятельности, исходящей от физического и эфирного тел, но оба этих тела должны привести свою деятельность к нулевой точке, даже с заходом в отрицательную область, тогда "создается план" для развертывания сознания. Они не вызывают сознание, но они создают почву, на которой должен стоять дух, для того чтобы в земной жизни могло проявиться сознание. Как человеку на Земле требуется почва, на которой он может стоять, так духовному в земных условиях требуется материальная основа, на которой он может себя проявить. И так же как в мировом пространстве планете не нужна почва, чтобы находиться на своем месте, так дух, рассмотрение которого осуществляется не посредством чувств, направленных на материальное, но посредством собственных сил, направленных на духовное, не нуждается в материальной основе для того, чтобы проводить в себе свою сознательную деятельность.

При рассмотрении процессов, происходящих в сознании, познающий видит себя втянутым в этот поток наблюдений, он чувствует себя не вне этих процессов, или противостоящим им, как это происходит при наблюдении явлений природы. Поэтому такие рассмотрения сферы сознания, замкнутые в области телесности, имеют только условную ценность, а именно только тогда, когда духовное исследование освещает эти факты с другой стороны. Так важно, что определение понятия астрального тела в афоризме 8, которое представляет человека с темной, природной стороны, физиологически проявляется как негативное. Конечно, явления сознания можно поставить в связь с нервами, но будет ошибкой, если нервы принять

за исходную точку рассмотрения. Достаточно напомнить о метафизической конструкции моторного нерва, которую Рудольф Штейнер представлял как главное заблуждение физиологии. Так говорит он в 30 цикле лекций, 8 лекции: "Нервов, которые должны быть моторными, не существует. Есть только воспринимающие нервы. Моторные нервы суть также воспринимающие; но только они служат для восприятия определенных движений мускулов. Спустя некоторое время люди увидят, что мускул приводится в движение не посредством нервов, но что он находится в связи с нашим астральным телом... Мы приходим к сверхчувственным силам, которые вообще представлены в нервах; то есть силы внутренние в наблюдение которых человек сам чувствует себя втянутым. Физиологические рассмотрения исключительно важны, ибо они позволяют также устанавливать сверхчувственные факты.

Так физиологическое рассмотрение нервов, их жизненных функций, показывает, что нервы имеют тем меньшую способность регенерации, чем более высокую форму сознания они представляют. Этот недостаток целебной силы указывает в направлении афоризма 8, где говорится, что физическое и эфирное должны "прекратить действие", чтобы началась деятельность сознания. Посредством таких взаимосвязей мы получаем негативное определение астрального тела. Но от этого негативного определения понятие переходит на позитивную сторону; в то же время, если его правильно воспринимать, оно стремится к своей реализации. Оно указывает на растущего человека; оно заканчивает формирование своего тела, рост прекращается, деятельность эфирного тела отступает назад, затем физическое тело начинает свертывать свою деятельность; но сознание развивается в той мере, в какой силы роста всё более теряют свое значение.

Развитие сознания не должно завершить своё развитие; оно может быть продолжено, и в этом понятие астрального тела стремится к своей действительности. Это дано в афоризме 9, в котором показан важный переход. Мыслям, которые в другое время инициированы посредством чувств, на границе познания, в медитативном покое, свойственен внутренний опыт "без его отношения к внешнему миру". Переход границы состоит в том, что астральное тело достигает сознания; тогда возникают "внутренние органы восприятия, которые созерцают духовное..." Оглядываясь на наши рассмотрения эфирного тела, мы можем сказать, что для него понятие и действительность, для обычного сознания, еще совпадают, ибо действительность эфирного тела лежит еще по эту сторону духовного мира. При рассмотрении астрального тела этот порог лежит между понятием и действительностью. Они могут быть соединены для познания, если сверхчувственно исследуемая действительность будет представлена духовным исследователем в форме чистых мыслей.

Таким образом можно понять двойственность афоризма 10, который на основе духовного исследования, провозглашает, что однажды, направив органы восприятия, вновь образованные, на события, разворачивающиеся на земле, можно видеть, что физическое и эфирное тела "не являются инициаторами сознания", "но они только дают почву, на которой может утвердиться дух, чтобы вызвать сознание среди земной жизни." А затем можно новые органы восприятия направлять на их собственный мир и тем самым... дух, рассмотрение которого осуществляется не посредством чувств, направленных на материальное, но посредством своих собственных сил, направленных на духовное, не нуждается в материальной основе для того, чтобы

проводить в себе свою сознательную деятельность."

Это описание, поскольку оно запечатлено в мире чистых мыслей, реализуется при переходе границы духовного мира, и познание этих отношений может быть одновременно переходом через порог.

Так сознание постепенно восходит в мир, в который, в другое время, человек вступает только во время сна. Сон и состоит как раз в том, что происходит отделение эфирного тела от астрального. Это разделение описано в этих афоризмах как различие между понятием и действительностью для сознательного перехода через порог. Философская форма этого описания предписывает нам воссоздать, в акте познания, это событие современной мистической жизни.

7. ОБРАЗ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ "Я".

В последнем обзоре утверждается, что для эфирного тела понятие и действительность совпадают, тогда как для астрального тела понятие и действительность разделены порогом духовного мира. Как при этом обстоит дело с "я", четвертым членом человеческого существа? При рассмотрении астрального тела Рудольф Штейнер в своих афоризмах резко противопоставляет слова понятие и действительность. Для эфирного тела это не является необходимым, ибо здесь они совпадают, а именно, по ту сторону порога духовного мира. Если мы обратимся к "Я", то окажется, что понятие и действительность и в этом случае совпадают, но только по ту сторону порога. "Эта строка" и "та строка", естественно, имеются в виду только в ограниченной области, речь идет о довольно узкой полосе, которая еще может образоваться посредством мыслей. Описание явлений по ту сторону порога, даваемое духовным исследователем, так отличается от нашего обычного опыта, что если происходящее там выразить в словах нашего обычного языка, то речь будет идти об некоем отражении, об образе в эфирном мире. Это суть источник величайших трудностей, особенно для философии, и отсюда вытекает множества заблуждений.

Нет сомнения в том, что всё существенное, в обычном бодрственном состоянии, воспринимается как "я"; и мы привыкли это также и выражать. Не говорят: "Моё тело ушиблось о стол", а "я ушибся". Также говорят: "Я голоден", а не "жизненные функции требуют питания". И так при всяком опыте: "Я смотрю на мир", "Я вспоминаю", "я думаю, я чувствую, хочу", "я радуюсь, страдаю". А также "Я сплю", "я засыпаю". То, что есть во время сна, недоступно сознанию, и тем самым, целому миру описанного опыта, в котором как раз действует внешний мир, а не "я". Рефлексия на

центральный пункт — это скорее умозаключение от испытанного внешнего мира к скрытому. Но также, как было бы ложным, из "Я-представления", почерпнутого из внешнего мира, строить действительность "Я — философии" /см. обзор 5/, так же ложно заключать о существовании скрытой "вещи в себе". Это была бы метафизическая конструкция, с которой Рудольф Штейнер окончательно разделался уже в "Истине и науке" и "Философии свободы". Скорее будет правильным сказать, что в этих событиях внешнего мира испытывает себя субъективная организация, и что с определенным правом можно спрашивать о трансцендентном, т.е. вне обычного сознания лежащим "Я для меня".

В первой из восьми медитаций "Пути самопознания человека" Рудольф Штейнер указывает на то, что Я-йный опыт представляющего внешнего мира не принадлежит собственному существу человека: "Когда душа посредством чувств и представлений углубляется во внешний мир, она, при правильном самочувствовании не может сказать, воспринимает она эти явления, или она испытывает вещи внешнего мира. Ибо, в момент ее погружения во внешний мир, она не знает о себе ничего. Солнечный свет, отраженный от предметов, многообразно окрашенный, распространяется в пространстве, он испытывает себя в душе. Если душа радуется какому-либо событию, то в момент радости она сама — суть радость. Радость испытывается в ней. Душа представляет себя единой со своим опытом..." В противоположность этому, ощущение собственного существа должно быть найдено как путь познания. Это должно нас привести к пониманию II афоризма, который в первую очередь должен быть выделен из своей группы.

II.

"Самосознание, свернутое в "Я", возникает из сознания. Оно возникает когда духовное в человеке выступает потому, что силы физического и эфирного тел восстанавливают их. За разрушением, если организация не хочет погибнуть, следует снова восстановление. В восприятии этого восстановления и лежит опыт самосознания. Можно проникнуть во внутреннее созерцание этого явления. Можно ощутить, как сознательное переходит в самосознательное благодаря тому, что создает из себя отраженный образ просто сознательного. Просто сознательное имеет свой образ в ставшем пустом, вследствие разрушения, организме. Оно преобразуется в самосознание, когда пустота снова наполняется изнутри. Сущность, способная к такому наполнению, испытывается как Я."

Только сознательное позволяет человеку жить предаваясь миру. Это одна сторона примитивного душевного опыта: "Душа едина с ее опытом в мире". Но в то же время это означает проникновение внешнего мира в телесность. Последняя, в результате этого, разрушается, повреждается. Так, глаза возникли из раны повреждения, вызванного действием света. В противодействие внешнему опыту, душа из боли создает органы. Так внешний мир мог бы вообще разрушить тело, если бы он следовал своим законам, что и происходит после смерти. Из разрушения восстает сознание. Но исцеление приходит от более глубоких сил, которые физически представлены как кровь. Это уже силы "я", но которые остаются скрытыми за бытием во внешнем мире примитивной душевной жизни. Относительно этого в лекциях Рудольфа Штейнера находятся описания, полученные на основе духовных исследований, которые, в то же время, представляют собой удивительный исходный пункт для физиологического изуче-

ния этих фактов: " на определенном месте нашей головы, в течение многих лет, образовались два особенно чувствительных места для ощущения солнечных лучей; тогда еще человек видеть не мог; но в этих местах, при восходе солнца, он чувствовал боль. Это действие продолжалось в течение многих лет, и исцеление от этого представляло собой образование на этом месте глаз. И так произошло то, что глаза, видящие красоту многоцветного мира, образовались на основе разрушения особенно чувствительных мест, образовавшихся под действием солнечного тепла. Не бывает никакого счастья, радости или благородства, которые образовались бы не на основе боли." Или следующее место: "Когда мы стоим перед каким-либо цветным предметом, то он, конечно, действует на нас. Но то, что разыгрывается между цветным предметом и человеческим организмом, это разрушительный процесс в человеческом организме... это как бы смерть в малом, и нервная система — это орган для продолжающегося разрушительного процесса. Этот разрушительный процесс, наведенный внешним миром в нашем организме, должен быть нейтрализован посредством крови..."

Восприятие разрушения физического и эфирного тела — это сознание, в восприятии восстановления заключается опыт самосознания. В этом открывается противостояние бытию, направленному на внешний мир; субстанция этого противостояния воспринимает, в то же время, отпечаток разрушающего внешнего мира. Это суть "образы просто сознательного. На этом пути образуется образ или представление "я"; для того, чтобы достичь действительности "я", необходимо продолжение медитативного пути, нужно "из себя создать образ просто сознательного."

XII.

"Действительность "я" будет найдена, если внутреннее созерцание, посредством которого познается астральное тело, продолжить таким образом, чтобы испытанные в медитации мысли пропитать волей. Вначале этим мыслям предаются безвольно. Посредством этого достигают того, что в эти мысли вступает духовное; подобно тому, как при чувственном восприятии цвет вступает в глаз, то и в ухо. Если то, что оживает в сознании при таком пассивном восприятии, отобразить посредством волевого акта, то в этом волевом акте вступит восприятие собственного "я".

Повидимому, хорошо сделать себе понятным процесс, как внутренняя активность, в начале бессознательная, в ходе медитативных упражнений ведет формирование сверхчувственных органов восприятия; это истинный язык мистерий. Как вода принимает любую форму, предлагаемую ей сосудом, так душа при каждом впечатлении принимает его форму. Поэтому и не возникает никакого душевного восприятия. Также и в чувственном восприятии возникает только потому, что тело оказывает противодействие внешним впечатлениям. Тело пытается сохранить свою собственную форму в противовес впечатлению. Если хотят перейти к восприятию души душевного мира, то нужно чтобы душа свою собственную затерявшуюся форму противопоставила душевным воздействиям душевного мира. Эта внутренняя твердость образуется в результате медитации.

Теперь мы можем еще продолжить сравнение души и воды: Если вода может принимать любую форму сосуда, она имеет также тенденцию высокой подвижности. Параллельно поверхности земли и перпендикулярно к зениту вода образует зеркало, в котором отражаются

небесные явления: солнце, луна, звезды и облака. Так ветер /судьба/ может заволновать поверхность воды, но затем она снова становится гладким зеркалом и отражает небо. Так духовное небо создает в душе свой образ : это - суть. "Сознание - Я".

Душа человека,

Как подобна ты воде!

Судьба человека,

Как подобна ты ветру!

/Гёте/.

0 0 0

8. "Я И МЕДИТАЦИЯ".

"Я - опыт имеет медитативный характер, и обратно, существо медитации может быть определено "я - опытом". Именно в этом смысле следует понимать совпадение понятия и действительности "Я" в духовном мире. Всякое познание действительности имеет "Я - характер", ибо масштаб для действительности может быть дан только "Я". Этот масштаб используется также естествознанием; также и естествоиспытатель не может найти ничего более действительного, чем "я". Поэтому естествознание не субъективно, но и не объективно, а находится по ту сторону того и другого; предмет, являющийся целью поисков, называет абсолютным, имеет же в виду духовную действительность. Так, во всяком познании есть движение на пороге духовного мира; в этом движении разрешаются кажущиеся противоречия в их различных формированиях, ибо они воспринимаются как противоречия, если они зафиксированы без движения.

В книжечке Рудольфа Штейнера "Философия и антропософия" мы находим следующие места: "Я живет в себе, поскольку оно производит чистые понятия и может жить в понятии, как в реальности..." "Так можно теоритично-познавательльно утвердить предложение, что в чистых мыслях достижима точка, в которой полностью соприкасаются реальность и субъективность, где человек воспринимает реальность." Суть в том, что здесь действие происходит около одной точки. При движении к границам познания мы находим эту точку.

В нашем 4 обзоре мы читаем: "Также чистые мысли, стягиваются наконец, к одной точке, где существует только возможность мышления или способность к мыслям. Остается одна точка как "ничто": это и есть абсолютное "я" классического идеологического мировоззрения. Нетрудно заметить, что от этой границы сознания берут

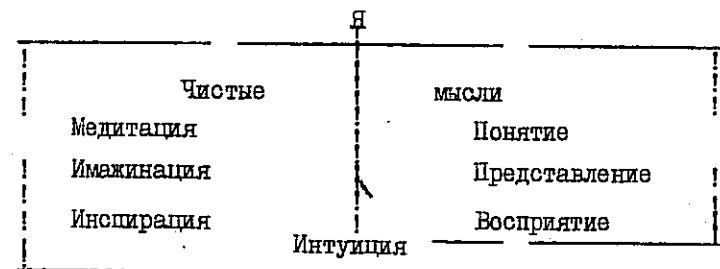
начало все наши обычные знания." Здесь мы имеем дело с действительностью "я", но только в одной точке на пороге духовного мира. Если мы вернемся оттуда к обычному сознанию, то всё становится образом, отражением, как это сказано в афоризме II; но мы приносим с собой впечатление опыта действительности и получаем таким образом масштаб для познания.

Но этот путь к границам познания не есть нечто однородное, нечто, достигнув чего однажды, в дальнейшем знают или имеют, но оно открывает свои тайны только в терпеливо-ритмическом повторении. Эту мысль мы находим в первой из восьми медитаций "Пути к самопознанию человека" Рудольфа Штейнера: "Это не есть простое событие, однажды происшедшее... Скорее это начало странствования в доколе незнакомых мирах." В медитативном покое на границе сознания образуются "мысли, как объекты переживаний", которые в ходе дальнейших упражнений пронизываются волей. То, что происходит, по описанию афоризма I2, это безвольное представление себя мыслям, в которые входит духовное, как цвет входит в глаз.

Это событие все снова и снова описывалось Рудольфом Штейнером, например, в его книге "Как достигнуть познания высших миров". Здесь речь идет о том, чтобы в ставшее пустым, тихое сознание, удерживаясь от сна, по-возможности, поместить живое, определенное представление. Тогда мысли можно преобразовать в способность имажинации. Происходит как бы вывертывание на изнанку обычного познавательного процесса, каким мы его находим при шествии к границам познания. При шествии к границам познания за восприятием следует представление /образ/, затем понятие и затем первый "Я - опыт". Теперь же исходят от "я". "Я" само ставит свободный образ, который обязан своим происхождением не чувственному миру, но имеет собственно-понятийный характер, в центр сознания. К нему присое-

диняются другие свободные образы. Это отдельные имажинации. Они являются как бы перевернутыми представлениями, бодрственными сновидениями.

Вступление воли отчетливо видно в этом процессе. В усилении самостоятельности волевое направлено на себя самое, и из этого мы можем уяснить то, что содержится в афоризме I2. В волевом акте выступает восприятие собственного "я". Это восприятие сущности Рудольф Штейнер, также и в последующих афоризмах, называет инспирацией, она представляет собой как бы духовное повторение чувственного восприятия отдельного предмета, совершенно соответственно тому, как имажинация относится к представлению. Из этого мы видим, что вступление в духовный опыт не внешне ведет в "мир". Мы возвращаемся в мир, который мы, казалось бы, оставим в своем движении к границам познания, но здесь появляется другая духовная сторона того же самого мира. Духовный мир вокруг нас, в нас, всё пронизывает. Полное сращение "я" и существ в духовном мире - это интуиция, посредством которой мы приходим одновременно к началу и концу этой дороги, как показано в нижеприведенной спирали.

Так "я" как образ проходит в различных формах весь процесс. Афоризм I3 пишывает духовную сторону исследования.

XIII.

"На пути медитации, в дополнении к форме, в которой "Я" выступает в обычном сознании, можно найти три дальнейшие формы:

1. В сознании, которое обнимает эфирное тело, "я" проявляется как образ, на который, в то же время является действующим существом и как таковое, дает человеку строение, рост, формирующие силы.
2. В сознании, которое обнимает астральное тело, открывается "я" как член духовного мира, из которого оно получает свои силы.
3. В сознании, которое может быть определено как окончательное, "я" показывает себя как относительно-независимое от духовного окружающего мира, самостоятельное духовное существо.

В четырех формах выступает "Я"; вкратце они могут быть определены как:

- "я" в физическом теле, обычное сознание;
- "я" в эфирном теле, имажинативное сознание;
- "я" в астральном теле, инспиративное сознание;
- "я" в "Я", интуитивное сознание.

С древних времен "силы - я" связывались с человеческой оболочкой. В своей "Тайной науке" Рудольф Штейнер представляет великие эпохи мирового развития, признаками которых являются члены существа человека. Мы должны опираться на эти описания, если хотим понять афоризм I3. Из этих описаний следует, как "я" - существо человека, еще без самосознания, было связано с творческими существами иерархии, о которых речь пойдет в последующих афоризмах, как было создано:

- на "старом Сатурне" физическое тело человека,
- на "старом Солнце" эфирное тело человека,
- на "старой Луне" астральное тело человека,

На Земле повторялись эти мировые эпохи, но так что все члены существа человека были преобразованы посредством новоприобретенного "я". Так "я" проникло в остальные члены. Посредством преобразования физического, эфирного и астрального тел, посредством "я" космические импульсы преобразованы в космически-земные.

Вследствие этого образовались сегодняшние члены человека и "я" само подготовило почву, на которой оно может духовно утвердить себя. Эти импульсы только в малой мере достигли человеческого сознания; они, на основе духовного познания описаны в афоризмах I4, I5, I6.

XIV.

"Вторая форма "я", которая представлена в первом пункте приведенного афоризма, выступает как образ этого "я". Посредством утверждения этого образного характера, брошен также свет на мыслительное существо, в виде которого "я" выступает перед обычным сознанием. Посредством всевозможных рассмотрений ищут в обычном сознании "истинное я". Однако, серьезный взгляд в опыт, полученный этим сознанием, показывает, что в нем не может быть найдено "истинное Я"; но только его мыслительный облик отблеск, даже менее чем образ. Истинность этого факта познается только тогда, когда продвигаются к "я" как образу, который живет в эфирном теле. И, вследствие этого, становятся в правильные отношения к поискам "я" как истинного существа человека.

XV.

"Рассмотрение формы, в которой "я" живет в астральном теле, приводит к правильному ощущению отношений человека к духовному миру. Эта форма "я" для обычного опыта погружена в темные глубины бессознательного. В этих темных глубинах человек вступает в связь посредством инспирации с духовными мировыми существами. Только слабый чувственный отблеск этой инспирации, развертывающейся в душевных глубинах стоит перед обычным сознанием.

XVI.

"Рассмотрение третьей формы "я" позволяет бросить взгляд на самостоятельное существо человека в духовном мире. Она дает ощущение того, что человек, с его чувственно-земной природой, стоит перед собой, как проявление того, чем он в действительности является. Тем самым дан исходный пункт истинного самопознания, ибо всякое "я", которое человек формирует в своей истине, в познании открывается тогда, когда он движется от мыслей об "я" к образу, от образа к силам, формирующим образ, и от них к духовному носителю этих сил.

При известной внимательности можно увидеть, что в афоризме I4 представлен исходный пункт образования мыслей, в афоризме I5 — чувств, в афоризме I6 — воли. Так мы имеем "я" в мыслях, чувствах и воле, как предвестниках имагинации, инспирации и интуиции.

9. "Я" (), "НИЧТО" ()
и "СВЕТ" ().

Всегда производит большое впечатление, когда душа получает представление, что всякое познание исходит от опыта порога. Вследствие этого наше обычное познание приходит в состояние, при котором "я" бессознательно поднимается к порогу и возвращается обратно. При духовном познании "я" сознательно переходит через порог, и при обратном движении преобразует духовный опыт в формы обычного сознания. Но путь через порог проводит через опыт, который в древнейших мистериях ставился в соответствии с опытом смерти.

Тайные общества, ведущие свой культ от древних мистерий, традиционно сохраняют это. Но они используют только внешнюю символику: череп, гроб, положение в могилу и воскрешение. Рудольф Штейне не раз говорил об этом, но тот факт, что сознательный переход через порог при посвящении, и сегодня суть переход через смерть, должны наполнить нашу душу благоговейным страхом.

"Через три двери можно вступить в духовный мир..., это справедливо с древнейших времен, об этом говорилось и говорится в истинах мистерий. Эти врата смерти не могут быть достигнуты, если мы не пытаемся их достигнуть посредством того, что давно известно под названием медитации..."

Этот вход в духовный мир назван "вратами смерти" потому, что это в самом деле есть смерть, еще более сильная, чем физическая. При физической смерти человек уверен в том, что она отнимает у него физическое тело, но при вступлении в духовный мир мы должны отбросить наши понятия, наши представления и идеи и начать заново построение нашего существа. Эти процессы разверты-

ваются в жизни души. Ежедневный отход ко сну — это только неопределенный образ этой смерти. В шестви к границам познания мы находим узкие врата, опыт "я" как точки. Но в отношении действительного опыта порога — это только абстрактный способ выражения.

Рудольф Штейнер описывает, например, в своей книге "Как достигнуть познания высших миров" опыт "Стража порога" как грандиозный акт ужасающего самопознания. Посредством этого скрытое существо "Порчи собственной самости" демонстрирует себя человеку. Тут также обычное знание связывается с традиционным знанием прежних времен, и возникают разговоры о бездоказательной науке; но здесь следует обратить внимание на то, что эту традицию мы имеем только потому, что в прошлом посвящении был проделан этот смертный путь. Так что мы можем сказать: "Всякое познание окружено смертью." Все мощнее выступает этот опыт смерти в ходе афоризмов. Явления древних мистерий стали историческим событием в мировой мистерии на Голгофе. Тем самым была преодолена духовная смерть человечества, о которой говорила древняя мудрость мистерий, и миссия древних мистерий вступила во внутреннее души каждого человека. Уже в 1902 году Рудольф Штейнер в своей книге "Христианство как мистический факт и мистерии древности" дал величественное историческое обоснование этому, и тем самым, создал исходный пункт для всех своих позднейших исследований мистерии на Голгофе.

Наши рассуждения относительно "я" могут в начале показаться абстрактными, но они имеют за собой состав ощущений этого великого мирового явления. Истинная абстракция — это упражнение, чтобы приблизиться к истинной действительности, она поднимает

человека, уже согласно значению слова, над обычным сознанием. Так, в нашем 7 обзрении говорится, что понятие и действительность "я" совпадает по ту сторону порога. Поскольку при шестви к границам мира мы отбрасываем отдельные понятия, остается только возможность мыслей. Это есть порог. Здесь, в действительности нельзя больше говорить об отдельных понятиях, но только о бесконечной сумме всех мыслительных возможностей. Но это воспринимается как точка, она есть источник всякой понятийности из духовного мира. В ней находится действительность "я" как последний или /первый/ представитель всякой понятийности, или источник всякой нашей сознательности. Так нужно понимать совпадение понятия и действительности "я" в духовном мире.

Путь тренировок неуклонно ведет к "НИЧТО". Это "ничто" Мефистофеля, которому Фауст противопоставляет мужественные слова: "В твоём "ничто" я всё найти надеюсь!" В цикле 8, лекции 5, Рудольф Штейнер говорит: "В целом человечестве всё снова и снова разыгрывается сцена, которую Гёте так удивительно нарисовал в своём Фаусте. С одной стороны, мы видим там Фауста, который ищет путь в духовный мир, с другой — Мефистофеля, который характеризует этот духовный мир как "ничто", поскольку он заинтересован в том, чтобы предоставить ему чувственный мир как целое. Фауст возражает ему словами, которые мог бы сказать любой духовный исследователь: "В твоём "ничто" я всё найти надеюсь!" Только если знают, что в малейшей частичке материи действует дух, и что Мефистофель — это только искаженный дух в мире, только тогда внешний мир появится в правильном представлении, чтобы сделать снова возможным движение человечества вперед.

Рудольф Штейнер также показал, как Я () в символике совпадает с центральной мистерией человечества, и как в истинном образе согласуется строгий путь познания с жизнью. Этим можно завершить свод наблюдений.

На границе бытия устанавливается и по обеим сторонам:
- ариманово отрицание; (Тао со змеей) как модиферово воздействие:

Но затем, в правильной работе к истинной действительности космического этот образ преобразуется, и по ту сторону порога появляется духовный мир, появляется то, что человек ищет на пути смерти:

Тот, кто знает язык эвритмии, ощущает широкие волны мира в и сил в Т, которая нам, человеческой личности, посылается свыше. Светло должно стать человеку, когда с его глаз упадет повязка. Это должно происходить решительным образом при всяком познании. Это поистине буквы языка сознательной души, которые создают действительность в преобразовании образов.

X

Афоризмами № I7-I9 открывается новый тон в последовательности афоризмов; это новое начало описания человека как тела, души и духа.

XVII

"Человек - это существо, которое развертывает свою жизнь по середине, между двумя областями мира. Он, со своим телесным развитием является членом "нижнего мира", со своей душой он образует "средний мир", и со своими духовными силами он устремляется в "верхний мир". Развитием своих тел он обязан природе, свое душев-

ное существо и он несет как свою собственную часть; духовные силы он находит в себе как дар, который его возносит над собой самим, для его участия в божественном мире.

XVIII

"Дух в этих трех мировых областях является творящим. Природа не бездуховна. Если в ней не познают дух, то теряют также возможность познания природы. Но в бытии природы дух находится как бы сияющим. Также как сон в человеке имеет определенное значение и "я" должно определенное время спать, чтобы остальное время понастоящему бодрствовать, так и мировой дух должен спать в природе, чтобы в другое время бодрствовать.

XIX

"В отношении мира душа человека - это сияющее существо, если не обращать внимания на дух, действующий в нем. Он пробуждает внутри ткань душевных сновидений для участия в мире, из которого происходит истинное существо человека. Как спящий замыкается от физического мира во сне и расслабляет собственное существо, так душа должна потерять свою связь с мировым духом, от которого она происходит, если она не желает слышать в себе призыва духа."

Ю. ТЕЛО, ДУША И ДУХ.

Методам современной науки и средствам воспитания свойственно брать естественно-минеральные явления за исходную точку при образовании мировоззрения. Если бы мы могли представить себе совершенно развитого человека, возникшего из ничто, то он наверняка взял бы за исходный пункт не минеральный мир, а себя самого, поскольку он себя мог бы рассматривать как замкнутое единство; исходя из этого, ему представлялась бы и многочисленность мира и его собственного существа.

В произведениях Рудольфа Штейнера существо человека, с различных точек зрения в различных взаимосвязях, представлено различным способом и различным составом. Все члены и различные части его имеют то или иное методическое обоснование. Ничего не может быть глупее возни критиков Рудольфа Штейнера вокруг семичленного человека. Существенным в описаниях Рудольфа Штейнера является то, что он никогда не излагал свои исследования в замкнутой форме, но всё снова и снова освобождал их для живого формирования.

В его описаниях есть представление человека как существа; с различных точек зрения он является двойственным, тройственным. Человек представлен также четырьмя, пятью, девятью, двенадцатью членами; также имеет основание членение его в соответствии с числом пятнадцать.

Если человек попытается познать себя как единство, то скоро он убедится, что может сделать это только в противопоставлении всему остальному. Когда человек утверждает свое бытие, он утверждает также мир. Так, единство существует только в противоположности к некоему иному. Чем резче хочет утвердить себя как единство, тем более от его собственного существа отделяется иное, при-

надлежащее миру, пока не останется только точка, подобная "ничто". Это трагедия "я". Попытка привести себя в равновесие с миром, ведет к дуализму поделенного вида; основной тон дуализма "Внутренний мир - внешний мир". Можно попытаться идти двумя путями, либо исходя из внутреннего мира постигать внешний, либо из внешнего постигать внутренний.

В обоих случаях исчезает объект наблюдения. Если мы исходим из душевного и пытаемся установить отношение к внешнему, то подходим к границе, когда всякое такое отношение прерывается сном; чем интенсивнее мы направляем внимание на внешний мир, тем более мы утомляемся, и во сне исчезает объект. Если мы, исходя из внешнего мира, попытаемся познавать человека, то мы обнаруживаем, что все силы внешнего мира, когда они действуют на человека сами по себе, разрушают человеческое тело, как носитель внутренней жизни. Это проявляется при воздействии внешнего мира на труп. Смерть - это другая граница, за которой исчезает объект. Это лишь отдельные указания, которые могут быть испытаны различным образом.

Существенное же лежит не в непосредственном внутреннем мире, и не во внешнем мире, но суть третье, которое действовало в обоих случаях и пронизывало то и другое как общее. Это мышление, которое связывает противоположное. Полярность обеих рассмотренных вещей вызывает из них третье. Тем самым мы имеем, исходя из терминологии Гегеля, прафеномен. Единство, положенное уже вследствие этого, имеет противоположное, как обязанное с ним, и оба производят из себя третье, связанное с обоими: тезис, Антитезис, Синтезис. Гегель формулирует это на внешнем уровне абстракции: Бытие (), - ничто / /, становление - /
/ вместо того случая, где эти отношения выступают прежде

всего: Я (), Не - Я (), Познание ().

В духе наших рассмотрений мы можем это представить следующим образом: Мышление, как третье, высшее, связывающее внутренний и внешний мир, проявляется внутри; оно дано здесь прежде всего. Но субъективным является только способ, которым оно проявляется внутри; но его существо, его содержание не принадлежит внутреннему миру, но оно остается тем же самым, проявляется ли это содержание во мне или в ком-нибудь другом, оно, по своей сути, независимо от способа, которым оно проявляется. И его, как абсолютно испытанное внутри, повернуть во внешний мир. Не так, как если бы теорема Пифагора принадлежала внешнему миру, ведь ее нигде невозможно найти во внешнем мире, но она может быть обращена во внешний мир. Она, в отношении внешнего мира, абсолютна.

Когда мы постигаем, как такое внутреннее переживание относится к внешнему миру, мы испытываем духовное. Выдающиеся люди, в эпоху начала развития сознательной души, чувствовали это как величайшее откровение. Великий астроном Иоганн Кепплер имел такой опыт и описал его в своих произведениях. Если созерцать человека со стороны внешнего мира, то здесь имеет дело с телесным существом. Внутренний мир представляется как душевное существо, Наблюдатель, в обоих случаях, выступает как дух. Этот дух охватывает одновременно внешний и внутренний мир. Итак, если мы говорим о духе человека, нужно сознавать, что речь идет не о замкнутом духовном существе, но что духовное, как абсолютное, открывается в душе человека. Это отчетливо выражено Рудольфом Штейнером там, где он в своей "Теософии" представляет тело, душу и дух: "Телом

представляется то, благодаря чему человеку открываются вещи внешнего мира... Словом душа указывает на то, посредством чего он вещи связывает со своим бытием... В качестве духа имеется в виду то, что ему открывается..."

Здесь следует обратить внимание на то, что при определении тела и души употребляется выражение "посредством чего", а при определении духа - "то что". При чтении произведений Рудольфа Штейнера, в самом деле, нужно обращать внимание на слова. При таком понимании сказанного, этот поворот от "посредством" к "что" выражает, что человек имеет определенное тело, а также определенную душу, но только поскольку в нем присутствует дух, поскольку он открывается в нем. Это особенно важно для нашего времени, когда дух еще очень слаб в человеке и мало показывает определенное строение. Человек, также как природа, открыт духовному миру.

С этим мы можем обратиться непосредственно к афоризму I7 и убедиться в том, что мы поистине имеем дело с "СЛОВОМ МАСТЕРА", если мы переживаем его внутренне. В афоризме I7 звучит: Он /человек/, вместе с развитием своего тела является членом "нижнего мира"; своим душевным существом он образует "средний мир" и посредством своих духовных сил он устремляется к "внешнему миру".

Здесь то же самое различие, что и выше! Т.Е. здесь говорится о том, что человек разворачивает свою жизнь между двух областей мира. В то же время, из названия этих областей образуются слова: телесное развитие, душевное существо, духовные силы". Только в качестве души человек является существом. Посредством телесного развития, природа, с помощью духовных сил, возвышается в человеке к высшему миру. И здесь возникает великая мировая полярность

Макрокосма и Микрокосма. В предложении 18 дух в природе представлен как сияющий; но человек, именно в связи своей души с телом, посредством которой в нем возвышается природа, может бодрствовать. Дух, который нисходит в человека от "внешнего мира", пробуждается в этой области, но человек спит в отношении духа, и именно в состоянии своего телесного бодрствования. Следующее отсюда познание будет развиваться в последующих предложениях.

Душевные грезы в афоризме 19 составлены из смеси бодрственного сознания и сна. Душевные грезы находятся не только на обеих границах между бодрственным состоянием и сном, но они пронизывают всё бодрственное состояние. Проблема бодрственного сознания, состояния грез и сна без сновидений покрывает широкую область духовно-научных исследований Рудольфа Штейнера. Эпохальные открытия, сделанные им в этой области, он не мог представить в полной взаимосвязи просто потому, что ему не хватало для этого времени. Всегда это были только попутные сообщения, излагаемые им, которые в такой форме не могли быть познаны в их огромном значении для мира. Здесь нужно сделать еще бесконечно много; ибо они являются не легко набросанными мыслительными озарениями, как мог бы подумать поверхностный читатель на основании их почти афористичной формы, но являются результатом многолетних серьезных исследований Рудольфа Штейнера, проведенных во всеоружии современных научных методов. В его книге "О загадках души" эти открытия изложены с предельной достоверностью — но были игнорированы обществом в смутный период мировой войны.

В связи с этим мы приведем одно важное место: "... действительно бодрствуем мы /в истинном смысле этого слова/ только в

отношении наших восприятий; спим же мы, даже находясь в бодрственном состоянии, в отношении чувственной жизни, здесь мы, по существу, грезим, и в отношении нашей волевой жизни, мы, по-настоящему спим.

Так в бодрственное сознание вступает состояние сна. Представим себя шествующими через мир: что переживаем мы в нашем сознании? Это мир восприятий и наших представлений; но для нашего опыта скрыт мир чувств и волевых импульсов, мир, который находится вокруг нас, как воздух повсюду вокруг нас, но который отсутствует в обычном сознании. Тот, кто так рассматривает вопрос, будет недалек от того, чтобы действительно познавать находящийся вокруг него сверхчувственный мир."

— 0 0 0 —

II. ПРОБУЖДАЮЩИИ ПРИЗЫВ ДУХА.

Пробуждающий зов духа, звучащий в мире, может только в результате непредвзятого самонаблюдения прервать душевную спячку человека. Поэтому важно проследить, как грезы из ночного сознания переходят в дневное. Когда пробуждаемся утром, мы всплываем из мира образов, в который проникли чувственные восприятия внешнего мира. Этот мир образов грезящего сознания обладает собственной закономерностью символики, о которой часто говорил Рудольф Штейнер. Но этот переход редко происходит внезапно, по большей части он проходит постепенно; и после некоторой тренировки можно его распространить в сознании, причем, время естественно того процесса исчисляется секундами; таким образом можно наблюдать переход и видеть, например, как символические образы совлекаются с предметов чувственного мира, но душа всё еще остается погруженной в закономерности мира образов. Состояние сознания в грезах ранним утром и медленное падение кривой усталости — это факты известные; менее заметна легкая способность к ассоциациям представлений перед обедом. Поэтому утром мышление лучше работает. И так можно наблюдать, как бодрственное сознание ни в коем случае не приходит целиком под впечатлениями внешнего мира, но в бодрственное сознание постоянно вписывается другой мир, мир представлений и воспоминаний, истинный мир образов со своими законами. Законы ассоциации представлений — это широкое поле для исследований, некоторые из ассоциаций навязчивы, некоторые едва уловимы. Подчас некоторые из них внезапно проявляются и причиняют страдание.

Или легко можно получить такой опыт. Мы идем в лесу сами по себе и наслаждаемся красотой леса. Затем мы погружаемся в грезы и забываем себя. Внезапно мы слышим выстрел! Исцуг пробуждает

нас, и если мы внимательны к таким вещам, то можно удержать в памяти место, откуда мы вернулись, быть может, с берегов Браматутры. И затем можно проследить, как мы, со своими представлениями, путешествуем вдаль. Пробуждение во время кажущегося бодрствования — это очень важный опыт, ибо то что пробуждает — это и есть дух. Пробуждающий голос духа всегда звучит в грезящей душе /афоризм 13/. Для того, чтобы в действительности его слышать, нужно учиться преодолевать грезы в бодрственном состоянии; это удается, когда упражняются проводить на некоторое время к молчанию собственную закономерность мира образов. Когда мы вступим в такую борьбу, такие представления укрепляются, тогда вокруг нас поднимается настоящий танец ведьм: представления принимают демонический характер; они суть действительные злые существа, которые из элементарного мира через врата обычного воспоминания также связаны с такими существами, однако, чтобы иметь ценность для человека, они должны быть построены в соответствии с законами морали. Также и в этом есть важный опыт.

Если я хочу пересилить страсть, я не должен с ней бороться, ибо от этого она станет только сильнее, но я должен отвернуться от нее своим сознанием, сознательно забыть ее и ввести в поле сознания другие представления. Это истинный путь к достижению правильной медитации. Нужно отклонить навязчивые представления, упражняться в старательном забвении и ввести в сознание представления, целиком зависящие от нашей воли.

Такие душевные упражнения обостряют внутреннее ухо, делая его восприимчивым для пробуждающего призыва духа; они ведут нас также к следующим предложениям:

20.

"Для правильного развертывания душевной жизни человека важно, чтобы он внутри себя полностью осознавал воздействие духа. Многие приверженцы нового естественно-научного мировоззрения в этом отношении, настолько находятся во власти предрассудков, что утверждают, что общий закон причинности является господствующим во всех мировых явлениях. Если человек думает, что он своими свойствами может быть причиной чего-либо, то он впадает в иллюзию.

Новая естественная наука имеет претензию во всем быть верной наблюдению и опыту. Посредством этого предрассудка, относительно скрытой причинности собственных человеческих побуждений, она погрешает против своего собственного метода. Ведь свободное действие изнутри человеческого существа — суть элементарнейший факт человеческого самонаблюдения. Его следует не отбрасывать, но привести в согласие с воззрением относительно общего закона причинности в порядке природы.

21.

"Несознание этих побуждений, исходящих от духа внутри человеческого существа — это очень серьезное препятствие для достижения видения духовного мира. Ибо вчленение собственного существа в природные взаимосвязи означает отклонение душевного взора от этого существа. Но невозможно проникнуть в духовный мир, если дух не познает прежде всего то, что дано ему непосредственно; в непредвзятом самонаблюдении.

22.

"Самонаблюдение является началом духовного созерцания. И поэтому оно может образовать правильный исходный пункт, поскольку,

при правильном настрое, человек не может при нем оставаться, но должен продвигаться дальше, к дальнейшему духовному содержанию мира. Как только человек приходит в упадок, если не получает физического питания, так, при правильном самонаблюдении, человек приводит себя в упадок, если не видит как в него вливаются силы вне его действующего духовного мира.

В душе современного человека Рудольф Штейнер заставляет мощно звучать пробуждающий призыв духа. Он описывает этот пробуждающий призыв, как как он звучит уже на протяжении столетий. Он представляет человека как тело и душу и дух. Существо дела именно в словах "и дух". Мы можем вкратце повторить его слова. В древних культурах трихотомия "тело, душа и дух" — была непосредственным опытом. Затем на восьмом соборе в Константинополе 869 г. "дух был исключен". Там было принято, что человек имеет только тело и душу и некоторые духовные свойства. Исходя из отношений того времени, было понятно, почему всеми была принята эта догма.

Это учение было без критики принято в западную науку, так что в современной психологии мы также встречаем только тело и душу. Хотя эта наука претендует на то, чтобы считаться непредвзятой, в действительности эти ее представления основаны на традиции католической церкви, установившейся после описанного собора.

Поэтому считается чепухой, если кто-то говорит о духе человека. Рудольф Штейнер описал во взаимосвязи эти явления в цикле лекций 45. Именно в последних лекциях он убедительно говорил о том, какое значение для земного и духовного мира имело это время /869 г./. В последующих афоризмах мы находим некоторые замечания

по этому поводу. Для того чтобы с определенной стороны рассмотреть эти вопросы, мы сейчас хотим образовать некоторые представления.

Приближается время когда раз за разом человек будет становиться все более свободным существом. Тогда, перед воротами католической церкви, он натолкнется на догму, исключавшую дух из сущности человека. Вследствие этого стремления человека будут направлены исключительно на телесность, и она будет представлена "свободной науке". Вследствие этого, католическая церковь получит большую власть над душами людей. Тогда дух человека погрузится в сон. Но тем не менее, он не прекратит своей деятельности.

Наука, направленная на тело, должна стать материализмом. В материализме дух действует как самоотрицание. Всё это стало в наше время угрожающей силой, и грозит в дальнейшем повториться в отношении души. Мы можем в недалеком будущем представить себе консилиум естествоиспытателей и врачей, которые придут к заключению, что у человека есть только тело, обладающее некоторыми душевными свойствами: догма и несуществование души. Тот, кто утверждает противное, будет заключен в тюрьму и, как таковой, хотя и не будет сожжен, но помещен в сумасшедший дом.

Так душа может потерять себя, и угроза того, что описано в предложениях 19 и 21 стала уже реальной: "... итак, душа может потерять свою собственную связь с мировым духом, от которого она произошла, если она не захочет слышать пробуждающий призыв духа." И, "... вчленение собственного существа в природные взаимосвязи означает отклонение душевного взора от этого существа." Но против этой опасности душа вызывает "свободное действие изнутри человеческого существа" -- афоризм 20.

Пробуждающий призыв Рудольфа Штейнера обращен к душам, которые в своих грезах ощущают нечто от этой угрозы. Этот призыв не несет в себе ничего от моральной проповеди или секстантского пророчества, он просто называет человека его истинным именем. Если человек спит и я хочу его разбудить, то я называю его по имени. Так Рудольф Штейнер называет человека его истинным именем, которое выражается в знании: "Тело, душа, дух."

Сущность вопроса заключается именно в слове "дух". Здесь дело ни в каком-либо учении, которое, тем не менее, обосновано всевозможными познавательными средствами, утверждающем, что человек состоит из тела, души и духа; но в познавательном факте, который действует в земном и духовном мире. Поэтому опыт того, что существо человека состоит из тела, души и духа, имеет мировое значение.

_____ 0 0 0 _____

12. О СВОБОДЕ.

Опытный факт наличия тела, души и духа образует исходный пункт такого введения в существо человека, которое дал Рудольф Штейнер, например, в своей книге "Теософия". Вообще, можно поставить вопрос, почему в афоризмах прокладывается другой путь, так что основная троичность "тело, душа и дух", от которой происходят все другие троичности в произведениях Рудольфа Штейнера, вводится только в афоризме I7. Есть интимное различие, на которое мы обратим внимание, причем, всё зависит от "КАК" способа представления. Пробуждающий призыв духа, звучащий в "Теософии" Рудольфа Штейнера, мощно звучит в сегодняшнем сознании, как истинное имя человека /см. обзор II/. Важнейшей стороной этой книги является то, что показано, как, исходя из начальной точки чувства свободы обычного сознания, путь ведет до последних его пределов так, что этот первый решительный шаг человека проистекает из его внутреннего существа. Именно в "чувстве истины", к которому там апеллируется чувство свободы находит свою правильную деятельность; к этому чувству устремляются непредвзятые мысли и добрая воля. Когда воля действует в познании, "чувство истины" ведет мысли к дальнейшим вопросам. И когда самосознание становится "путем познания", только тогда возникает "эта глубоко внутренняя обязанность свободы", о которой говорилось в первом обзоре.

Всё это разворачивается в данном языке афоризмов. В результате этого существо свободы не отрицается, а поднимается на более высокую ступень. Акт свободы обычного сознания — это первое вступление в духовную науку. В ходе работы становится важным, чтобы существо свободы действовало на пути к духовному познанию:

"Антропософия — это путь познания..." /афоризм E/. Обычное чувство свободы ищет согласия с самим собой, существо свободы высшей ступени с существом духовных миров. Ясным свидетельством этого является общий ход афоризмов. Но уже начало системы афоризмов вводит в космически-духовные области, и поэтому дальнейшее представление о теле, душе и духе приобретает в афоризмах 20 и 22 космическое значение.

Выражение "согласие с самим собой" взято из книги, которую Рудольф Штейнер предпослал своим собственным духовным произведениям. Его диссертация на соискание докторской степени "Основания теории познания с особым рассмотрением наукоучения Фихте" 1891 г., вышедшая под названием "Истинна и наука" имеет подзаголовок "Пролог к философии свободы". Затем, в 1894 году, вышла "Философия свободы". Основания современного мировоззрения. Результаты наблюдения по методу естественной науки." Согласие сознания с самим собой и основание свободы как результата самонаблюдения человека /афоризм 20/, были для Рудольфа Штейнера исходным пунктом для пробуждающего зова духа. Этот импульс пронизывает все его произведение. При рассмотрении свободы задача не в том, чтобы решить, свободен человек или нет, но в освобождающем процессе человеческого духа. "Философия свободы" начинается с того, что показывает, что вопрос свободы всегда ставился неправильно. Он может быть рассмотрен только посредством углубления в собственное существо человека, и оказывается связанным с вопросом о существе мышления человека. Этот вопрос тотчас выходит из своих рамок и ведет человека к развитию, которое освобождает его от привязанности к телу. Тем самым он освобождается от связи с природой, с ее необходимостью. Исследование свободы — это достиже-

ние свободы. Но человек при этом оказывается поставленным перед духовным миром, как раньше он стоял перед природой.

Рудольф Штейнер в последующие годы, всё снова и снова указывал на "Философию свободы" и в своей книге "Жизненный путь" ясно показал что, эта книга стоит на той же основе, как и все последующие его произведения. Также в циклах лекций... в этой "Философии свободы" выводится, как человек становится свободным благодаря тому, что он развивает в себе возможность воспринимать импульсы из духовного мира."

В одном месте он даже говорит: "Свободные импульсы идут из духовного мира." "Философия свободы" — это книга посвящения. На пути, указанном ей, согласие сознания с самим собой преобразуется в согласие с новым миром, в который она вводит. С другой стороны, это новое согласие вводится Рудольфом Штейнером как духовная наука. Эта большая проблема приводит нас снова к предложениям 20-22, она заключает в себе всё величие задачи, которую поставил перед собой Рудольф Штейнер: пробудить современное человечество к вступлению на путь познания, чтобы он был дан человечеству в становлении свободы. Рассмотрим эту проблему подробнее, ибо она одна из сложнейших, поскольку неразрешима для обычного сознания.

Обычное познание устанавливает необходимость природных явлений, их "безоговорочную причинность". Человеческое самонаблюдение утверждает возможность свободного действия, исходящего изнутри человеческого чувства. Оба опыта должны быть приведены к согласию /афоризм 20/, ибо они полностью противоречат друг другу. Отчетливое ощущение этого противоречия приводит сознание к преобразованию пути познания. Это жизненное противоречие может быть

разрешено только во внутреннем становлении. Рудольф Штейнер посвятил проблеме целый цикл лекций, в которых мы находим: "То, что мы рассматриваем как необходимость, это прошлое в нас... мы что-то сделали и это сделанное должно отложиться в нашей душе." Это остается в душе и далее действует как необходимость. "Каждый человек несет в себе своё прошлое; тем самым каждый человек несет в себе необходимость. То, что есть ныне, действует не с такой необходимостью, иначе свободное действие в настоящем не могло бы существовать. Но прошлое действует в настоящем и срastaется со свободой. Вследствие того, что прошлое действует далее, мы видим в одном и том же акте сросшимися необходимость и свободу." Это воззрение затем обращается на природу, но не как аналогия или вообще каким-то теоретическим способом, но как точное духовное исследование: "Это дает духовному исследователю важный отправной пункт... Он познает связь между прошедшим и необходимостью. И тогда он начинает исследовать природу, и находит в природе необходимость и познает при этом исследовании природы, что все, что познается в природе как необходимость... некогда было свободой, было свободным деянием богов... И только став прошедшим, оно является нам как необходимость... Если мы наблюдаем сейчас то, что сейчас происходит в природе, то мы не найдем необходимости. Мы видим только то, что осталось от природы. То, что сейчас происходит в природе — духовно; этого мы не видим."

Так можно говорить об исходной точке согласия с духовным миром. Это внутренний путь развития, который извлекает внутреннее существо из природной необходимости; он ведет, уже в чистых мыслях, к самостоятельному опыту в духовном мире. Исходя отсюда,

можно познавать, оглядываясь назад, природу в новой форме познания, которое постигает природу как дух. Это сделал Рудольф Штейнер, на теоретико-познавательной базе, в своих естественно-научных сочинениях, он проводил эти исследования духовно-научным методом до мельчайших деталей. Духовное познание открывает другую сторону природы. Там обнаруживаются духовные существа и исследователь познает их как подобие себе. По мере того, как он развивает и утверждает своё свободное существо, он проникает к всё более высоким иерархиям. Как познает он природу с её необходимостью? Как место, где творит дух /афоризм 18/. Природа представляется ему, как другая сторона духа.

Все сказанное выше указывает на полную смену точки зрения, оно поясняет также обычному сознанию, почему эта другая сторона духа человека представляется как необходимость, когда человек наблюдает природу. Посредством этой перемены точки зрения происходит как бы смена мышления и воли. Мы можем смотреть на закономерность в природе, как на волю, которая стоит так высоко, что отклоняет всякий произвол. Эта воля духовного существа, стоящего за природой, обычному сознанию представляется только как некий идеал. Но это суть мышление человека. Оно должно отклонять произвол, если хочет познавать законы природы. Но затем, при восхождении к духовному миру, мысли пропитываются волей /афоризм 12/.

В чистой воле человека /высшая свобода!/ открываются духовные существа, и при рассмотрении природы, проявляются они, рассматриваемые с точки зрения духа, как мысли этого духовного существа. Это творящие мысли. Так, в заключение этого раздела, можно привести высказывание древней тайной науки: "Человеческое сознание мыслит вещи такими, каковы они есть, вещи суть таковы, какими их мыслят духовные существа."

13. СВОБОДА И СМЕРТЬ.

Можно достигнуть важного воззрения на новое, которое дал Рудольф Штейнер в своих "Афоризмах", если составить себе ясное понятие о методике представления, которая в "Афоризмах" существенно отличается от методики более ранних произведений. Если рассмотреть последовательность его основополагающих произведений, особенно заметен поворот, который Рудольф Штейнер хотел дать всему антропософическому движению, и тот час же с пугающей отчетливостью предстанет сознанию потеря, которая выражается в том, что только малое время он мог дать развитие этому импульсу.

Когда Рудольф Штейнер заставил звучать пробуждающийся призыв духа, он повернул естественно-научный методический исходный пункт к импульсу свободы в каждом человеке. Это произошло в его "Философии свободы" в смысле, описанном ранее /обзор 12/. Отсюда мы находим поворот к книге "Теософия", которая начинается с представлений человека как "Тела, души и духа", причем, импульс свободы действует как познавательный фактор, который приводит к сверхчувственному исследованию. В "Тайной науке" происходит поворот от человеческого существа к космическому. Эта последовательность поворотов соответствует дидактически душевному положению современного человека, когда материализм начал проявлять чрезмерную односторонность и тем самым разрушать свою основу.

Если мы сравним с этим рассмотренные нами "Афоризмы", то увидим, что методически они построены в обратном порядке. С самого начала они ведут к космической точке зрения, и оттуда, от космически-духовного, говорится о физическом, эфирном и астральных телах. От космически-человеческого двойного существа "Я" представ-

ление ведет к различению тела, души и духа, и всё рассмотрение заканчивается определением человеческой свободы. Это представлено апеллирует к более развитому сознанию, которое может быть непосредственно пронизано духовными импульсами. Затем, при правильном чувствовании, человек не может оставаться при /самонаблюдении/, но он должен продвинуться к дальнейшему мировому содержанию /афоризм 22/.

За представлением существа свободы в афоризмах 20, 21 и 22 следует описание посмертного в предложениях 23, 24 и 25. Это чрезвычайно важно, поскольку: сильнейшее возражение против свободы — это смерть; она суть горькая необходимость посмертного мира. В афоризме 20 звучит: "Многие приверженцы естественно-научного мировоззрения... настолько находятся во власти предрассудков, что утверждают, якобы общая причинность является господствующей во всех мировых явлениях." Тот, кто рассматривает смерть только с этой точки зрения, тот не имеет "никакой возможности видеть что-либо другое по ту сторону смерти для всего душевного, кроме пустого НИЧТО. Но кто /афоризм 20/ хочет свободное действие изнутри человеческого существа" привести в согласие /с воззрением относительно общего закона причинности в порядке природы", должен взять на себя труд рассмотреть существо смерти с духовной стороны

Путь познания антропософии ведет к тому, чтобы уже в непосредственном опыте познавать существо смерти с духовной стороны, изучать, что происходит с душевным после смерти. Один мистик сказал: "Кто не умрет до своей смерти, погибнет когда умрет." /Ангелус Силезиус/.

23.

"Когда человек, проходя через врата смерти, вступает в духовный мир, он чувствует, что от него отпадает всё, что он, во время земной жизни, усваивал как впечатления и душевные состояния, посредством телесных чувств и мозга. Его сознание, в виде всеобъемлющей картины образов, имеет перед собой все то, что из жизненного содержания, во время его земного странствования, задержалось в нем в виде бесформенных мыслей, или что для сознания хотя бы и осталось незамеченным, но произвело бессознательное впечатление на душу. Эти образы, по прошествии нескольких дней, постепенно стираются и исчезают совсем. Когда они совершенно стерлись, то человек узнает, что от него отпало его эфирное тело, которое может быть описано как носитель этих образов.

Под заголовком "5. Космический взгляд" нам даны рассмотрения, которые ведут к границе обычного сознания: "В этом мире идеи и созерцания равнозначны". Поэтому, чтобы эфирное пребывало в действительности, достаточно понятийного представления." Космический взгляд, открывающий нам эфирное тело как космическое образование, формируется посредством упражнений в само-освобождении от обычного сознания и его физической связанности. Сюда надо добавить и то, что в 9 обзоре дано во взаимосвязи с опытом порога: "Всякое познание окружено смертью." В этом заключены элементы, позволяющие познавать явления в эфирном теле после смерти. Всякое познание, и в особенности восхождение к сверхчувственному познанию — это предчувствие опыта, который после смерти черпается из духовных законов.

Для познания эфирного тела существенна та точка зрения, что уже при чистом познании происходит некоторое отделение эфирного

тела от его физической связанности; в момент смерти эфирное тело отделяется от физического тела окончательно и следует своей космической тенденции, оно возвращается туда, откуда оно произошло. Поэтому опыт, полученный в период между рождением и смертью, в котором участвовало физическое тело, распространяется в космосе. То, что во время жизни было внутренним, становится внешним миром, средой воспоминаний: человек, посредством опыта смерти, выворачивается наизнанку.

Рудольф Штейнер часто говорил об этом событии, например, в цикле 40, лекция 4 или цикл 42, лекция 2; сравнить также в его "Тайной науке" главу "Сон и смерть." В отношении всех описаний следует иметь в виду, что эфирное тело уже во время жизни не забывает свое космическое происхождение и открывает его после смерти.

24.

"После отбрасывания эфирного тела остаются еще как члены человеческого существа, астральное тело и "Я". Поскольку при нем есть астральное тело, оно испытывает всё то, что во время земной жизни образовывало содержание покоящейся во сне души. В этом содержании покоятся суждения, которые существа высших миров наводили в душе в период сна, но которые были скрыты от земного сознания. Человек еще раз проживает земную жизнь, но так, что его душевное содержание суть суждение о его делах и мыслях с точки зрения духовного мира. Эта жизнь протекает в обратном порядке: "сначала последняя ночь, затем предпоследняя и т.д."

О длительности жизненной картины, о которой говорится в афоризме 23, что она удерживается в продолжении нескольких дней,

Рудольф Штейнер говорит: "Мы можем ее удерживать так долго, сколько мы имеем силы, при нормальных отношениях, удерживаться в физическом теле без сна. Здесь речь идет не о том, сколько времени мы можем находиться без сна в ненормальном состоянии, а о том, сколько времени мы можем сохранять силы держать себя в бодрственном состоянии. Это станет понятным, если представить себе, что нормальный сон наступает потому, что "я" и астральное тело отделяются от эфирного и физического. После смерти это событие происходит радикальным образом; его можно сравнить с обычным наступлением сна. Но во время жизни, при наступлении сна, астральное тело отделяется только от физического, но сохраняет свою связь с эфирным телом; это — обычное состояние грез. Но при выворачивании наизнанку после смерти, на место грез встает космическая сверхгреза жизненной картины. При отбрасывании эфирного тела после смерти, соответственно наступает космический сверхсон, который означает высшее бодрствование. Сравнение с обычным сном оправдано еще потому, что после смерти астральное тело, при его отделении от эфирного, повторяет содержание сна прошлой земной жизни, как эфирное тело жизненную картину.

25.

"После прохождения через врата смерти, испытываемое в астральном теле жизненное суждение продолжается так долго, сколько времени заняло состояние сна в земной жизни."

Обратный порядок течения после смерти опыта, полученного во сне, можно отнести в понятиях к тому, что дано нам в обзоре 5. Резюмируем сказанное: "Понятие и действительность астрального тела разделена порогом духовного мира: поэтому его понятие

суть нечто негативное. Понятие астрального тела указывает в своей действительности на состояние сна в сфере бессознательного; в сфере же сознательного она указывает на сверхчувственное познание. Пока астральное тело связано с физическим и эфирным, оно находится в полярных отношениях к своей действительности, к духовному миру, которому оно субстанционально принадлежит.

Мы можем его назвать также моральным миром, миром духовных существ. Так истинное познание астрального тела суть внутреннее, моральное событие. Этому противоречит астральное тело при своем обычном функционировании в физическом теле. Таким образом, вывертывание наизнанку в момент смерти действует как обращение всех отношений. При рассмотрении эфирного тела, мы находим понятие и действительность его по ту сторону порога; поэтому всё, что происходит в нем до и после смерти доступно понятию. При рассмотрении астрального тела все выворачивается наизнанку, поскольку его действительность лежит по ту сторону порога.

Астральное тело в нас — это то, что воспринимает суждения. В обычном сознании эти суждения выражаются как ощущение, чувство, стремление, страсть. Каждое такое состояние является как бы преддверием высшего мира, который изживается в астральном теле, когда оно во сне возвращается в свой духовный мир. Это — становление суждения в духовном мире. Сумма этих состояний переживается после смерти в обратном порядке. В последующем изложении мы еще займемся рассмотрением собственных закономерностей астрального и эфирного тел.

0 0 0

14. СМЕРТЬ, МОРАЛЬ И ВРЕМЯ.

В афоризме 24 впервые названо духовное существо высшего мира как носитель осуждения душевного опыта человека во время сна, который беспрепятственно появляется после смерти в сознании человека. Здесь речь идет о мощном космически-моральном событии, в отношении которого свобода принимает новое значение. При переходе от опыта свободы в обычном сознании к высшему опыту свободы, "согласие с самим собой" преобразуется в "согласие с существом духовного мира" /обзор 12/. Так исследование состояния после смерти — это духовный разговор, истинная инспирация. То, что для духовного исследователя является достижением для существа свободы, для обычного человека — суть закон.

В духе древней оккультной традиции опыт в астральном после смерти описан так: перед умершим является Моисей и предъявляет ему список грехов и, в то же время, указывает на закон или показывает ему свод законов. В стеклянных окнах старого, разрушенного Гётванума, в которых была представлена протекающая в обратном порядке жизнь после смерти, вверху, в самом начале стояли эти колоссальные таблицы законов. Также в других мировоззрениях мы встречаем подобные описания, например, встреча с судьбой мертвых у египтян; так дается необходимость, отличная от необходимости природной, иная ее сторона, и это суть мораль, т.е. образ истинного человека перед взглядом духовного существа.

Каждую ночь человек стоит перед законом этого взгляда. Отсюда можно проследить эти взаимодействия вплоть до пробуждения. В этом направлении можно завершить некоторые прежние психоло-

гические наблюдения /обзор IO/. Отголосок грезы после пробуждения это как бы самоощущение ночного опыта, его действие продолжается далее. Мы не любим говорить о нем непосредственно после пробуждения, он подобен легкому отголоску и, если мы внимательны и упражняемся в наблюдении впечатлений, приходящих из духовного мира, мы совершенно отчетливо слышим в нем голос недоброй совести. Он может широко распространиться над всем дневным опытом. Это суть голос собственного истинного существа, которое ночью стоит перед взглядом своей родины. То, что для обычного сознания - закон, необходимость морального мира, на пути посвящения становится свободой. Поэтому важнее сделать три шага в морали, прежде чем один в сверхчувственном познании.

Афоризм 24 обрисовывает еще одну проблему, являющуюся одной из сложнейших. Это проблема времени. Время для опыта после смерти течет в направлении обратном тому, которое мы испытываем в период между рождением и смертью. Мы не будем рассматривать вопрос, как философия и наука исследуют время. А также различие между объективными и субъективным временем, нас будет интересовать лишь постольку, поскольку здесь мы имеем блестящий пример того, как преобразование субъективного в духовное может преодолеть так называемую иллюзию объективного. Вообще, для пути духовного познания характерно то, что различие субъективного и объективного преодолевается высшим, а именно - преобразованием субъективного.

Общая наука знает только одно направление времени, и существенным отличием его от пространства является его необратимость. Но это полностью одностороннее суждение. Уже внутренний временной опыт обычного сознания показывает различие течения времени, оно

идет то быстро, то медленно, иногда тянется, иногда бежит. Уже обычное сознание находит признаки обратного течения времени. Лишь необучаемый мыслительный человек, а таковым является ого сегодняшний ученый, знает только такое время, которое течет из прошлого в будущее, поскольку мышление ориентировано только на прошлое. Но воля ориентирована на будущее, она принадлежит противоположному потоку; который течет из будущего в настоящее. Настоящее - это не время, а во внешнем - пространство, во внутреннем - чувство. Мы можем воспринимать пространство, как выпавшее из времени, чтобы настоящее получило протяжение; это указывает на равновесие или плотину, воздвигнутую настоящим между обоими потоками.

Также можно утверждать, что время тоже может быть рассмотрено как выпавшее из сверхпространственного и сверхвременного каузального. Как раз естественно-научная методология делает из этого употребление, когда она пытается упорядочить явления в соответствии с причиной и действием. При этом может случиться что конкретный исследователь может перевернуть "объективный" ход времени, рассмотрев явление в прошлом, обусловленное причиной, находящейся в настоящем. Это и есть метод исследования: если результаты представляются в виде системы, то, начиная с какого-нибудь момента времени, продвигаются "вперед", и объяснения даются от причины к следствию. По существу, это отражает ход воли. Эти отношения еще будут нами рассмотрены в дальнейшем.

С точки зрения духовной науки можно сказать, что время проходит в циклах, которые к обычному сознанию повернуты только одной стороной. От рождения до смерти мы проходим его только в одном направлении, после смерти, в мире душ, в обратном, и, в

то же время, мы возвращаемся обратно из духовного мира к рождению. Возвращение к духовному миру — это смысл становления "как дети", по представлению Рудольфа Штейнера. Затем мы погружаемся в безвременное, в духовное, оттуда снова приходим к рождению.

С точки зрения духовного, мы погружаемся во время и снова возвращаемся. В таком преодолении временных понятий заключено также познание повторяющихся земных жизней. На это можно возразить, что "объективное" время от одной земной жизни течет до следующей, также как в случае, когда мы погружаемся в сон. В ответ на это можно противопоставить мысль, что мировые ритмы и циклы принадлежат более высокому сознанию, чем наш день, наша земная жизнь и весь ряд земных жизней. Эти циклы имеют также свою другую сторону, где они снова выходят за пределы времени.

Так говорит Рудольф Штейнер в своей "Тайной науке в очерках", а также в других местах о мировых днях и ночах и о мировом годе. Также для этого мы находим отражение в малом: природа, которая нам показывает "объективное" время, находится там, где дух спит /афоризм 18/.

26.

"Только после отпадения астрального тела, после полного осуждения жизни, человек вступает в духовный мир. Там он находится в таком отношении к существам чисто духовного вида, как на земле к существам и событиям природных царств. Всё то, что было внешним миром в земной жизни, становится в духовном опыте внутренним миром. Человек тогда не просто воспринимает внешний мир, но испытывает его в его духовности, которая на Земле была от него скрыта, как свой внутренний мир.

27.

"Человек, каким он является на земле, в духовной области становится внешним миром. Там можно рассматривать этого человека, как на земле рассматривают камни, реки, горы, облака, звезды. И этот внешний мир не менее богат, чем явления космоса, представляющиеся земной жизни."

28.

"Образованные духом человека силы, продолжают, в духовной области, работать над формированием человека, так же, как дела, произведенные физическим человеком после смерти, продолжают действовать в жизни как душевное содержание."

_____ 0 0 0 _____

15. МЫСЛИТЕЛЬНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ.

Антропософический путь познания выводит из обмана односторонности времени. На основании предыдущих рассмотрений мы можем это охарактеризовать следующим образом: мыслительное существо прошлого преобразуется в волевое существо будущего. Мы должны искать дух на пути грядущего; в древние времена его искали на пути минувшего. Доверие к тому факту, что при переходе в духовный мир полностью обращаются отношения, постигаемые обычным сознанием, можно почерпнуть из факта перемены местами мышления и воли / см. обзор 12/. Тогда становятся понятными описания вступления после смерти в духовный мир, как они даны в афоризмах 26, 27 и 28. Здесь происходит более радикальная перемена функций, так что слова "выворачивание на изнанку" получают все большее обоснование. Сами мертвые совершают этот переход, который делает возможным правильный опыт. Этот переход описан Рудольфом Штейнером в его книге "Теософия". Можно увидеть, что при этом суть дела в мыслительных упражнениях, посредством которых постигается обобщение закономерности. Здесь важно то, что можно образовать правильные понятия о духовной стране.

Здесь понятия представляют осознанную часть духовной страны в обычном сознании; но они выступают в отношении чувственно-воспринимаемой окружающей среды и полезно упражняться в том, чтобы постигать отношения понятий к соответствующим восприятиям. Об этом всё снова и снова говорит Рудольф Штейнер, например, в "Философии свободы". Одно из таких упражнений будет представлено здесь на примере "Теософии". Но также и в специальной книге упражнений Рудольфа Штейнера "Как достигнуть познания высших миров?" можно найти соответствующие упражнения. Конечно, эти

мыслительные упражнения, в серьёзно-духовном смысле /не как "мыслительный спорт"/ сегодня не очень любят, и именно в кругах, где в мистическом духе болтают о высших мирах, но они необходимы для постижения пути познания, прокладываемого афоризмами. Но если их сделать серьёзной жизненной привычкой, они приносят большую радость и истинную внутреннюю теплоту.

В "Теософии" в главе "Существо человека" Рудольф Штейнер определяет человека как гражданина трех миров, поскольку он состоит из тела, души и духа. В этом смысле, в соответствии с тройственностью существа человека, говорится о трех мирах. Под заголовком "Духовное существо человека" мысли вводятся как масштаб для духовного. В последующей главе "Духовная страна" он говорит, "что этот мир построен из вещества, из которого состоят человеческие мысли". Так, когда речь идет в связи с этим о проразах, прасилах духовной страны, возникает побуждение спросить себя, каким образом живут их теневые образы в человеческих мыслях. В том месте "Теософии", где описывается первая область духовной страны "континентальные массы", вводится сравнение с "полой областью", которую можно представить себе, если "мысленно" удалить из пространства, занимаемое предметом, физическое его содержимое.

В промежуточном пространстве разыгрывается подвижная деятельность прорахов. В другой связи Рудольф Штейнер однажды сказал: "Если наблюдать духовное в вещах их свойства обнаруживаются в окружающем их пространстве. Если обратить внимание на то, как относятся мысли к вещам, когда хотят от явления какой-нибудь вещи проникнуть в ее существо, то оказывается, что это описание как раз относится к данному случаю: "свойства обнаруживаются в окружающем ее пространстве."

Можно пояснить это на примере. Возьмем кристаллы каменной соли, кубик соли; он прозрачен, соленый на вкус, сравнительно мягок, плотный и т.д. Это его чувственные качества, также если они обнаруживаются посредством таких инструментов. Но это не самое существенное, на что направляются мысли, ибо таким образом можно наблюдать только готовое, ставшее, как явление; кристалл, как раз лишен существенного. Но как всё меняется, если мы созерцаем его становление! Из насыщенного раствора, из жидкости, он образует свою форму посредством шести сил мирового пространства. Если мы хотим познать существенные, образующие его силы, то мы находим их в этом растворе, т.е. в окружающей его среде. Так мы создаем мысли, хотя бы и являющиеся тенями духовной действительности.

Так можно упражняться в полном обращении способа созерцания обычного сознания. Это можно также повернуть на другие сущности и вследствие этого развить действительные упражнения в духовном видении. Например, можно попытаться войти в пластический негатив какого-нибудь человека. Вследствие этого в поле зрения попадает именно духовное этого человека, например, как "крепко" в пространстве сидит тело плотного человека, или как его нос погружен в воздух. Тогда мы увидим, насколько правильно духовное искать в окружающей среде.

Затем следует это упражнение в образовании негатива в окружающей среде повернуть на область морали и судьбы. Старый, сожженный Гётеанум был построен, в высшем смысле, душеобразно. Его пластические формы из духа истинно прекрасного становились средством духовной медитации. Но можно было осознать это духовное воздействие, и то как словно в духовном дыхании поднимались

и опускались, образовали своды и ниши формы капителей, цоколя и особенно архитрав, если воспринимать соответствия выступающих частей в одних местах и утопленных в других. Одна форма духовно обуславливает другую. Рудольф Штейнер, при случае, сам говорил о таких соответствиях своего пластического искусства старого Гётеанума.

На этом пути мы можем все ближе подходить к тому, что описано в афоризмах 26, 27, 28. При этом нужно уяснить себе еще не то, что касается именно мыслей, если мы хотим постигать духовное не только в себе /в мыслях/, но и в духовной стране. Как мышление преобразуется в волю, дано в предыдущих обзорах. При этом происходит еще нечто, что мы должны мыслить в развитии обращения времени. Мерой физического является пространство, в нем душевное выступает как время, духовное — как причинность. Также как время в физическом, причинность, в качестве закономерности, имеет определенное направление. Именно это направление в стране духовной изменено на противоположное, так что в этих высших областях приходится считаться с противоположно направленной причинностью, при которой действие предшествует причине, если какое-то событие наблюдать через очки времени, или когда духовное из этих областей открывается в физическом. Поэтому эта высшая область духовной страны называется в "Теософии" областью замыслов. Замысел / / — это выражение в понятиях для того, что действие нужно мыслить перед причиной.

Посредством таких упражнений мы можем удостовериться в том, как после смерти, в духовной стране, внешний мир преобразуется во внутренний /афоризм 26/. Ибо то, чем был внешний мир, приближается к области замыслов, из которой он проистек перед рожде-

нием. Также внутренний мир становится внешним; ибо человек изливается в Космос /афоризм 27/. Афоризм 28 показывает соответствие того, что означает внешнюю сторону и внутреннюю судьбу. Последний великий поворот, который для всего посмертного опыта в духовной стране является существеннейшим для "я", поворотный пункт для сверх каузального, это суть "Полночный час бытия". О тайне этой центральной точки для опыта между смертью и новым рождением Рудольф Штейнер говорил непосредственно после того, как он, посредством образов своей поэмы-мистерии, пробудил в участниках этой постановки ее в Мюнхене глубокое чувство для этой тайны /"Пробуждение души", IY драма - мистерия/. Из его объяснений в цикле 29, лекция I и цикле 32, лекция 2, видно как в этих мистериях человек, после смерти, постепенно сбрасывает с себя предшествующее воплощение и перед ним разворачиваются новые перспективы. При этом он бросает взгляд на прошлые земные жизни и всматривается в будущее с их взаимосвязями в отношении судьбы. Это сопровождается разворачиванием иерархий духовных существ. В нашей работе над афоризмами мы подошли к представлению судьбы и взаимосвязей человека с иерархиями, но предварительно нам нужно провести некоторую подготовку, для чего и служит ряд следующих афоризмов.

29.

"В развитом имадинативном познании действует то, что душевно-духовно живет внутри человека и в его жизни формирует физическое тело и на его основе разворачивает человеческое бытие в физическом мире. Физическому телу, постоянно обновляемому посредством обмена веществ, во время жизни между рождением и смертью, противостоит внутреннее существо человека, физическому пространственному телу - временное тело."

30.

"В инспиративном познании в образе живет то, что человек узнал в период между смертью и новым рождением в окружающем его духовном мире. Там видно, что человек, без своего физического и эфирного тела, посредством которых он участвует в земном бытии, по своему существу, включен в мировые взаимосвязи."

31.

"В интуитивном познании в сознании открывается действие прежних земных жизней в настоящей. Эти прежние земные жизни, в их дальнейшем развитии, сбрасывают с себя взаимосвязи, в которых они находились с физическим миром. Они становятся чисто духовным ядром существа человека и, как таковые, действуют в его настоящей жизни. Поэтому они также являются предметом познания, которое проявляется как разворачивание имадинативного и инспиративного.

_____ 0 0 0 _____

16. ТРОЙНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ И МОРАЛЬ.

В номере 4 8-го года издания "Антропософия", под титулом "Рудольф Штейнер" появились рассуждения автора о тройном членении человеческого существа, эпохальном открытии Рудольфа Штейнера, являющимся величайшим духовным достижением всех времен. Оно - суть связующее звено между природой и духовной наукой. В его книге "Мой жизненный путь" говорится об этом открытии, решающем для широкой области духовной жизни; на факте этого открытия были представлены новые основания антропософического общества в рождественскую ночь 1923 года, после того, как оказалось невозможным основать на этих принципах новый социальный порядок.

Открытие трехчленности человеческого существа можно представить, следуя IV главе книги Рудольфа Штейнера "О загадках души", следующим образом: "Телесное соответствие душевных представлений можно видеть в явлениях, проходящих в нервной системе, с ее продолжением в чувственные органы с одной стороны, и в телесную внутреннюю организацию с другой." Чувства нужно поставить в отношение к тем жизненным ритмам, которые имеют свой центр в дыхательной деятельности и с ней связаны.", а именно, проследить их "до самой внешней периферической части организма." "И в отношении воли обнаруживается, что она, подобным же образом, основана на явлениях обмена веществ." В отношении сознания Рудольф Штейнер сказал, что "полностью сознательный бодрственный опыт существует только для представлений, посредником которых является нервная система", для всего чувственного мы имеем степень сознания которая соответствует представлениям в грезах", для воли совершенно смутную степень сознания, "соответствующую сну без сновидений." "Здесь должно стать предметом рассмотрения всё, что рассматривается в целом организме как ветвление и протекание явлений обмена веществ."

Здесь выступают отношения, "в которых душевное обычного сознания находится в духовной жизни," "Духовно-сущее, лежащее в основе представлений обычного сознания", может "быть испытано только посредством созерцательного познания", оно открывается в "Имагинации". Чувства притекают с духовной стороны, "от духовно-сущего, которое, при антропософском исследовании, находится посредством методов, названных в моих книгах, инспирацией."

"Воля, притекающая от духа, познается созерцающим сознанием посредством того, что я в своих книгах назвал истинной интуицией!"

Вместе с тем, в книге "О загадках души", IV, VI главы, дан путь физиологических исследований и препятствия на этом пути. В современной науке предпочтение отдается такому способу рассмотрения, который в основу представлений кладет нервную систему. Для того, чтобы прийти к воззрению, что в основе чувств лежит дыхательный ритм, нужно опыт физиологических исследований развивать в совершенно непривычном для нас направлении. Уже в этом обнаруживается предвзятый подход, что признают как душевное только то, что находится в отношении к нервным явлениям. Поэтому с чувством обращаются как с простым признаком представления. Воля же выпадает из рассмотрения совсем, она не является больше признаком к ясным понятиям, нужно физиологические и психологические исследования направить на взаимодействие нервной деятельности, дыхательного ритма и процессов обмена веществ.

Это открытие трехчленности человеческого существа явилось как свободное действие, исходящее из духовного и введено в мир чувственного созерцания; тем самым оно передается в сферу становления свободы человека, тем самым он может поступать в соответствии со своими желаниями. Эпоха души сознательной наступила; решающее для столетия исходит от людей с обычным сознанием. "От людей,

от индивидуальностей должно прийти то, что необходимо для будущего. Мы не должны надеяться на общего посланца для спасения человечества. Такого посланца не будет. Но будет дана возможность, чтобы в душе каждого отдельного человека засветилось то, что может прийти из духовного мира."

То, что произошло, начиная с XV столетия и поныне, всё это было лишь прологом. Вначале были сделаны великие открытия в минеральной области, в физике, в химии. Они не остались наукой, но душой сознательной были перенесены в жизнь; так возникла техника наших дней. Естественная наука и техника, в том виде, какими мы застаем их сейчас, не несет никакого морального содержания, она аморальна, она может привести к благословию и проклятию. Это та самая деятельность сознания, посредством которой конструируют как мосты, так и смертельное оружие. Традиционная мораль, которая до сих пор как-то связывала душу, быстро приходит в упадок. Естественная наука стремится к тому, чтобы из своих методов наблюдения совершенно устранить моральное, и моральное начинает довольствоваться тем, что ему не соответствует никакие физические силы. Даже догматика определенных религиозных течений пытается образовать такие представления, которые представляют собой определенный вид компромисса с естественной наукой, тогда как естественная наука делает упор на то, чтобы моральное начисто отделить от физического, химического, геологического и т.д. Но уже назревают решающие моменты, которые только одухотворенными душами могут быть повернуты к добру, и в этом заключается важнейшая задача антропософии.

При этих открытиях современности дело касается обычного сознания; бесконечно более важными становятся вопросы морального

в отношении открытия трехчленности человеческого существа. Следует обратить особое внимание на описания, данные Рудольфом Штейнером в его книге "О загадках души" под заголовком: "Физическая и духовная зависимость человеческого существа." Здесь дело именно в двойственности, поскольку душевная жизнь поставлена между телесными и духовными явлениями, и в этом лежит путь к свободе человеческой души. Предположим, что это открытие Рудольфа Штейнера не состоялось, что моральные основы, заключенные в двойном действии души, потеряны или уничтожены!

Свяжем это с тем, что наблюдается тенденция не только "отрицать дух", но и рассматривать душу просто как признак тела! Обратим внимание на то, как Теодор Цпен в своей, процитированной Рудольфом Штейнером "Физиологической психологии" не находит никакого повода "для принятия каких-то особенных волевых возможностей."; что о чувственных тонах он еще говорит как о свойствах или признаках ощущений и представлений! Тогда мы поймем, что открытие, сделанное Рудольфом Штейнером, устраняет огромную опасность. Она состоит, короче говоря, в том, что физиологически-психологически будет исследоваться только одна сторона зависимости души от трех телесных организаций, другой же духовной стороне, не будет уделяться вообще никакого внимания. Но тогда произойдет недолжное использование этого открытия. Уже открыты средства, посредством которых можно, воздействуя на нервную систему, изменить жизнь представлений, на ритмическую часть, чувства и на обмен веществ - волю.

Это третий акт, описанной нами в II обзоре человеческой трагедии, упразднения духа и упразднения души. Тогда человечество

попадет под власть физических врачей. Уже есть фантастический роман, в котором это господство врачей описано как порабощение во всех областях; там даны ужасные описания опьянения своим могуществом врачей.

От этой опасности, надвигающейся на нас, поскольку творение Рудольфа Штейнера представлено человеческой свободе, есть только одна защита, это посредством антропософского движения использовать другую, духовную сторону открытия. Она состоит в том, чтобы с помощью, данного Рудольфом Штейнером пути познания, мысли, чувства и волю освободить от привязанности к телесной системе, тогда описанные средства порабощения не будут действовать на душу Мышление, развившееся в последнее время, достигло уже высокой степени самостоятельности. Если же сделать еще один, описанный в "Философии свободы", шаг к чистым мыслям, мышление совершенно отделится от тела, от нервной системы. Из этого прорастает сила имажинации.

Гораздо труднее следующий шаг: сделать чувства также самостоятельными, чтобы преобразовать их в инспирацию. Самозабвенное чувство — это любовь, она уже в обычном сознании несет в себе признаки инспирации: она ведет к "согласию" с другими существами. Любовь, как инспиративная сила познания, освобождает чувства от их привязанности к телу, к ритмической системе. Третий шаг должен вести к самоотверженной воле, чтобы преобразовать ее в интуицию. Самоотверженная воля — это самоотречение, жертва. Она ведет к погружению в существо другого, и уже в обычном сознании, где это возможно, несет признаки интуиции. Самоотверженность, как интуитивная сила познания, освобождает волю от ее привязанности к телу, к системе обмена веществ.

Чистое мышление, любовь, самоотверженность — это ПУТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СВОБОДЫ.

17. ПРЕВРАЩЕНИЯ.

В афоризмах 29 и 31 представлена связь высших ступеней познания с отдельными членами человеческого существа и опытом, переходящим от одной земной жизни к другой. Если, не боясь трудностей, проследить эти связи до отдельных элементов, то из этого можно развить важные антропософские знания. В то же время очевидно, что имагинативное познание имеет отношение к эфирному телу, инспиративное — к астральному и интуитивное — к "я". Если мы отступим еще на один шаг назад, то установим, что познание посредством обычного сознания имеет в своей основе физическое тело. Это, конечно, не следует смешивать с представлениями материалистического толка о проблеме большого внимания.

Следующие предложения взяты из 7 лекции 18 цикла. "Мозг — это часть физического тела, и всё то, что является работой души по созданию представлений познания, всё это не доходит до физического тела, всё это происходит в высших членах человеческого существа, идет от "я" через астральное и эфирное тело." "Тривиальной истиной является то, на что указывают сегодняшние философы и психологи, что когда мы познаем, в мозгу происходят некоторые процессы." "Работа мозга имеет такое же значение для происходящего в нашей душе, когда мы образовываем представления, мысли, как зеркало для человека, стоящего перед ним." "То, что проявляется посредством деятельности мозга — это внутренняя сверхчувственная деятельность трех высших членов человеческой организации. Чтобы это могло проявиться для самого человека, для этого нужно зеркало мозга, так что сверхчувственное мы воспринимаем посредством зеркала мозга." Человек, хотя и продумывает свои мысли, но как современный земной человек, он мог бы ничего о них не знать, если бы он не имел отражающей способности телесной организации, и, прежде всего, мозга."

Без высших членов не было бы вообще никакого человеческого сознания, никакого познания; процессы, проходящие в высших членах, наводят в физическом теле обычное сознание. Мы можем также сказать, что уже в основе обычного познания бессознательно лежит имажинация, инспирация и интуиция, но они затенены физическим телом.

Уже в первых наших обзорах было обращено внимание на то, как отдельные эти явления в различном возрасте проявляются во взоролещем человеке. Также и в другом отношении мы можем обратиться к прежним обзорам. Физическое "тело само проявляет себя как "граница познания", о которой говорит Рудольф Штейнер в афоризме 2, и если мы, в соответствии с афоризмом 3, всё более будем сознавать как мы стоим на этой границе, то в духе предыдущего обзора, мы поймем также, что означает освобождение от привязанности к физическому телу. Ступенчато при этом превращаются мышление, чувства и воля в имажинацию, инспирацию и интуицию; и в то же время, сознание переходит к тому, чтобы испытывать себя в эфирном, астральном теле, и, наконец, в "я".

Благодаря этому, душа, которая до сих пор опиралась на телесную организацию, держится более духовного, в соответствии с упомянутыми в последнем обзоре представлениями, данными Рудольфом Штейнером в книге "О загадках души".

С этим связано еще иное превращение, о котором часто говорил Рудольф Штейнер. Три нижних члена человеческого существа: физическое тело, эфирное тело и астральное тело охватываются "я" и, благодаря этому дополняются до семерицы, по мере того, как они перерабатываются или в Само-Дух, Жизне-Дух и Духо-Человека. Весь этот процесс может быть представлен следующим образом; но вос-

принимать это следует не как голую схему, ибо это представлен сам человек, причем, взятое в рамку, можно считать средой "я".

Обычное сознание.

тело	физическое тело	эфирное тело	астральное тело
душа	Воля	Чувства	Мысли
дух	Духо-человек	Жизне-дух	Само-дух

Имажинативное сознание.

тело	Физ. тело	Эфирн. тело	Астр. тело
душа	Воля	Чувства	Мысли
дух	Духо-человек	Жизне-дух	Само-дух

Инспиративное сознание.

тело	Физич. тело	Эфирн. тело	Астра. тело
душа	Воля	Чувства	Мысли
дух	Духо-человек	Жизне-дух	Само-дух

Интуитивное сознание.

тело	Физ. тело	Эфирн. тело	Астр. тело
душа	Воля	Чувства	Мысли
дух	Духо-человек	Жизне-дух	Само-дух

В афоризме 29 даны некоторые функции, которые жизнь сущего в имагинации, имеет в отношении к физическому телу. Эти функции формируют подрастающее физическое тело, и затем это сущее выступает внутренне в развертывающемся сознании.

Таким образом, имагинативное сознание — это развертывание "я", становящемся сознательным в эфирном теле. Обычное сознание — это столкновение сущего высших видов познания с физическим телом, подобным же образом, инспиративное познание — это развертывание "я", сознающего себя в астральном теле, и интуитивное познание — это становление сознания "я" в своем собственном существе. Это становление сознания на различных ступенях означает, в то же время, всё более высокие границы опыта в мире или вступление в высшие миры с их существами. Отсюда мы можем также понять, что к существу высшего познания относится то, что оно формирует человека на физическом плане. И также становится ясным, что человека невозможно познать, исходя из фактов физического мира. Поскольку сам он не из этого мира.

Кроме того, в афоризме 29 показано, как в период между рождением и смертью, пребывающее внутреннее человеческое существо противостоит всё вновь обновляемому, посредством обмена веществ, физическому телу. Здесь имеется указание на эфирное тело. Физическое тело, как таковое, не имеет действительности, но в определенном смысле, только облик / /. Мы найдем очень важные сообщения относительно облика в цикле 22, лекции 5, и относительно иллюзорности физического тела в цикле 30, лекции 5. Физическая часть человека принадлежит внешнему физическому миру, который, в соответствии со своими законами, может только разрушить физическое тело. Только то, что пребывает в период между рожде-

нием и смертью, является действительным в человеке. Эфирное тело называется здесь временным телом, в противоположность к пространственному телу. Эфирное тело, как показано нами в обзоре I3, собирает опыт бодрственного сознания и удерживает его. Оно суть пребывающее при всех переменах; оно создает облик физического тела, и внутреннему существу человека дает память. Так человек имеет внутренний облик настолько, насколько простирается его память.

Мы переживаем события бодрственной жизни между рождением и смертью как временной поток, эфирное тело дает им продолжение, т.е. возникает некий вид одновременности. Восприятие временного потока исходит не от эфирного тела; далее мы увидим, отчего это происходит. Этот опыт пребывания эфирного тела наличествует всегда, как это познает имагинация, после смерти он выступает в форме картины жизни, которая существовала еще перед смертью и которая содержит все события бодрственной жизни, вплоть до момента рождения, представленные одновременно, но эта картина для обычного сознания остается невидимой.

Имагинация созерцает эту картину в целом, также и в период между рождением и смертью, обычное сознание воспринимает лишь теневые фрагменты этой картины в виде воспоминаний. Физическое тело мы называли пространственным телом; оно отпадает после смерти; тогда пространственным становится эфирное тело; после смерти появляется картина жизни, в которой всё, что при жизни было испытано во времени, окружает человека как пространство: имагинация превращает время в пространство.

18. ИСКУССТВО МЫШЛЕНИЯ.

Рудольф Штейнер часто говорил, что нашему времени недостает истинного искусства мышления. Он указывал на схоластику, в которой мыслительный инструмент отшлифовывался тончайшим образом, чтобы он мог выгравировывать такие тонкие понятия, чтобы они могли постигать духовное и достигать границ, по ту сторону которых находились откровения христианской традиции. Во времена схоластиков, Фомы и т.д. тот, кто действовал как философ, когда он вычеркивал свои понятия в форме тончайшего искусства, находился в связи с духовным миром. "... человек должен был бы снова обратиться к схоластике, поскольку он только у схоластиков может научиться тому, что возможны другие, тонкие, особенно тонко построенные мысли, отличные от тех, которые используются сегодня."

В лекциях, прочитанных Рудольфом Штейнером в Гёттингене в 1924 году, он указывал на Аристотеля; как на вдохновителя западного мышления и естественной науки. До него мысли были еще воспринимаемыми космически, субстанциально они принадлежали эфирному миру /сублунарной сфере/. Переход к средневековью состоял в том, что мысли стали представляться как нечто, возникающее внутри человека. Это показал Рудольф Штейнер в книге "Загадки философии" в соответствующей главе. В новое время мысли грозят исчезнуть в субъективности. Поэтому назрела необходимость пропитать мысли волей, чтобы как имажинацию сделать их активными органом для познания эфирного мира; тогда в будущем они могут стать человечески оправданным фактором космических явлений. Это будет рассмотрено в дальнейших афоризмах в связи с миссией Михаила.

Логика Аристотеля была школой упражнения в самостоятельном мышлении, посредством которой последнее было создано. В своих

категориях он дал мышлению материал для упражнений, который древнюю мудрость мистерий выражал в идеях. Эти категории подверглись идейной смерти нашего времени, они стали сегодня наиболее абстрактнейшим из того, что можно только помыслить. Рудольф Штейнер, в упомянутых выше лекциях, обратился с призывом освободить в человеке умершие идеи. Это происходит посредством работы над душой сознательной, тогда идеи станут опять космическими. Творение Рудольфа Штейнера шаг за шагом указывает путь, на котором мысли снова становятся живыми, так что можно до конца следовать по нему, дополняя его духовные исследования. ^I

Но тем самым он дал нам задание "утверждать" его исследования "посредством пребывающих мыслей". Он сам повсюду давал элементы вычеканивая совершенно новые понятия. Это означает связать с этим искусство мышления так, как это сделала вносящая схоластика для творения Аристотеля. Во многих местах в афоризмах мы можем указать на это задание и найти проложенный для этого путь.

Такие новые понятия лежат, например, в основе слов эфирное тело, астральное тело и т.д., с помощью их делает он доступными для мыслительного употребления соответствующие сверхчувственные факты. Если мы в состоянии оцепеневшие категории в живом мышлении сделать опять такими гибкими и подвижными в нас, чтобы они влились в такие понятия, как имажинация, инспирация и интуиция, мы тем самым сделали шаг к тому, чтобы продвинуть творение Рудольфа Штейнера в этом направлении. Побуждение к этому может исходить от афоризмов 29, 30, 31, а также из данного нами в конце пред-

I. См. прекрасную книгу Кюлевиндэ / /
/прим. изд./.

лучшего обзора предложения: "Имагинация превращает время в пространство." Это попытка категорально сделать снова подвижным, поскольку мы показываем, как одно основоположение мышления может быть переведено в другое, поскольку мы его от оцепенения приводим к "становлению". Само предложение может быть известным / "Парцифаль" Вагнера/, но следует обращать внимание не на символическое и не на абстрактное содержание, но на метод упражнений, который хотят посредством него выразить. Говоря о первом опыте после смерти, Рудольф Штейнер, в этой связи, указал на это предложение: "Действительно, дело обстоит так, как сказал Вагнер, исходя из глубокой интуиции: "Время становится пространством." То, что прошло, не является прошедшим для духовного опыта, оно находится там, как для физического человека предметы находятся в пространстве."

Отличительной особенностью современного близорукого мышления является то, что ничего не додумывается до конца. Одно из таких предложений дано, но необходимо в этом направлении проследовать дальше, и побуждение к этому дано в афоризмах 30 и 31. Инспиративное познание позволяет бросить взгляд в опыт астрального тела, как перед смертью, так и после. В предыдущем обзоре встал вопрос, почему мы воспринимаем события во времени. В соответствии с описанным в обзорах I3 и I4, можно определенно сказать, что это приходит к нам от астрального тела. Мы должны отчетливо отличать существо / /от данного в опыте / /.

Опыт для человека всегда исходит от "я", но в зависимости от сущности, в которой он появляется, всегда выражается по разному. Когда он отпечатывается в мышлении, наводятся соответствующие понятия. Эфирное тело было определено в афоризме 29 как времен-

ное тело; субстанционально его существо суть время. Но это его существо не воспринимается обычным сознанием, оно дает, как мы видели, опыт пространства. Такие же различия мы должны делать для астрального тела; опыт, который оно дает нам – это время, текущее как в прямом направлении, в период между рождением и смертью, так и в обратном, когда после смерти исчезает в эфирном теле пространственный опыт. Каково же его существо, его субстанция? Для обозначения этого существует выражение, которое, в завершение системы таких понятий, как пространство и время, должно быть здесь использовано, это причинность /каузальность/, понятие одно – вследствие – другого, как время суть понятие одно – после – другого, и пространство – одно – наряду – с другим.

Отношение причины и действия недостаточно и односторонне выражает то, что здесь может быть названо каузальностью. В общем, действующим является сущее, связанное с внутренними мотивами и побуждениями. В наших обзорах I3 и I4 мы пришли к тому, как астральному телу можно приписать способность суждения, и в период сна становление осуждения /афоризм 24/. Этому не противоречит то, что здесь мы определили сущность астрального тела как каузальность. Живое суждение связано с мотивировкой. В логике есть предложение: "Для всякого суждения должно быть достаточное основание".

Представляя себе причину и действие, мы имеем в виду явления, которые во внутреннем опыте мы называем основанием и следствием. Сущее, действующее здесь, мы обозначаем словом каузальность. В период между смертью и рождением человек находится в мире, образующем субстанцию его астрального тела. Повторение после смерти процесса осуждения – одна сторона этого опыта; есть еще другая,

не связанная с процессом осуждения, с ретроспективным взглядом на минувшую земную жизнь. Эту другую сторону опыта астрального тела, в период между смертью и новым рождением, уподобляя предыдущему, мы также назовем суждением, но которое действует не так как суждение в период между рождением и смертью, которое в основном относится к предметам, а не к их становлению, это суждение действует так, как посредством его формируется будущая земная жизнь. Когда мы говорим "судьба", мы конкретно ближе стоим к сущему, которое абстрактно представляется как каузальность. Так что мы можем сказать: опыт, даваемый астральным телом, суть время, которое в период между рождением и смертью идет вперед, а после смерти, после отпадения эфирного тела, в обратном направлении. Сущность астрального тела – это каузальность. Инспирация – это способ познания астрального тела, она ведет от опыта к существу: Инспирация переводит каузальность во время.

Теперь в нашем рассмотрении, сделаем еще третий шаг. Афоризм ЗI указывает на ядро человеческого существа, на "я". Снова мы можем спросить: "Откуда мы имеем опыт каузальности?" Этот опыт дает нам "я", носитель судьбы от одной земной жизни к другой; но существо "я" принадлежит сфере, для которой в ряду понятий: пространство, время, каузальность должна быть найдена еще более высокая форма понятия. Этого четвертого понятия нет в таблице категорий, но, тем не менее, оно завершает этот ряд, так что далее его уже невозможно продолжить: к понятиям одно-наряду-с-другим, одно-после-другого и одно-вследствие-другого можно добавить еще только к существу относящееся понятие – само-через-себя, пусть

оно будет названо устойчивостью существа /

/ . Спиноза сознавал это, говоря о "причине себя самого", т.е. о в себе утверждающемся существе. Это – "чисто духовное ядро существа человека." /Афоризм ЗI/.

Интуиция – это способ познания "я", которое шествует от одной жизни к другой. Так, в согласии с вышеприведенным, можно добавить к сказанному: "Интуиция преобразует устойчивость существа" в каузальность.

о о о

19. КОПЕРНИКАНИЗМ В ДУХОВНОЙ НАУКЕ.

Мы привыкли шествие человека через мир наблюдать с точки зрения земной жизни: она является также и непосредственно данной. Однако, для работы над душой сознательной, следует точку зрения постепенно перенести в духовный мир и, тем самым, в опыт, который получает человек в период между смертью и новым рождением. Что было великим и смелым со стороны Коперника, так это то, что вопреки чувственному опыту, он свой математический центр перенес с Земли на Солнце. Это было мыслительное деяние, внутренний акт самостоятельного мыслительного построения. Благодаря этому человеческое мышление было освобождено от земной и традиционной связанности. Это произошло в начале эпохи души сознательной. Мысли вознеслись над землей, чтобы поставить ее на службу низшим потребностям. В древности душевно-духовная жизнь состояла в том, чтобы руководящие существа привели человека к земному, в будущем человек снова должен обратить свой взгляд к Космосу, в этом состоит работа антропософии над душой сознательной.

Если мы, исходя из обычного сознания, будем постигать, как человек в составе астрального тела и "я" отправляется в космос, как он после смерти возвращается туда, на свою родину, то мы научимся преодолевать земную тяжесть, которая была необходима человеку для достижения самостоятельности и свободы. В постижении значения высших видов познания: Имагинации, инспирации и интуиции мы достигаем способности, исходя из космических импульсов,

, познавать земную жизнь.

Антропософия, как духовная наука, учит нас, исходя из земного сознания, постигать космическое существо человека; антропософия,

как душевное развитие, ведет нас к тому, чтобы из космоса формировать земную жизнь.

Всё, что в последующих обзорах мы рассматривали как превращение или растворение категорий, связано с вживанием человека в космос, с возвращением его на свою духовную родину. Но не менее важен и обратный путь, которым человек возвращается из космоса обратно в новую земную жизнь. Это движется в том же направлении, в каком в прошлом происходил акт творения, когда создавались Земля и человек. Так, в соответствующих превращениях, со временем образуются существо категорий, как это следует из последующих афоризмов; это повторяет человек при каждом новом воплощении, и в будущем, все более он будет видеть свою задачу в том, чтобы в сотрудничестве с иерархиями творящих существ, продолжать процесс созидания. Так, посредством работы над душой сознательной, можно изменить точку наблюдения.

Опыт человеческой души в виде мыслей, чувств и воли, поскольку он опирается на трехчленность человеческого организма, тройственным образом рожденный из духовного мира /обзор 16/, это наследство, оставленное человеку божественным творением, талант, который должен принести прибыль, это свет, который он не должен держать под колпаком. Описания головы, системы конечностей и обмена веществ и ритмической организации человека, данные в следующих афоризмах, представляют их как результат творения, как оно выступает на поле своей деятельности - в душе человека. Эти афоризмы могут быть рассмотрены в аспекте перемещения точки зрения:

32.

"В голове человека физическая организация представляет духовную индивидуальность. Физическая и эфирная часть головы являют

собой замкнутые образы духовного, и наряду с ними, как самостоятельная духовно-душевная сущность, стоят астральная и я-йная части. Поэтому в голове человека мы имеем дело с совместным развитием, с одной стороны, относительно самостоятельного физического и эфирного, с другой, астрального и Я-организации."

33.

"В членах и системе обмена веществ человека четыре члена человеческого существа внутренние между собой связаны. Я - организация и астральное тело существуют не наряду с физической и эфирной частью. Они внутри, они оживляют их, обеспечивают рост, способность их движения и т.д. Но поэтому система членов и обмена веществ - это как бы зародыш, который стремится к развитию, который постоянно стремится стать головой и который, во время земной жизни человека, постоянно от этого удерживается."

34.

"Ритмическая организация стоит посредине. Здесь я-организация и астральное тело, попеременно, то связываются с физической и эфирной частями, то отделяются от них. Дыхание и кровообращение суть физический отпечаток этого соединения и разделения. Процесс вдыхания выражает соединение, выдыхания - разделение. В процессе, проходящем в артериальной крови, представлено соединение, венозной - разделение."

Если мы эти афоризмы рассмотрим в смысле перемещения точки зрения, то можем получить живое ощущение, что человек при нисхождении в инкарнацию, является сформированным в эту трехчленную организацию. Конечно, научное исследование приведенных здесь

фактов является задачей физиологов, но это исследование, до малейших подробностей, с антропософской стороны должно проводиться так, чтобы они являлись как бы продолжением импульсов, действовавших до рождения; тогда это станет истинным богослужением в храме человечества. Естественно-научные курсы Рудольфа Штейнера являются удивительным пробразом такой работы.

Для обще-антропософской работы с определенным физиологическим уклоном, к которой мы стремимся в наших обзорах, следует еще поставить задачу по созданию мыслей и форм ощущения, которые могли бы оказать методически-душевную помощь научным исследователям в этой области и затем, полученные результаты ввести снова в общую антропософскую жизнь.

Можно прийти к важным заключениям, если просто сравнить между собой три афоризма 32, 33, 34. При этом обнаруживается, что голова человека - это замкнутое творение; ритмическая организация завершена лишь наполовину, система конечностей и обмена веществ зародыши. Тем самым, физическая организация вся целиком едва ли завершена более чем наполовину, и отсюда нестерпимо возникает представление, что вторую половину этого творения человек обязан достроить сам, а именно - посредством самостоятельного формирования своего душевного существа. Тем самым, мы стоим перед результатом колоссальной важности, сообщенным Рудольфом Штейнером. В различной связи Рудольф Штейнер определял как смысл человеческого развития: "Человек из творения должен стать творцом."

Другой взгляд, проливающий новый свет на рассмотренное раньше, получаем мы, если обратим внимание на последовательность этих трех афоризмов. Благодаря этому отчетливо выступает перед нами полнота головы и системы конечностей и обмена веществ.

В то же время здесь заложена противоположность между внутренним бытием и рядомположенностью, между духом и природой. Во внутреннем бытии афоризма 33 можно хорошо почувствовать то, что в предыдущем обзоре мы называли сущностью каузальности. Рядоположенностью в афоризме 32 указывает на сущность пространства. Ритмическое в афоризме 34 показывает как сущность времени приводит вечное к проявлению и снова его дезинсекцирует.

В нашем обзоре 10 мы видели, что бодрствование не есть нечто простое, определенное, но оно постоянно пронизывается сном и грезами. Здесь показано, что связь астрального тела и я с физическим и эфирным телом имеет разные градации, и знаменательно, что как раз там, где астральное тело и я-организация действуют целиком в физическом и эфирном теле /в системе конечностей и обмена веществ/, сознание соответствует состоянию сна. Напротив, в голове, где обе группы находятся одна подле другой, сознание бодрственное. И поскольку грезы — это смесь сознания сна и бодрствования, ритмическая организация показывает рядомположенность и внутреннее бытие.

_____ 0 0 0 _____

20. ВНУТРЬ ПРИРОДЫ.

Со времени первого опубликования своего далеко идущего открытия трехчленности человеческого организма в книге "О задачах души", Рудольф Штейнер все снова и снова сообщал отдельные подробности, в особенности в отношении их связи с переходом от одной инкарнации к другой. Голова — это завершение развития, это результат развития "Я" в период до рождения, которое восприняло космос и создало образ его в форме головы; отсюда шарообразная форма головы. На голове сконструированы органы чувств, посредством их во время жизни. физически-эфирно Космос всматривается в человека. Отдельные органы чувств снова, в мельчайших подробностях отображают всего человека в целом. В одной из лекций Рудольф Штейнер показал, например, как отдельными частями уха представлен весь человек. Эфирное тело в голове почти полностью покрывается физическим телом. Полная свернутость в голове эфирного тела дала, в ходе развития человечества, возможность самосознательного бытия. Поскольку в человеке отображено развитие в прошлом, поскольку в ней отображает "я" свое существо, она может в период между рождением и смертью играть роль во внутреннем его физически-эфирного зеркала для "я", как для космоса во внешнем. Самосознание возникает благодаря отражению сознания, также других членов в голове.

Глубокое понимание физического на основе духовного дают следующие афоризма.

35.

"Только тогда можно понять физическое человеческое существо, если рассматривать его как образ духовно-душевного. Взятое само

по себе, физическое тело человека остается непонятным. Но в своих различных членах оно дает образы духовно-душевного различного вида. Голова — это совершеннейший, замкнутый чувственный образ. Всё, что принадлежит к ритмической организации человека, в части отношения духовно-душевного к телесному, находится по средине между этими противоположностями."

36.

"Тот, кто с этой духовной точки зрения рассматривает человеческую голову, найдет в этом созерцании помощь для понимания духовной имажинации; ибо в форме головы мы находим имажинативные формы, ступившиеся, некоторым образом, до физической плотности."

37.

"Таким же образом, из рассмотрения ритмической части человеческой организации можно извлечь помощь для понимания инспирации. Физическое проявление жизненных ритмов выражает в чувственной форме характер инспирации. В системе обмена веществ и конечностей, если рассматривать ее в ее полной деятельности, в развертывании необходимого или возможного для нее уплотнения, дан чувственно-сверхчувственный образ чисто сверхчувственной интуиции."

Этот физический мир всегда повернут к нам своей внешней поверхностью. Напрасно пытаемся мы физически проникнуть внутрь какого-либо предмета. Если мы попытаемся его разломать, мы увидим только новую поверхность, которая опять препятствует нам проникнуть внутрь. "Внутреннее" всегда духовно. Когда мы, пробуждаясь ото сна, вступаем в физическое сознание, то мы часто наблюдаем, как грезы, в виде свободно парящих образов, а именно

цветовых явлений, ложатся на предметы физического мира и образуют их поверхности; также, засыпая, мы чувствуем, как поверхности в физическом мире отделяются от предметов. Повсюду, где есть поверхность, внутреннее соответствует внешнему. Поверхность — это граница. Математически это легко проследить.

Представим себе математический шар; его поверхность — это граница между внутренним и внешним. Прежде чем была установлена граница шара, внутреннее и внешнее образуют общее; поэтому, согласно закона шара каждой точке, каждой форме внутри найдется соответствующее во внешнем. Об этом говорит синтетическая геометрия.

Но для земли все это духовно исследовал Рудольф Штейнер до мельчайших подробностей и показал, что внутреннее земли становится все более духовным, по мере приближения к ее центру, в соответствии с тем, что происходит, если мы от земной поверхности удаляемся в Космос. Но существует шар, на котором мы можем испытать всё это непосредственно. Это ГОЛОВА! Но только не следует ее разрезать, чтобы посмотреть, что там внутри, ибо тогда мы найдем там только поверхность. Мозг, если мы извлечем его наружу, действительно, в своих существенных чертах, может быть охарактеризован как поверхность. Скорее мы должны живо ощущать свою собственную голову. Тогда во вне окажутся чувственные восприятия, а внутри мысли, и те и другие должны соответствовать друг другу точнейшим образом.

Если мы преобразуем наши мысли, как предлагалось это сделать, например, в обзоре 16, тогда, вместо чувственного мира, вокруг нас окажется имажинативный мир. Голова — это граница, изнутри

образованная мыслями, снаружи — чувственными восприятиями. Граница — это общее, присущее им обоим, тогда это — имагинация в смысле афоризма 37.

Для системы конечностей и обмена веществ дело обстоит иначе. Конечно, можно и здесь разрезать и посмотреть, что там "внутри", но здесь этот метод еще "поверхностней" чем в случае головы. Естественно, этими замечаниями ничего не сказано ни против анатомии, ни против хирургии; но следует только отчетливо сознавать, что такие методы имеют дело со внешним и не могут проникнуть "внутрь природы".

В голове образующие силы замыкаются, приходят к покою; здесь они являются отпечатком Я-сил, если "я", в рядоположенности, может прийти к самосознанию, оно может использовать голову как инструмент. Система конечностей и обмена веществ не завершена, она не покоится подобно голове, но, напротив, ее существо — движение. Она постоянно стремится стать головой и постоянно, во время земной жизни, удерживается от этого /афоризм 33/. После смерти однако, она беспрепятственно отдается этому стремлению и, под действием Космоса, действительно становится головой в следующей земной жизни, естественно, в смысле взаимодействия сил, тогда как физическое образуется заново.

Относительно этих взаимосвязей земных жизней Рудольф Штейнер сообщил совершенно конкретные отдельные результаты исследований. Стать головой — это значит освободиться от формирующих сил. Когда "я" движется в голове, последняя остается в покое. Когда "я", соответственно астральное тело, движется к системе конечностей и обмена веществ, последнее увлекается им и само приходит в движение; поэтому здесь "я" не сознает себя.

"Я" мыслит в человеке, волит в членах. Это воление есть поистине магический акт, в движении членов — магия, в процессах обмена веществ — алхимия: духовное непосредственно действует на физическое. Эта система только к обычному бодрственному сознанию обращена поверхностью, магия воли действует внутри, поэтому остается бессознательной. Внутреннее всегда духовно; здесь мы духовно действуем в веществе, но не знаем как.

Интуиция — это духовное внутреннее бытие, дух в духе, в системе конечностей и обмена веществ мы имеем чувственно-сверхчувственный образ чисто сверхчувственной интуиции /афоризм 37/. Но это сказано там выразительно: "Если рассматривать ее в ее полной деятельности, в развертывании необходимого или возможного для нее уплотнения." Здесь мы имеем дело с действительно подвижными понятиями; сумма всех возможностей действовать и есть этот образ интуиции. Эвритмические формы, в их совокупности, представляют эти возможности.

В афоризме 37 ритмическая часть человеческой организации поставлена в соответствие с инспирацией. Ее познание происходит от слова дыхание. В афоризме 34 показано, как дыхание — кровь представляют попеременное соединение и разделение Я-организации и астрального тела с одной стороны и физического и эфирного тел с другой. А здесь представляется широкое поле для физиологических исследований. Во внутреннем опыте это как бы сближение с границей и отступление от нее, постоянное чередование сна и бодрствования, движение туда — сюда, как взлет и падение между головой и членами, как беседа между внутренним — внешним бытием духа, как речитатив к эвритмии. Истинная инспирация — это беседа духов, ритмическая система — ее образ.

В связи с представлением ритмической системы в афоризмах с 29 по 34, в сжатом виде, даны указания на некоторые факты, которые до сих пор, очевидно, физиологи оставляли без внимания, хотя каждый может легко их наблюдать. Это может помочь в понимании ритмической системы. Между двумя чувствами, действующими в дыхании, обонянием и чувством вкуса, устанавливаются следующие отношения.

Когда мы вдыхаем, мы можем обонять; это знает каждый. Но при выдыхании, поскольку мы ориентированы в сторону обоняния, блокируется чувство вкуса. И наоборот, когда мы выдыхаем, мы можем иметь вкусовые ощущения, но при этом обоняние выключено. Т.е. если мы хотим обонять, мы должны вдыхать; если мы хотим испытать вкус, мы должны выдыхать. Если мы удерживаем дыхание на вдохе или выдохе, мы не можем ни обонять, ни чувствовать вкус. Оба чувства взаимно блокируют друг друга.

Функции обоих чувств видим из их отношений к чувственно-нервной системе и системе обмена веществ. При вдыхании "я" и астральное тело связывается с физическим и эфирным телом /афоризм 34/; при этом ритмическая система приближается к системе обмена веществ и удаляется тем самым от чувственно-нервной системы. Но она для последней выставляет сторожа: это обоняние. Оно заботится о том, чтобы ничто не повредило чувственно-нервной системе, пока ритмическая система повернута к обмену веществ; ибо есть знаки, которые могут повредить чувственно-нервной системе, а именно такие, которые приводят к бессилию, обладают усыпляющим действием, ведут к замутнению сознания. И наоборот, при выдыхании ритмическая система обращается к чувственно-нервной системе и оставляет после себя чувство вкуса, как сторожа для системы обмена веществ, для того, чтобы защитить ее от отравления.

Вся эта область имеет ценность для занимающихся специальными научными исследованиями.

21. О МОРАЛИ.

Рассмотренные до сих пор афоризмы были ориентированы на работу высших видов познания: имагинацию, инспирации, интуиции в связи с существом человека. Если мы достигнем определенной степени понимания этих ступеней развития человека, уже тем самым мы встанем в другие отношения к миру: мы можем достигнуть того, чтобы духовное постигать уже исходя из обычного сознания. При этом устанавливается жизненный настрой, который с полным правом можно назвать моральным. Так может быть создано новое основание для морали, поскольку старая платформа для морального жизненного настроя сгнила и развалилась. Но из фактов чувственного мира нельзя почерпнуть никакой морали, поэтому естественная наука, которая не хочет иметь дела со сверхчувственным, сознательно занимает аморальную позицию. В этом отношении следует повторить слова Рудольфа Штейнера: "Естественная наука стремится к тому, чтобы из своих методов рассмотрения совершенно устранить моральное, и моральное начинает довольствоваться тем, что ему не соответствуют никакие физические силы. Даже догматика определенных религиозных течений пытается образовать такие представления, которые представляют собой определенный вид компромисса с естественной наукой, тогда как естественная наука делает упор на то, чтобы моральное начисто отделить от физического, химического, геологического и т.д."

Но если в смысле предшествовавшего обзора проникнуть за поверхность природы, мы достигаем миров, факты которых имеют иную ценность чем физические. В физическом мире признаются мера, вес, число во внешнем бытии. В высших мирах мера, вес, число являются

чем-то внутренним; это моральный масштаб. Человек, благодаря своей внутренней жизни, участвует в духовных мирах, но он должен внутренне созреть, чтобы это свое участие постепенно осознать:

Знание духовных миров дает нам моральный настрой и только он дает возможность закономерно вступить в духовный мир. Рудольф Штейнер говорил также о том, что основание для морали в наше время, определяемое аморальностью естественной науки, может быть найдено посредством сил, которые мы до своего рождения черпаем в духовном мире. Традиционная мораль, которая часто выступает как просто острословие, в связи с церковными импульсами, имеет основание в жизни после смерти, поэтому она никогда не может быть свободной от эгоизма.

Побуждающими факторами являются страх перед адскими муками, забота о личном бессмертии. В жизнь до рождения может проникнуть только свободная от эгоистических импульсов духовная наука, посредством своих методов исследования; что же касается жизни после смерти, то связанное с ней носитель этого исследования должен преодолеть уже в земной жизни, прежде чем он сможет проникнуть в жизнь до рождения. Опасность эгоизма грозит, и со все возрастающей силой только тогда, когда позади жизни до рождения вырисовываются прежние земные жизни.

Поэтому Рудольф Штейнер поставил на такую моральную высоту свои исследования в этой области. Благодаря этому он предложил в качестве упражнения для души индивидуальную судьбу каждого. Только тот, кто к своей индивидуальной судьбе может относиться также непредвзято, как к фактам естественно-научного наблюдения, может без опаски пытаться направить свой взгляд на прежние земные жизни.

К величайшим и труднейшим проблемам относится достижение удовлетворительного представления о действии духовного в физическом, несмотря на наличие законов природы. Но правильные представления в этой области нужны для постижения судьбы и свободы. Сегодняшнее естественно-научное познание физического мира приходит только к безоглядной /минеральной/ каузальности. Для преодоления этого представления очень важно изучить трудную область действия имажинации, инспирации и интуиции при превращении категорий /обзор 18/. В письме, сопровождавшем афоризмы 35-37, Рудольф Штейнер дал упражнения, предназначенные для того, чтобы образовать опыт истинно морального душевного настроения души по отношению к этим высшим видам познания человеческого существа. Последующие рассмотрения опираются на эти упражнения.

В основе мышления нашего времени лежит преирреширование в отношении существа человека, которым мы ближе займемся в последующих обзорах; уже афоризм 7 указывает на это. Полезно иметь в виду, что с пробуждением набирающей силу души сознательной, начиная с XV столетия, естественная наука могла бы охватить всю область эфирного. Тогда бы вся наша новая история, именно со социальной точки зрения, приняла бы совсем другое направление. Гёте и его соратники находились на этом пути создания духовных методов изучения природы, но снова одержали победу силы материализма. Должен был прийти Рудольф Штейнер, чтобы в человеческой культуре действительно появилась возможность исправить прегрешение. "Сегодняшнее естествознание - это только эпизод. Несмотря на все его заслуги и огромные успехи, - оно всего лишь эпизод. Она будет заменена на другую науку, которая на основе высшего мировоззрения познает, что природное и моральное - это две стороны одного и того же существа."

Если область эфирного и эфирное тело человека сделать доступными исследованиям естественной науки, тогда выступит на свет великая полярность между земным и духовным. Для человеческого существа эта полярность выразится в том, что мы имеем противостояние физического и эфирного тел, с одной стороны, и астрального тела и "я" с другой. Это место, где разделяются бодрственное состояние и сон, где события после смерти поворачивают земное к космосу, где мышление и воля, прошлое и будущее разделяются и связываются. Тем самым для нашего нынешнего обзора указано разделение на закон природы и моральный закон. Только если со всей отчетливостью провести разделение, можно понять взаимную принадлежность полярных сил.

Образный способ рассмотрения, приведенный в афоризмах 35-37, следует воспринимать вполне буквально. Благодаря этому создается упражнение, направленное на рассмотрение различного настроения души, когда она рассматривает готовый образ или картину, или художника, погруженного в работу и затем художника, пока он носит еще в душе свое будущее творение.

Когда углубляются в готовую картину, то испытывают минувшее развертывание духа, который создал свой отпечаток в физическом. При этом не обязательно знать художника, он может быть давно забыт, быть может он давно умер. Художественно-действенный настрой души соответствует имажинации; уже само слово указывает на

" - образ.

С художником, находящимся за работой, я могу быть знаком лично; его картина находится в становлении, если я хочу ему что-то посоветовать, я сам должен быть художником и разбираться в живописи; он также может сообщить мне что-нибудь о своих усилиях.

Сознательное участие в творчестве другого означает, что я могу себя почувствовать как бы на его месте. Это душевный настрой, который соответствует инспирации: единое дыхание, созвучие сердец. - Но если художник еще не начал писать свою картину, то я могу постигнуть его будущее творение только тогда, если я целиком сольюсь с его душой, стану с ней единым. По существу, я сам должен стать художником, который в своей воле носит свою картину.

Этот душевный настрой соответствует интуиции. Но если я обращаю внимание только на материалы, которыми пользуется художник, я остаюсь при минеральном способе рассмотрения, безразлично, готова уже картина или только подготовлены материалы для ее написания. Тогда художника могло бы не существовать вовсе.

При переносе сказанного на рассмотрение человека, можно убедиться в прегрешении естественной науки: без первоначального, хотя и бессознательного соучастия имажинации, инспирации и интуиции, было бы вообще невозможно прийти ни к какой естественной науке, последняя же отрицает высший /моральный/ настрой души.

38.

"Если достигнуть того, чтобы в направлении, указанном в предыдущих предложениях, наблюдать человека в его образной природе, и вследствие этого созерцать в открывающейся духовности, то в духовном мире, где человек видится как духовно развертывающееся существо, предстают взору также душевно-моральные законы в их действительности. Ибо моральный мировой порядок представляется как земное отражение порядка присущего духовному миру. И физический и моральный порядок сочленяются к единству."

39.

"Изнутри человека действует воля. Она совершенно чужда по отношению к законам природы внешнего мира. Существо органов чувств еще можно познавать по их подобию вещам во внешней природе. В их деятельности еще не может развернуться воля. Существо, которое открывает себя в ритмической системе человека, уже неподобно ничему внешнему. В этой системе воля уже может быть, до известной степени в действии. Но эта система постигается в становлении и прехождении. С этим воля еще остается связанной."

40.

"В системе конечностей и обмена веществ хотя и открывается существо посредством веществ и процессов, протекающих в существах, но эти вещества и эти процессы имеют к нему не больше отношения, чем художник и его средства к готовой картине. Поэтому в таком существе можно непосредственно постигать волю. Если мы за человеческой организацией, живущей по природным законам, узнаем живущее в духовном человеческое существо, то найдем на в нем область, в которой обнаружится действие воли. В отношении чувственной области, воля — это слово без всякого содержания. И тот, кто хочет познавать ее в этой области, тот покидает в познании истинное существо воли и ставит на ее место нечто другое."

_____ 0 0 0 _____

22. О ВОЛЕ.

В афоризмах 38-40 и в последующих, духовное существо человека познается как воля. Тем самым по новому показан великий переход, который в прежних обзорах был дан как опыт порога. Трудности в понимании этих афоризмов напоминают афоризмы II-I6, представляющие Я-организацию. Было бы полезным, в этой связи, еще раз посмотреть эти афоризмы, касающиеся "я". При этом речь идет о таком представлении существа человека, которое основано на фактическом: нужно к физическим добавить духовные факты и показать их отражение в физическом существе.

Связь между обоими областями может быть установлена посредством указания на то, как могут быть найдены духовные факты. Мы имеем полярность, которая относится к проблеме понятия и действительности и побуждает нас прийти к воззрению, как при решающем переходе /между эфирным телом и астральным телом/ проявляется в человеке порог духовного мира.

В афоризмах II-I6 дан путь развития сознания от физических фактов к духовным: например, пронизывание мыслей, испытанных в медитации, волей. Тогда воля выступает как фактор упражнения в медитации. Делом каждого является, как далеко он сам продвинулся на пути медитации, но это не является решающим для понимания сверхчувственных фактов. Эти факты сами представляют человека как физическое и духовное существо, таким, каков он есть. Это понимание фактов включает также понимание пути, на котором можно их найти. Без достаточного понимания пути, нельзя их также правильно описать.

Если мы теперь снова найдем волю, то вместе с этим, мы сможем наблюдать переход человека через смерть, отпадение земного,

дальнейшую жизнь духовных частей, и, тем самым достигнуть понимания духовного в человеке. Тогда мы сможем сделать наблюдения относительно проявления духовного в физическом. Тем самым мы снова стоим перед фактом человеческого бытия в земной жизни, но постановка вопроса теперь другая; она направлена теперь на происхождение духовно-физических связей человека. Сравнение с картиной /см. обзор 2I/ ведет нас к новой постановке вопроса. Различие мы можем охарактеризовать так: ранее мы должны были, исходя из физического, искать духовное, теперь, отправляясь от духовного, искать физическое; прежде мы спрашивали: как перейти нам через порог к духовному? Теперь вопрос звучит так: "Как мы перешли через порог к физическому?" Это обращение вопроса мы рассматривали в аспекте теоретико-познавательном, в обзорах 5 и 6 /"Космический взгляд" и "Переход через пороги"/; здесь же дана познавательно-практическая смена точки зрения /"Копериканизм в духовной науке", обзор I9/. В то же время, это смена основания морали, от ориентирования на эпоху после смерти к ориентированию на эпоху до рождения, имеющая всемирно-историческое значение /обзор 2I/. Поэтому мы приходим к тому, чтобы постигать развертывание воли в физическом. Её закон – моральность, ее проявление в физическом – судьба.

4I.

"Третий из предшествующих афоризмов указывает на существо человеческой воли. Только когда мы обнаруживаем это существо, мы, со своими понятиями, находимся в мировой сфере, в которой действует судьба/карма/. Но до тех пор пока мы видим только закономерность, господствующую в связи с природными вещами и фактами, мы остаемся вдали от той области, в которой закономерно действует судьба."

42.

"При таком постижении закономерности в судьбе, открывается также, что нельзя привести к бытию в коде отдельной физической жизни. Поскольку человек живет в физическом теле, он может моральное содержание своей воли в той мере привести к действительности, в какой допускает физическое тело в физическом мире. Только если человек, проходя через врата смерти, втягивается в духовную сферу, духовное существо воли может достичь полной действительности. Только тогда приходит к духовной действительности добро, в соответствующих ему результатах, и зло в своих."

43.

"В этом духовном осуществлении человек сам формирует себя в период между смертью и новым рождением; в сущности он становится отражением того, что он сделал в земной жизни. Исходя из этой всей сущности, при очередном возвращении на землю, он формирует свою физическую жизнь. Духовное, развертывающееся в судьбе, может только тогда найти в физическом свое осуществление, если причинность вызвавшая его, перед этим осуществлением была оттянута в духовную область. То, что изживает себя как судьба, образуется не из последовательности физических явлений, но из духовного."

Деятельность органов чувств еще целиком принадлежит природе /афоризм 39/. Она образует органы чувств и смотрится в них как в зеркало. Существо человека, стоящего за органами чувств, есть зритель процесса, развивающегося между органами чувств и внешними воздействиями на них /глаз и свет/. Но в этом процессе природа притягивает к себе человеческий дух, который отделился от

духа природы; она заманивает его к себе на орбиту чувственных восприятий; чувственное познание привязывает к предметам, человеческое существо чувствует себя как бы целиком сосредоточенным на предметах: Познание природы человеком – это самопознание природы. Но в то же время – это призыв к человеческому духу; ибо самоотречение органов чувств является предпосылкой самопознания природы. Истинное познание природы – это школа самоотречения. Посредством симпатий и антипатий или посредством воли вмешаться в восприятие, в развертывание органов чувств, это значит разур разрушить его: "Если глаз тебя соблазняет, вырви его прочь!"

В существе познания человек обращается к духу. Самоотверженность выражает моральность познания. В воле дух становится активным. Если мы хотим охарактеризовать активность духа с моральной точки зрения таким же образом, как преданность посредством самоотверженности, то мы, быть может, могли бы использовать слова – духовная самостоятельность / /.

Воля действует непосредственно в системе конечностей и обмена веществ /афоризм 40/, но существо ее при этом, остается скрытым, она проявляется как выражение самостоятельного духовного существа из духовного мира. Но здесь воля развертывает тенденцию уподобиться в своих действиях природе; так как естественная наука является самопознанием природы, так духовная наука может быть самопознанием человека; нужно только довести до конца предшествующую мысль. Носителем этого самопознания является Само-дух.

Это обозначение для высшей самости человека было употреблено Рудольфом Штейнером впервые в его книге "Теософия". Само-дух, действуя в системе конечностей и обмена веществ, создает себе орган для духовного восприятия; предмет этого восприятия – судьба

Так из области духовного всматривается воля в земную жизнь между рождением и смертью. Однако это не доходит до сознания, но дела, производимые в земной жизни, – это выражение тенденций воли преобразовать систему конечностей в голову /см. обзор 20/.

Отсюда становится ясно, что то, что является носителем сознания, создано не этой асией, но происходит из жизни до рождения. Но есть путь, который позволяет дать воле истинное проявление. Это искусство – суть откровение сверхчувственного самопознания. Яснее всего это выражается в аффирмации. Если ее движения и формы созерцать с духовной стороны, они должны показать себя как самопознание человека: обращенная природа.

Афоризмами 41–43 начинаются упражнения, которые ведут к познанию судьбы /кармы/. Рудольф Штейнер многое из того, что он дал, начиная с рождества 1923 года, определил как "Упражнения в карме". В то же время, он хотел этими словами указать на высоту моральной позиции, исходя из которой, можно только конкретно говорить о судьбе. Ибо все понятия, которые только могут быть приняты к рассмотрению, в отношении судьбы, принадлежат сфере, к которой обычное сознание, как таковое, не имеет никакого доступа. Эти понятия в воле, преобразованной знанием или в воле, пронизанной мудростью, суть – мораль. Если сообщения Рудольфа Штейнера, относящиеся к судьбе, будут использоваться в качестве упражнений, их можно рассматривать как предварительные упражнения в моральной области.

23. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ В КАРМЕ.

Уже в своих философских творениях Рудольф Штейнер показал, что мировоззрение исходит из существа человека. Не пригрезившееся "начало" /пратуманность и т.п./, не абстрактный принцип, но именно то, что возникло последним, дает познанию мира правильное начало. В "Философии свободы" есть место /3 глава/, где Рудольф Штейнер указывает на то, что начинать с "начала" — это дело творца мира, познающий же мир начинает с сотворенного последним, т.е. с "Сегодня" и "отсюда". Наука, в основе, движется в направлении противоположном ходу времени, т.е. в обратном направлении. Начало познания дает существо человека. Свое собственное существо человек должен постигать из себя самого. Это происходит в противоположность к окружающей его природе. Сознание современного человека покоится на том, что он всем своим существом противостоит природе. В этом сила современного естествознания и в этом же его аморальность. При "объективном" исследовании природы собственная действительность познающего предполагается по умолчанию. Но это приводит к грубой ошибке, когда пытаются объяснить существо человека на основе природы, тогда как неосознанный процесс состоит в том, что только из предположения наличия собственного человеческого существа выводится возможность познания природы. Рудольф Штейнер отчетливейшим образом проработал эти отношения. Если остальное при "противостоянии" природе, тогда постижение судьбы остается простой иллюзией.

В нашем втором обзоре мы различали "природные" отношения к миру и "я-йные" отношения; первые испытывались в "противостоянии" — последние внутренне. При всяком введении в антропософию это "противостояние" должно быть только промежуточной ступенью, только

первым шагом. Но затем созерцание мира должно быть решительно разделено; ибо "я-йное" восприятие природы должно осуществляться не в соответствии с законами природы, но по моральным законам.

Короче говоря, человек испытывает свое существо в противостоянии природе и сущность природы в себе самом. Это и есть полярность между познанием мира и самопознанием, Рудольф Штейнер написал однажды /нечто подобное он говорил в цикле 46, лекции 7/: "Часто своим друзьям, просившим меня дать им какой-либо мыслительный афоризм, я давал следующий:

Если ты хочешь познать свое собственное существо,
Всматривайся в окружающий тебя мир во все стороны,
Если ты хочешь мир созерцать в истине,
Всматривайся в глубину своей души.

Если это станет душевным настроением, то оно будет означать предварительное упражнение в карме, поскольку оно в едином охватывает природу и мораль. Когда человек достигает соответствующего выражения того, что он встречает как следы своего собственного существа "в окружающем его со всех сторон мире", и того, что он в "глубине собственной души" носит как духовные соновы мирового становления, тогда приблизится к пониманию судьбы.

Путь мышления ведет прежде всего к резкому различению и разделению, здесь открываются великие мировые полярности, например, в нашем IO обзоре. Но если результаты ясного и истинного мышления будут восприняты человеческим существом в целом, его чувствами и волей, тогда великие противоположности станут преодолимыми.

Если мы обратим взгляд во вне, в царство природы, то мы должны учесть великие разрезы и резкие членения, т.к. человек возвышается над другими природными царствами природы. Но если он

испытывает эти свои отношения к миру в чувствах, то из этого может вырасти настрой, который определил Рудольф Штейнер как высшую мистерию "Омовение ног". Христиан Моргенштерн со всей полнотой своего искусства выразил эту мистирию в стихотворении. Человек имеет первородный грех в отношении природы, поскольку его бытие основано на ее жертве. Поэтому он остается надолго с ней связанным. В самом деле, то, что он несет в себе, это только одна сторона его существа, другая часть — это сама природа. Если это чувство погрузить в волю, она станет импульсом для будущего. Из явлений прошлого, которое в человеческом чувстве становится настоящим, вырастает побуждение к будущему мировому развитию. Благодаря превращению воли для человека становится действительностью освобождающее деяние Христа.

Человек — это наследник великого космического прошлого, но он призван также развернуть великие отношения для будущего. У К особенностям антропософского пути познания относится вживание в космос не только после смерти, как это представлено в заключении афоризмов 23–28, но и во время жизни. Космос охвачен великими ритмами. Резкие различия между царствами природы указывают на великие мировые эпохи.

То, что окружает человека как царства минералов, растений, животных, представлено Рудольфом Штейнером как космология существа Сатурна, Солнца, Луны, космически-планетарное прошлое Земли. Великое космическое прошлое охватывает человека пространственно, но во внутреннем опыте, посредством души ощущающей, души рассудочной и души сознательной, он испытывает некоторый вид одновременности, т.е. в едином духовном опыте он сдвигает вместе эти воз-

расты мира. Если душевный опыт от души ощущающей, через душу рассудочную продвигается к душе сознательной, человек, в самом деле начнет со своим опытом странствовать, хотя бы и создавая это только вгрезам, через Луну, Солнце и Сатурн. В этом внутреннем, совместном с Космосом движении от пространства, через время, в каузальность / ср. обзор 18/, образуется человеческая свобода. Здесь, соответственно прежним обзорам, происходит растворение категориального: развертывание миров, которое проявляется в пространстве как природная закономерность, становится собственной жизнью человека, полем деятельности его земной жизни. Тогда, посредством упражнений, мы вступаем в сферу, в которой может быть найден процесс развертывания судьбы.

Судьбой может стать только то, что мы пронесем через духовный мир. Из этого можно найти указания повсюду в творениях Рудольфа Штейнера, а также в вышеприведенных рассмотренных мировых ритмах: царства природы различаются между собой потому что к ним, в ходе развития, прибавляется каждый раз новый сверхчувственный член. Это проросток из духовного мира. Но всякий раз, когда добавляется новый член, все остальные члены одновременно видоизменяются. Последний этап этого развития мы испытываем в себе самих. Царства природы охватывают нас, мы принадлежим к ним нашим собственным природным существом, но в то же время, в душевной форме мы носим их в себе и пронизываем их "я-существом".

Человек не смог бы возвыситься над царствами природы, если бы он не пронизывал их в душевной форме. Так, человеческому становлению на Земле должно предшествовать духовное состояние, которое всё предшествующее развитие через Сатурн, Солнце и Луну приводит к душевной форме. То, что Рудольф Штейнер в "Тайноведении" и

многих лекциях описывал как космически-человеческое развитие, в нашей собственной душе является вполне актуальным. Но великие мировые ритмы повторяет человек в своих малых ритмах, повторяющихся земных жизней, и эти в ритме сна и бодрствования, и, наконец, в каждом вздохе и в каждом ударе сердца.

Наши обычные душевные способности – это повторение древнего мирового развития от Сатурна, через Солнце и Луну; то, что как судьба проходит через земную жизнь, это зародыши будущего становления мира; в человеке прорастает новый член существа, который назвал Рудольф Штейнер "Самоу́духом", как носителем будущего мира, является "Юпитер".

_____ 0 0 0 _____

24. ЧЕЛОВЕК И СУДЬБА.

СУДЬБА – это нечто большее, чем то, что человек ощущает как счастье и несчастье: это участие человека в мировом становлении; это мировая критика деяний человека. Наши знания – это буквы, наши дела – это слова, составленные из них, судьба формирует суждения. ЛОГОС – это существо, которое деяния человека и мировое становление приводит к созвучию посредством развертывания судьбы.

Великие мировые полярности – это полярности судьбы; из двух противоположностей одна является судьбой другой. Там, где в человеке повторяются противоположности, в этом месте может быть познана судьба: бодрствование и сон, рождение и смерть, тело и дух, мужчина и женщина, юность и старость, добро и зло, прошлое и будущее, голова и конечности, радость и горе, здоровье и болезнь.

В цикле лекций "Откровения кармы" Рудольф Штейнер, на основе духовного исследования, дает множество подробностей, он называет в этом отношении, эту область почти неизмеримой. Как происходит в этой области дифференциация, показывает следующее предложение: "Как карма действует в мире, лучше всего можно усмотреть из наблюдений, при которых карма действует, так сказать, без морального привкуса, где она действует в самом большом мире, не имея отношения к тому, что человек развивает из своей души на основе моральным импульсов, и что впоследствии ведет к моральным или к антиморальным деяниям!" И далее показывает он, как в последовательности земных жизней связаны мужские и женские инкарнации; он указывает на то, что "женщина просто потому, что она является женщиной, имеет совсем другой опыт чем мужчина... Поэтому мы можем говорить о том, что женщина приводится к определенным деяниям, которые

стоят в тесной связи с ее женским бытием." Но сюда добавляется следующее: "То, что является сугубо психическим, эмоциональным и более направлено внутрь души, в период между рождением и смерти имеет свойство глубоко проникать в организацию. У женщины весь опыт в окружающем мире глубоко впечатляется в душу. Поэтому переживание имеет сильную тенденцию глубоко воздействовать на организацию... и тем самым в следующей инкарнации формировать сам организм." "Но глубокая переработка организма вызывает образование мужского организма." Так происходит то, "что из женских переживаний одной инкарнации образуется действие, формирующее в следующей инкарнации мужской организм." Это взаимосвязи, лежащие по ту сторону морального." "Поэтому оккультисты говорят: Мужчины - это карма женщины."

И так же наоборот: "Мужская природа более конденсирована, стянута, она более спрессована, она стала более жесткой и твердой под действием внутреннего человека; она более материальна. Но более жесткий мозг является скорее инструментом для интеллектуального чем для психического. Ибо интеллектуальное - это нечто, имеющее большее отношение к физическому плану." "Нелегко привыкнуть к мысли, что интеллектуальное - это нечто разыгрывающееся более на внешнем плане, ... менее затрагивающее внутреннее в человеке. И материалистический настрой не постигает жизни души. Но следствием этого является, что во время такой инкарнации человек менее действует на душу, которая приобретает склонность в следующей инкарнации не так глубоко проникнуть в организацию." Поэтому возникает побуждение в следующей инкарнации построить женское тело. Поэтому оккультисты говорят: "Женщина - это карма мужчины".

Кармическая полярность здоровая, и болезни образуют переход от более космического к более моральному, которое отчетливей всего выражается в добре и зле. В той мере, в какой мы моральную сторону кармических действий делаем своим упражнением, мы вступаем на почву истинной свободы.

Все эти рассуждения следует там, где афоризм особенно указывает на работу по формированию самого себя. Мы встречаемся с этим уже в афоризмах 41-43. Афоризм 41 указывает на то, как человек, в противоположность к наблюдению природы, должен подняться в совершенно другие сферы, способ созерцания которых должен сделаться особым упражнением; здесь речь идет о взгляде на человеческую жизнь с космической точки зрения. Афоризм 42 показывает, что эта сфера суть то же самая, в которую человек вступает после смерти. Но чтобы постигнуть развертывание судьбы, нужно рассматривать природный период до рождения и после смерти, как принадлежащие одной сфере, и душу свою ориентировать на период до рождения /обзор 21/. Это содержится в афоризме 43. Тем самым снова достигается перемена точки зрения, которая вообще говоря, связана с описанной раньше, где мы указываем на необходимость перемены точки зрения, для которых эта перемена оправдана, соответственно трем измерениям перпендикулярных друг к другу. Во всех этих случаях речь идет о смене местами полярных противоположностей. В одном направлении меняются местами внутреннее и внешнее, в другом - прошлое и будущее, в третьем - причина и действие. Постигание таких противоположных направлений - это событие в духовном развитии; здесь можно только указать на это.

В следующих афоризмах Рудольф Штейнер еще более заостряет внимание на работе по формированию себя самого. Однако, не сле-

дует оставить без внимания, что афоризмы в первую очередь были обращены к действительно работающим группам людей. Это очень важно, что в вопросах судьбы обращаются непосредственно к этим группам, ибо карма особенности указывает на человеческое общество.

44.

"Переход к духовно-научному рассмотрению вопроса судьбы должен проходить таким образом, чтобы на примере отдельного человека ход судьбы рассмотреть во всем его значении для течения жизни: как, например, юношеский опыт, который наверняка не с полной свободой проходит через личность, может в значительной части изменить всю последующую жизнь."

45.

"Следует в полном значении уяснить факт, что в физическом течении жизни между рождением и смертью, доброе может обернуться во внешней жизни к несчастью, а недоброе - к счастью, как это может показаться. Образные примеры для уяснения этого, важнее теоретических объяснений, поскольку они лучше приспособлены для духовно-научного рассмотрения."

46.

"На случаях в судьбе, которые так вступают в жизнь человека, что невозможно найти условий для них в данной земной жизни, следует показать, что относительно таких случаев разумный взгляд на жизнь указывает на прежние земные жизни. Но из способа представления должно быть ясно, что здесь не пытаются доказать ничего, связанного с такими представлениями, но просто высказать нечто, что ориентирует мысли на научно-духовное рассмотрение вопросов судьбы."

Такие описания случаев в судьбе находятся в циклах лекций Рудольфа Штейнера; они используются им для иллюстраций общей закономерности, которая всегда означает переход от опыта человека через духовный мир. Собственно, кармические упражнения дал Рудольф Штейнер в Гётеануме в последние годы своей жизни. Они состоят в описании последовательности жизней людей и вождей человечества. В какой мере представление таких жизней может стать материалом для упражнения, об этом будет в общем сказано в дальнейших рассмотрениях. Но к предварительным упражнениям в карме относятся такие рассмотрения, к которым призывают афоризмы 44-46.

Такие примеры можно найти повсюду в истории, в поэтических творениях, в повседневной жизни; но только в новое время такие судьбы приняли особенную окраску полной загадочности. В какой мере они являются проблемой истинно человеческого, показывает это целая эпоха поэтов. Рассмотрим таковых, которые стоят как неразрешимые проблемы времени, драматургии, такие как Хеббель, Ибсен, Страниберг, не говоря о эниках. Здесь дело в том, что они неразрешимы из фактов, доступных обычному сознанию. Есть три формы, о которых речь идет в афоризмах с 44 по 46:

1. Юношеский опыт, который в значительной части может изменить всю последующую жизнь;
2. наблюдается великое несоответствие между моральным содержанием одного человека и его внешними условиями жизни;
3. случаются в судьбе события, условия для которых невозможно найти в современной земной жизни.

Теперь мы приведем три примера, взятых из жизней, которые упорядочены в соответствии с этими тремя формами:

1. Молодому человеку нанес существеннейший вред его друг; он чувствует себя близким к смерти; его жизнь кажется ему оконченной; он познает смысл своего короткого жизненного пути в том, что он может научиться созерцанию повторяющихся земных жизней как решению серьёзных вопросов бытия. Затем он чувствует себя вновь вернувшимся к жизни. Это действует исключительно впечатляюще, но постепенно он приходит к откровению, что в сущности он был лишен жизни; и она снова была ему подарена для того, чтобы он её поставил на службу новому учению о продолжении жизни после смерти. Это откровение приводит его прямо к антропософии.

2. Один человек вырос как сын богатых родителей; вследствие некоего несправедливого деяния он почувствовал непреодолимое стремление к справедливости, такое сильное, что позже это чувство превращается как бы в способность предвидения грядущей беды. Эта идеальность его образа чувств ведет его всё более к решительным намерениям, но которые всегда отвергаются. Чем более он хочет обратиться к добрым импульсам, тем более бессилие представляется ему непростительным. Это приводит его к разрыву со своей семьей, к лишению наследства. В связи с его вступлением в антропософское движение происходит перемена в его жизненных отношениях. Его идеальные требования еще возрастают, но это приводит его без видимых оснований к потере жизненной позиции, он чувствует все свои мотивы поколебленными. Но повсюду он видит вокруг себя, что люди, не обладающие чувством справедливости, без идеальности, без импульсов к добру, ведут легкую жизнь. Его взгляд в процессы разворачивания кармы позволяет ему мужественно переносить свою тяжелую жизненную борьбу.

3. Молодой человек чувствует непреодолимую потребность покончить с собой; он с большим остроумием доказывает себе полную правомерность такого поступка, несмотря на то, что остальным это не кажется очевидным. Внешнего основания для этого, конечно, найти нельзя; но он знаком с антропософом и сообщает ему своё доказательство. Наконец, удается удержать его от самоубийства указанием на то, что очевидно для всякого истинного знатока антропософии, что если заложено в его судьбе уйти из жизни молодым, то его собственное подсознательное сверхчувственное существо само найдет средство для того, чтобы он оставил жизнь в результате какого-нибудь несчастного случая. Дальнейшее продолжение жизни, которая до сегодняшнего дня не привела ни к какому ожидаемому им несчастному случаю, стала потом для него весьма тяжелой.

0 0 0

25. УПРАЖНЕНИЯ В КАРМЕ.

Уже в афоризме 43 и затем опять в афоризме 46 Рудольф Штейнер указал на связь судьбы с последовательностью земных жизней. Этот мотив продолжается в следующих афоризмах:

47.

"То, что заложено в облике человеческой судьбы, лишь в малой своей части становится доступным обычному сознанию, но развертывается, по большей части, в бессознательном. Но именно через раскрытие судьбы, становится понятным, как бессознательное может стать сознательным. Неправы также те, кто о временно бессознательном говорит так, как если бы оно должно было бы абсолютно оставаться в области неизвестного и, таким образом, представлять границу познания. Любой фрагмент судьбы, открывающийся человеку, вводит дотоле бессознательное в область сознательного."

48.

"Вследствие этого становится понятным, что в период жизни между рождением и смертью не вырабатываются элементы судьбы; поэтому именно вопросы судьбы указывают на рассмотрение периода жизни между смертью и новым рождением."

49.

"При обсуждении этого переноса человеческого переживания с себя на вопросы судьбы может быть развито правильное чувство для отношений чувственного к духовному. Тот, кто созерцает развертывание судьбы в человеческом существе, тот уже стоит в духовном. Ибо взаимосвязи судьбы не имеют в себе ничего природного."

Из рассмотрения судьбы, если они становятся серьезным упражнением, мы получаем мотивировку для последовательности повторяющихся земных жизней. В общем, на эти упражнения указывается Рудольфом Штейнером в средней главе книги "Теософия". Следующие рассуждения должны помочь пониманию внутреннего строения этой главы. Душа — это двойное существо, занимающее промежуточное положение между телом и духом; ее деятельность обнаруживается как всасывающая и излучающая, в зависимости от направления душевного переживания: направление тело-душа-дух означает всасывание; направление дух, душа-тело означает излучение. Это пассивная и активная ориентировка души, всасывание и излучение, перекрещиваются между собой, они образуют живое душевное ядро в человеке. Этот крест воздвигнут Рудольфом Штейнером в средней главе книги "Теософия"; он показывает как связаны между собой тело, душа и дух: Мир в познании и деяниях сродни человеку.

Когда тело обращает органы чувств на внешний мир, оно приходит к ощущениям, восприятиям, "впечатлениям". Они воспринимаются душой и как представления удерживаются в "памяти". Дух выбирает из этого всё, что имеет непреходящую ценность, усваивает это как "способности" своего существа. В противоположном направлении начало дает дух человека со своими "задатками", из которого изливаются "волевые импульсы", действующие на душу. Она формирует "деяния", которые посредством тела распространяются на внешний мир и преобразуют его.

Так, во время земной жизни, душа жертвует собой в обе стороны одна часть ее существа изливается во внешний мир и ее социально-человеческие связи, другая — в дух и существо духовного мира. Это находит свое выражение после смерти. Дух человека, который

плоды своей земной жизни несет через вечность, сохраняет отношения к земному миру, в котором остается другая часть его собственного существа. Мир земли и человеческий дух — это одно существо, ибо они несут в себе следы одного душевного существа. В соответствии с этой взаимной принадлежностью человеческий дух возвращается к миру земли, и родственные силы образуют, как будто бы, новую душу для новой земной жизни.

Снова в земной жизни душа получает "впечатления" из телесного мира. Но душа человека, которая учится созерцать эти взаимосвязи, ощущает эти впечатления, как носители судьбы, которые в земном мире сохраняют дела предшествующих земных жизней. И душа человека, которая научается познавать свое духовное родство с окружающим миром, снова воспринимает волевые импульсы духовного происхождения, но они могут стать для нее носителями духовных сил, которые она ощущает как моральные интуиции. То, что

поступает к человеку здесь как его жизненная задача, это работа души сознательной. Она формирует себя в упражнениях над афоризмами. Для упражнения может оказаться полезным следующий образ:

Тело	Душа	Дух
Чувственный мир		Задатки
	Душа	1. Земная жизнь
Окружающий мир		Способности
	Душа	2. Земная жизнь

Задачей души сознательной является, навстречу собственной судьбе, которая приходит к человеку из внешнего мира, выступать с таким же самоотречением, с каким он сегодня научился относиться к "впечатлениям" из внешнего мира, а также нести в мир деяния, определяемые морально.

То, что Рудольф Штейнер представил в своей "Теософии" относительно последовательности земных жизней и судьбы, составляет основу для "упражнений в карме", ибо там дана прочная основа для мыслей, связывающих космические миры с точностью естествознания. Здесь дается ответ на поставленный в 23 обзоре вопрос, как судьба появляется в окружающем человека мире. Но самообладание необходимо в областях, в которых мысли грозят пережеститься через самих себя. Ибо, если в соответствии с афоризмом 47, пробуждается бессознательное, вызываются к жизни могучие силы. Рассмотрения судьбы касаются сферы, которая макрокосмически уподобляется микроскопическим воспоминаниям. Воспоминания и представления могут только тогда войти в состав духовного существа человека, когда они морально связаны. При макрокосмическом воспоминании судьбы должны участвовать в рассмотрении только такие ощущения, чувства и стремления, которые в результате созерцания последовательности повторяющихся земных жизней, прошли крещение духовным миром.

Для того, чтобы сделать переход от предварительных упражнений в карме к собственно кармическим упражнениям, можно обратиться к таким человеческим связям, как их может дать антропософское общество; ибо здесь возможны правильные, исполненные духа взаимные связи между людьми. С духовной стороны они представляются действительностью; но в сознании они должны быть достигнуты с

преодолением значительных препятствий. Антропософия делает человека индивидуальным, это так должно быть. Но в этом заключена опасность, что некоторые поставят индивидуальное выше социального.

Ясно также, что отдельный индивидуум имеет судьбу не только для себя самого. Её приносит с собой связь членов общества, чтобы среди них выделить особенные облики судеб, ибо каждый из членов, благодаря занятию антропософией, вызывает к бытию свою судьбу; именно в этом заключается возможность внутреннего прогресса.

Антропософия ведет к тому, чтобы возможности грядущего перенести в настоящее, пробудить бессознательное; благодаря этому, из окружающей человека среды, в центральную точку душевного опыта всасывается судьба. Так, один становится носителем судеб другого.

В земных событиях это может разрядиться в борьбу /но не должно!/: в то же время это как бы греза о действительной сущности, это сбалансирование духовного, разговор духов. Истинными упражнениями в судьбе были бы такие, которые могли бы в сознательном опыте души найти такой разговор духов; тогда это стало бы инспирацией, к которой один бы приходил при посредстве другого.

К таким целям следует стремиться, и антропософское общество имеет для этого большое значение. Взаимосвязи между людьми могут принести с собой то, что нам открываются судьбы других людей.

Конечно, это должно происходить не посредством выпитывания сенсационных подробностей, это было бы душевной вивисекцией или психоанализом, но в противоположность этому, нужно с любовью и терпением прислушиваться к окружающей действительности, т.к. благодаря этому достигается моральная высота суждения, которая может принести необходимую помощь. Кроме того, если существо

другого закрыто для наблюдения, можно поставить перед душой его образ, представить себе, как он окружен своей судьбой, укутан духовным существом, которое постепенно начинает себя открывать и как живое дыхание пронизывает всё, вплоть до жеста: "Тот, кто созерцает развертывание судьбы в человеческом существе, тот уже стоит в духовном." /афоризм 49/.

В такую морально-человеческую атмосферу хотел Рудольф Штейнер в конце своей жизни, влить свои лекции о карме. Они явились как бы парящим над антропософским обществом дыханием инспирации. Факты, почерпнутые из следующих друг за другом земных жизней великих людей, должны содержаться на духовно-моральной высоте; они суть постоянно действующий источник инспирации. Здесь стоят великие исторические эпохи, которые обращены к нашим космическим воспоминаниям; здесь ответ на часто задаваемый вопрос: "Куда подевались великие посвященные древних времен? Каковы результаты их достижений в наше бездуховное время?"

Многие жили в наше время, но не могли открыть свое существо из-за препятствий, доставляемых культурой, воспитанием, телесностью. Их человеческая трагедия вызывает в нас внутреннейшее участие. Мощный импульс человеческих образов, светлые их краски на золотом фоне описаний Рудольфа Штейнера, указывают нам: "Измените образ мыслей, измените весь облик современной жизни, чтобы великие души могли возвратиться и открыть нам свое существо; чтобы они могли быть правильно восприняты и познаны; в противном случае погибнет человеческая инспирация! Она должна будет найдена вновь, если падут ограничения, свойственные нашему времени.

26. КАРМА И ИСТОРИЯ.

Благодаря серьезным упражнениям в карме мы вырабатываем чувство самоотречения в отношении собственной судьбы, это только постольку имеет ценность для продолжения духовного развития, поскольку оно разворачивает освобождающую силу для кармы человечества. Когда мы достигнем внутреннего понимания кармической собственности с развитием человечества в целом, мы избавимся от всех претензий на знание прошлых земных жизней и судьбы. Тем самым вступаем мы на путь познания нового откровения Христа, который будет познаваться как господин кармы, поскольку он взял на себя судьбу всего человечества.

Это реальный переход, который разыгрывается в наше время и тот древний образ отделяет от Моисея, который указывает мертвым на "суровый закон", как было показано в нашем 14 обзоре. Всё это приводит нас к важному разделу "Карма и история."

50.

"Важным является указание на то, как рассмотрение исторической жизни человечества может быть оживлено тем, что указывает на человеческие души, которые опыт одной исторической эпохи переносят в другую, поскольку в последовательности их повторяющихся земных жизней они странствуют от одной эпохи к другой эпохе."

51.

"Легко обвинить такой способ рассмотрения в том, что он воспринимает историческое элементарно и наивно, но это обвинение несправедливо. Этот способ глубже проникает в рассмотрение исторического, которое прослеживает его до самого внутреннего человеческого существа. В результате этого история становится богаче и

конкретнее, а не абстрактнее и беднее. Но для таких представлений нужно развить в себе ум и сердце, чтобы глубже всматриваться в живую человеческую душу."

52.

"Эпохи в жизни между смертью и новым рождением нужно рассматривать в отношении к образованию кармы. "Как" этого рассмотрения образования кармы должно составить содержание дальнейших афоризмов."

Рассмотрение истории в аспекте последовательности повторяющихся земных жизней – это задача, поставленная перед западной культурой, которая резко отличается от соответствующих духовных устремлений Востока. Мировоззрение Востока всегда содержало учение о повторении земных жизней, но без его исторического продолжения; скорее все явления рассматривались в повторяющихся в себе циклах. Со времени составления Ветхого Завета Запад, с определенными целями, пытается постигнуть исторические явления: "Прогресс – это то, что как собственный элемент выступает в Ветхом Завете. Первый великий пример исторического способа рассмотрения дает нам Ветхий Завет! Благодаря ему западным странам завещан исторический способ рассмотрения. Но в этом завещании не содержится фактов повторения земных жизней. То, что дал Рудольф Штейнер, содержит как новое рассмотрение истории, так и познание реинкарнации и кармы. Решающим в этом рассмотрении является мистерия Голгофы, как историческое явление, как центральный и поворотный пункт земного развития и, в то же время, как мистический факт, посредством которого индивидуальный человеческий опыт, проходящий через земную жизнь, становится духовно-осознанным носителем космических импульсов.

В афоризмах 50 и 52 с двух сторон освещена важность истории. В афоризме 50 говорится об оживлении рассмотрения исторической жизни человечества; в афоризме 51 указывается на прослеживание исторического до самого внутреннего человеческого существа. Там мы должны постигать в сегодняшнем человеческом существе становление исторического. При этом мы выходим за самого человеческого существа, как это дано в предыдущих афоризмах.

С точки зрения безоглядной каузальности в природе не существует вообще никакой истории; для понимания существа истории, нужно рассматривать подвижные категории и их взаимодействие, как это было показано раньше /обзор 18/. Сама естественная наука несет в себе неосознанный осадок этого. Нужно только различать между описательным естествознанием и объясняющим. Различие коренится в недооцениваемой идее развития. Никогда бы не вступила идея развития в новое естествознание, если бы сам человек не был бы способен к реальному развитию. Так, уже в нашем третьем обзоре мы встречаем предложение: "Каждое познание изменяет познающего."

Если мы возьмем в качестве описательной науки минералогию, то геология будет относиться к ней как объясняющая. Если последняя, надлежащим образом продолженная, примет в качестве реального фактора время, то в меру действия эфирных образующих сил, получится история Земли. Для ботаники — описательной науки, объясняющей будет физиология, где эфирные силы поставлены на службу Высшего принципа, который мы раньше /категориально/ называли каузальностью. Соответствующим же образом к зоологии добавляется биология, которая должна познавать животные типы, исходя из высшей категории индивидуализации; здесь мы приходим к биогенетическому основному закону. И также для человека мы имеем один принцип /творческое/, который возвышается над отдельным человеком так

же, как групповая душа над отдельными животными особями. Здесь находим мы реальный фактор развития для истинной биографии, как описывает это Рудольф Штейнер в своей книге "Теософия". Биографии выходят за рамки отдельной инкарнации; ее высшим творящим принципом, действующим из духовного мира, является карма. Биографии образуют высшую объясняющую науку в отношении антропологии. Это история. Так мы можем исторически постигать историю, исходя из становления биографий.

То, что представляет собой обычная история, Рудольф Штейнер называет _____, просто потому, что действительно решающие земные факты вообще непередаваемы, или потому что современные исследователи истории не знают, что с ними делать; а так же поскольку в этом способе, каким современное сознание сцепляет факты, вообще нет ничего действительного. Истинная история состоит в том, чтобы прежние чисто духовные явления сделать человечески-земными.

Древние взаимосвязи человечества не обладали историей. Поэтому древний Восток, который всегда оглядывался на духовное первобытное состояние человечества, всегда был неисторичен. Хотя человек и чувствовал себя вписанным в колесо перевоплощений, но он стремился лично от него со свободой. Индивидуальный опыт ощущался восточным сознанием как грех. Действительные явления, в противоположность к земной майе, исходили из духовного существа; первоначально оно стояло позади вождей человечества. Последние, древние посвященные, нашедшие обратный путь в духовный мир, с течением времени увидели себя поставленными перед фактом, что возвращение отдельного человека к прасостоянию на пути духовного возвышения, всё более идет за счет всех остальных людей. В этом состоит ужасная трагедия древних посвященных. Так действие древних сил сознания должно было быть заменено иным.

Истинная история — это история человеческого сознания; в ней выражается индивидуализация человека. Для учения в духе повторения земных жизней важно, чтобы, исходя из становления человеческого сознания, ЦИКЛИЧЕСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭПОХИ постигали как ПРОГРЕСС. Освальд Шпенглер предчувствовал нечто от истины в своем своеобразном понятии исторической одновременности. Он рассматривает, как различные культурные круги попеременно то показывают восхождение, то нисхождение; это их внутреннее время, и он показывает соответствующие фазы различных культур одновременными. Здесь находит он закономерности, на основе которых он предпринимает колоссальную попытку, предопределить историю. Но он ничего не знает о переносе исторических импульсов через духовный мир, поэтому из его выводов ничего нельзя узнать о конкретных биографиях. Но также эти последние возникают лишь постепенно; вначале духовные существа, которые непосредственно действуют сами среди людей. Затем вожди человечества, инспирированные духовным существом. Наконец вожди человечества оставляются сами по себе и должны действовать на свою ответственность. Отсюда снова протекает истинная трагедия ведущих личностей, становление биографий создает историю.

Для намеченных здесь точек зрения в произведениях Рудольфа Штейнера можно найти подробные представления, которые не могут здесь быть все перечислены. Особенно следует указать на циклы I и 24.

В этом становлении истории происходит постепенно ориентировка явлений на одну центральную точку. В глубоко сокровенных местах мистерий древние посвященные находили надежду на выход из

трагедии упадка древних духовных связей в созерцании мировой мистерии солнечного духа, который должен сойти на землю.

Это была цель, которую перед посвященными ставило сверхчеловеческое существо, и отсюда возник первый действительно исторический документ, Ветхий Завет, который, по словам Рудольфа Штейнера, является не только описательным историческим произведением, но и целеопределяющим. Как к описательной науке относится объясняющая, так к описательной истории относится целеопределяющая.

Так, огромное значение имеет Мистерия Голгофы, в которой целеопределение древних мистерий стало историческим фактом. Всё, что можно назвать историей древнего мира, при взгляде на это уникальное событие, дает возможность понять, что история вообще дает только ориентировку. Но как раз компетентные историки нового времени с их методами вообще не считают это событие историческим явлением! Начиная от Мистерии Голгофы существо истории должно стать апокалиптическим. Апокалипсис — это новое целеопределение для второго пришествия Христа.

27. ИСТОРИЯ, МОРАЛЬ И ПРЕДВИДЕНИЕ.

Современный человек из индивидуального опыта достигает понимания кармы. Понимание кармы дает исторический масштаб. Но только самоотреченность в отношении собственной судьбы может привести к исследованию действительной истории. Факты действительной истории, земного отражения духовных явлений, Рудольф Штейнер исследовал в широкой области помимо всех документов и нашел верную форму для их изложения; связи между ними наблюдал в соответствии с действующим в них принципом. Это и есть карма.

Духовные исследования истории снова оставляют одну из моральных вершин в исследованиях Рудольфа Штейнера; и поэтому его упражнения в карме, ставящие перед нашим взором истинные биографии, должны удерживаться на такой моральной высоте, на которую вознес их он сам.

Здесь проявляется другая сторона двойной задачи, которая дана была нам в заключение афоризмов 50-52 /обзор 26/: прослеживание исторического вплоть до живой человеческой души — это путь, на котором может быть достигнуто познание исторического. Рудольф Штейнер часто указывал на то, что события прошлых времен могут быть найдены посредством чтения так называемой Акаши-Хроники; он часто повторял, именно в своих ранних циклах, говоря о существе Акаши-Хроники, что она содержит следы всего того, что было когда-то сделано сознательным существом. Из ранее приведенных нами афоризмов мы можем составить себе представление о том, как образуется Акаши-Хроника; нам нужно только вспомнить о том, как эфирное тело-носитель картины воспоминаний, в том числе и неосознанных, открывается после смерти в объективной жизненной картине и затем растворяется в космосе /обзор 13/.

Всё снова мы должны рассматривать методику, посредством которой Рудольф Штейнер ввел духовную науку в современное человечество. Вначале он обращается к обычному сознанию и формирует его так, чтобы оно стало способным воспринимать истину; затем, опираясь на чувство истины, он добивается понимания сверхчувственных фактов, и только теперь он может описать сами сверхчувственные факты. Наконец он показывает путь, на котором достигается познание духовного мира и, исходя из понимания духовных фактов и пути к ним, предлагаются наилучшие упражнения для этого пути познания. Для исследования истории необходима истинная интуиция, само-вживание в духовное существо, в истинные биографии.

Акаши-хроника находится на границе духовного и сверхдуховного мира, в сфере где /выражаясь в стиле категориальных рассмотрений/ творящее переходит в каузальное. Сами исследования Рудольфа Штейнера могут тогда стать понятными для обычного сознания; но чтобы их превратить у в упражнения, для этого необходимо взять за исходный пункт действие сверхчувственных миров в обычном сознании.

Человек — это наследие прошлого /см. обзор 23/. Это наследие образуется на основе развития двух рядов, ряда генерации и ряда инкарнаций. В ряду генераций содержится всё, что действует на человека извне. Это образует его в соответствии с рождением, семьей, нацией, окружающей средой. Благодаря этому человек вписан в ход истории. Вместе с этим действует то, что он принес с собой из другого ряда — ряда инкарнации: это его задатки и способности. Великие жизненные конфликты отдельных личностей образуются при встрече обоих рядов. Их разрешение образует жизненный опыт. Работая наддушой сознательной, нужно привести к сознанию следы обоих рядов развития, встречающихся в современной земной жизни.

Тогда история может стать реальной в человеческом сознании, ибо посредством души ощущающей человек связан с египетско-халдейской культурой, поскольку в эту, точно определенную Рудольфом Штейнером эпоху, в человечестве образовалась душа ощущающая; также обстояло дело с душой рассудочной во время греко-латинской культуры. Но если мы с нашим душевным опытом погрузимся в эпоху души рассудочной, то мы не должны ослаблять себя посредством погашения души сознательной, которая образовалась только в наше время, ибо мы в результате этого найдем декодентский остаток древнего опыта. Конечно, где-то еще сидит в нас древний римлянин, но он является в нас только рудиментом.

Для древнего римлянина необходимо было сознание права в мире; от всего этого мы можем найти в себе, пожалуй, только "отрасть к спорам". Он — наш внутренний враг. Мы должны победить в себе эти древние облики; так говорил однажды Рудольф Штейнер о фарисее, укрывавшемся внутри нас, а также садукее и есее; и есть еще и другие враги, атлантического и лемурийского времени, и в преодолении их открываются нашей душе сознательной ее будущее силы, пока она не приведет нас к импульсу Христа. Только тогда мы достигнем самоотрешенного отношения к своей судьбе, которая в будущем может сформировать наш истинный исторический облик.

53.

"Развертывание человеческой жизни в период между смертью и новым рождением проходит последовательным рядом ступеней. В продолжении нескольких дней непосредственно после прохождения через врата смерти, он созерцает в образах свою последнюю земную жизнь. Это созерцание показывает, в то же время, отделение носителя этой жизни от душевно-духовного существа человека."

54.

"В период времени, составляющий примерно треть продолжительности последней земной жизни, душа, в своем духовном опыте, узнает, какое значение имеет предыдущая земная жизнь в смысле этически организованного мирового порядка. Во время такого переживания возникает намерение следующую земную жизнь организовать таким образом, чтобы исправить предыдущую, в соответствии с полученным опытом."

55.

"Затем следует продолжительная, чисто духовная эпоха, в продолжении которой душа человека, вместе с другими, кармически связанными с ней, человеческими душами и существами высших иерархий, в смысле кармы формирует следующую земную жизнь."

Может показаться, что в афоризмах 53-55 повторяется данное уже раньше /афоризмы 23-28/. Но в действительности в этих новых афоризмах делается упор на то, чтобы к фактам, которые раньше были даны сами по себе и в связи с космосом, теперь добавить исследования кармы и истории.

Внимательное сравнение обоих представлений может многое нам сказать: "Картина жизни" в афоризме 23 описана как первое, после смерти, вступление в духовный мир. Это повторение бодрственного опыта минувшей земной жизни, от которой умерший постепенно освобождается. В афоризме 53 из всех взаимосвязей мы можем узнать, что по мере просмотра этой картины и "отделения носителя этой жизни" /эфирного тела/ открывается взгляд на становление истории; ибо исчезающие образы добавляются к Акаша-хронике. Мертвые, огля-

диваясь назад, непосредственно после своего вступления в духовный мир, видят превращение человечески-эфирного в космическую субстанцию Акаши. Но он знает, что он снова найдет исчезнувшие образы.

Здесь мы имеем объективное воспоминание, которое испытывается совершенно самоотреченно. К числу упражнений, продельваемых в земной жизни, относятся также самоотреченные воспоминания, ретроспективный просмотр дневного и жизненного опыта. Только когда воспоминания станут самоотреченными, они могут быть связанными моралью. В дополнение афоризма 53, при взгляде на отделяющееся от человека эфирное тело, мы можем сказать: так возникает история.

Также можно афоризм 24 сравнить с афоризмом 54. В опыте астрального тела после смерти, ночной опыт минувшей земной жизни повторяется в связи с осуждением жизни. Но в отношении опыта астрального тела действие будет совершенно другим. Действия объективных воспоминаний в эфирном теле вливаются в области, из которых человек воспринимает воздействия генерационного ряда. Это историческая непрерывность, которая пробуждает видимость текущей каузальности исторических явлений. Переживание жизненного осуждения, связанного с астральным телом, вместе с душой переносится дальше и всплывает из инкарнационного ряда как задатки и способности в будущей земной жизни. К описанному в афоризме 54 мы можем добавить: Так в истории становится мораль.

Афоризм 55 стоит в соответствии с афоризмом 26. В опыте "продолжительной, чисто духовной эпохи бытия" дополняется духовное целое результатами удержанного минувшего дневного и ночного опыта, т.е. действиями эфирного и астрального тела. Это происходит

в мире замыслов, как в своей книге "Теософия" Рудольф Штейнер назвал сверхдуховный мир. То, что в последующей земной жизни с двух сторон изливается на человека, из генерационного ряда и инкарнационного ряда, здесь имеет общий источник, также как в минувшей земной жизни всё произошло из одного целого.

Здесь, в сверхдуховном мире, истинное существо человека, в соединении с существами иерархий, полностью едино со своей кармой. Человек здесь, как при вдохе, полностью втягивает в себя свою карму, и снова выдыхает ее при нисхождении к новой земной жизни. Мы можем добавить к афоризму 55: Так в истории разворачивается предвидение.

Если таким образом мы проследим историю "до самого внутреннего человеческого существа", /афоризм 51/, то получим уверенность в том, что "человеческие души опыт одной исторической эпохи переносят в другую" /афоризм 50/.

— 0 0 0 —

28. НОВАЯ ЖЕРТВЕННАЯ СЛУЖБА.

56.

"Эпоха бытия человека между смертью и новым рождением, в которой реализуется карма человека, может быть представлена только на основе духовного исследования. Но нужно всегда сознавать, что это представление должно быть освещено разумом. Последний должен только непредвзято наблюдать существо чувственной действительности, ибо тогда станет ясно, что она также указывает на духовное, как форма труппа на покинувшую его жизнь."

57.

"результаты духовной науки показывают, что человек в период между смертью и рождением, принадлежит духовному царству, также как в период между рождением и смертью принадлежит трем царствам природы: минеральному, растительному и животному."

58.

"Минеральное царство нужно познавать в мгновенном облике; растительное, как эфирное тело — это основание его становления и роста; животное в качестве астрального тела — это импульс для развертывания ощущений и воли. Увенчание сознательной жизни ощущений и воли самосознательной духовной жизнью делает непосредственно наглядной связь человека с духовным миром."

В афоризмах 56-58 мы действительно приходим к повторению данного прежде /афоризмы 27-28/. Но теперь мы можем развить представление что мы, начиная с рассмотрения афоризмов 27-28, с помощью описаний Рудольфа Штейнера, прошли как бы цикл от одной

инкарнации до следующей. Так можем мы предпринять попытку рассмотреть представленное в выше приведенных афоризмах как то, что развертывается в предвидении следующей земной жизни. То, что такое предвидение следующего воплощения действительно возникает в душе при ее нисхождении из духовного мира, мы находим отчетливые указания в лекциях Рудольфа Штейнера. Отсюда следует, что соединение нисходящего человеческого духа с астральным телом и эфирным телом сопровождается опытом, который представляет противоположность тому опыту, который образуется при восхождении от земной жизни после смерти.

Если мы из этой земной жизни взглянемся в следующую, то она покажется нам полностью пронизанной духом, ибо всё, что тогда будет, вначале пройдет через духовный мир. Если после смерти человек проходит через область всех тех существ, которые формируют ему карму, при нисхождении человек проходит область тех духовных существ, которые в соответствующих духовных мирах представляют явность природных царств. Они являются посредниками для того, чтобы природные царства, когда человек вступит на землю, были одухотворены, пронизаны человеческими делами.

Так мы созерцаем будущее воплощение и также нас самих, так что при этом "связи человека с духовным миром становятся непосредственно наглядными" /афоризм 58/. Мы можем также сказать: "Когда в этой земной жизни дух в природе и в нас самих становится видимым, то мы имеем в себе импульсы, действующие в будущее."

В попытке такого предвидения мы можем также образовать представление о том, о чем говорит в новом издании своей книги "Теософия" в центральной главе Рудольф Штейнер, о противоположности

способности воспоминания и деяний человека: "Разве не может во внешнем мире наделенное Я-характером так развертываться, чтобы извне также воздействовать на душу человека, как, при определенном побуждении, в душе появляется воспоминание?"

Здесь речь идет об объективно развертывающемся деянии - воспоминании. В кармических упражнениях в связи с историей, человек может стать участником в этом деянии-воспоминании. Упражнения в карме должны действовать не только для понимания прошлого, но также для формирования будущего.

Ранее мы видели /обзор 21/, что взгляд на продолжение жизни после смерти, по учению традиционной религии, всегда связан с себялюбием, поэтому лучше рассматривать жизнь по ту сторону рождения. При взгляде на последовательность повторяющихся земных жизней, себялюбие пристегивается скорее к тому, что было любимо в прежних инкарнациях, и самоотреченность достигается легче при взгляде на деяния будущей жизни. В настоящей жизни всегда нужно действовать исходя из земной.

X X X

Мы подошли теперь к таким представлениям в афоризмах, которые оставляют впечатление, что антропософская работа должна возвыситься в области иерархий духовных существ. В то же время, это означает ориентировку в направлении того, что Рудольф Штейнер учредил в последние годы своей жизни, когда он антропософское общество поставил на совершенно новую основу, под собственным председательством. Это произошло на Рождество в 1923 г. Прежнее антропософское общество, основанное в 1913 году было составлено

из людей, которые должны были образовать рамки, внутри которых была возможность воспринимать результаты исследований Рудольфом Штейнером духовного мира. Новое основание общества в 1923 году было инспирировано духовным миром, это был призыв к людям, которые до сих пор так бесконечно много восприняли, к их сердечной деятельности для духовного мира. Это как бы установление новой "связи" в отношении старой.

Теперь, если антропософская работа возвышается в области иерархий духовных существ, то она может рассматриваться как некая жертвенная служба. Это, самым серьезным образом, связано с упражнениями в карме, которые могут лечь в основу нового общества людей. Но уже с самого начала в произведениях Рудольфа Штейнера мы можем проследить, как он объединял людей на пути познания высших миров.

В 1926 году в философско-антропософском издательстве Гётеанума, в Дорнахе /Швейцария/, вышло в свет введение Рудольфа Штейнера к естественно-научным сочинениям Гёте, вновь изданное под названием "Естественно-научные сочинения Гёте". Там, на стр. 93 /гл.6

/ читаем удивительное предложение: "Утверждение идеи в действительности - это истинное объединение людей /

/".

Здесь не следует в особенности стремиться к тому, чтобы обработать это предложение в философском смысле, многие элементы для этого содержатся в ряду прежних обзоров. Но здесь наше внимание должно быть направлено на то, что этим предложением указано на возвышение жертвенной службы в чисто духовные сферы. Если мы, данный нам первоначально импульс проследим дальше, мы можем прийти к совершенно новому пониманию всего творения Р.Штейнера.

До сих пор рассматривали мы духовную науку, в особенности ее мыслительное обличье, как язык, посредством которого можно говорить людям о духовном мире. Мы пытались понять его звуки. Но есть и другая сторона. Мы можем прийти к тому, чтобы постепенно учиться выговаривать звуки этого языка. Тогда этот язык души сознательной должен будет служить для того, чтобы от лица людей говорить, обращаясь к существам духовных иерархий.

Религии великих культурных эпох сохраняют воспоминание о древнем божественном бытии, о золотом веке. Боги создали мир и человека. Он некогда был помещен в духовный мир, с чувством благодарности он жертвовал земные плоды, символы собственной телесности, которые явились для него откровениями божественного творения. Это образ культа минувшего. Чем станет культ будущего? Это широкая область, которая будет освещена последующими афоризмами.

Если мы оглянемся на предварительные упражнения в карме /обзор 23/, то перед нами возникнет образ "омовения ног", который, в связи с этим, возвышается именно из методически естественно-научного. Это благоговение перед тем, что ниже нас. Так выразил Гёте высший религиозный импульс при описании педагогической провинции в "Годах странствий Вильгельма Мейстера".

Благоговение перед тем, что выше нас, он называет религией народов. Благоговение перед тем, что подобно нам, лежит в основе второй, философской религии; благоговение перед тем, что ниже нас, называет Гёте христианской религией.

Рудольф Штейнер развил это религиозно-культовое как познание и путь познания, как благоговение перед тем, что внутри нас.

В книге "Как достигнуть познания высших миров?" и во многих других местах даны упражнения в покорности, чтобы они ни в коей мере не коснулись человеческой свободы, но они как раз должны ее возвысить, свидетельством этому является всё творение Рудольфа Штейнера.

Но такие упражнения ведут также к совершенно определенному воззрению, которое можно изложить простыми словами. Существо растения, возвышающегося над минеральным, образует из него свое тело, оно населяет минеральное царство. Так что растение / в соответствии с упражнениями, данными Рудольфом Штейнером / должно с благоговением поклоняться минеральному царству, ибо ему оно обязано своим бытием.

Но также животное населяет растительное царство, человек — животное царство, и тем самым, естественно, также и другие царства природы. Но кто населяет человека?

Есть одно место у Рудольфа Штейнера, где он образ чувств, выраженный в омовении ног, от человека повернул на иерархии духовных существ. Существа третьей иерархии населяют человека; они смотрят на человека как на царство, которое служит основой их духовного бытия. Место их бытия в человеке — это прежде всего мышление. Не обычное мышление, но поскольку "я" человека обращает астральное тело к вечному" Чистые мысли — это жертвенный дар человека существам третьей иерархии. В этой связи Рудольф Штейнер говорил о том, как современный человек заставляет эти существа терпеть нужду, голодать; его жертвенный дар подвергся порче.

Мысли, коренящиеся в обычном сознании — это трупы; в жизни до рождения они были живыми, тогда духовные существа заложили их в

человека как посев. В древних культурах всходило соответствующее сегодняшним мыслям еще как урожай существ третьей иерархии в духовном мире. Оно досталось отстающим в развитии существам, которые сегодня незаконно населяют человека, и они становятся одержимыми ими. К существу антропософии относится обязанность снова освятить жертвенник внутри человека.

— 0 0 0 —

29. К АНАЛИЗУ СОЗНАНИЯ.

Образ оскверненного храма внутри человека, который завершается последним обзором, вписан в сознание-историю человечества. Здесь находятся еще три алтаря, играющие определенную роль в оккультной традиции, и сегодня еще, связанные только с абстрактным идеальным: мудрость, красота, крепость. Четвертое небесное направление этого символического храма — это как дверь с двумя колоннами, через которую входят и выходят люди и духовные существа. Еще и сегодня идет борьба вокруг этого жертвенника. Это удивительным образом представлено в драмах-мистериях Рудольфа Штейнера, как развертывание познавательных стремлений в судьбах людей выражается как действие мировых существ.

Изображены четыре сцены в храме и брошены ретроспективный взгляд на египетские места посвящения. Они показывают как развертывание духовных существ переходит в решения, которые наводятся в человеческой душе. Враждебные человеку силы пытаются возвыситься в храме, благодаря тому, что они создают в человеке заблуждение. В 13 картине драмы "Испытание души" Люцифер занимает важное место на севере храма, после того как Иоанн Томазиус в 12 картине подпадает под его водительство. Но Ариман, другой враг мира, должен уклониться от солнечного храма, после того как крепость души Марии отклоняет его попытки обмана в 11 картине этой драмы. Можно задать себе вопрос: какое место в храме должен был занять Ариман, если бы Мария подпала под его влияние? Это вопрос, который приносит в события во внутреннем храме каждого человека. Если бы Ариман одержал победу, то Бендиктус, вождь человеческих и духовных явлений, должен был бы занять свое место на востоке, место мудрости.

В наше время мировая борьба развертывается вокруг человеческой мудрости. Поэтому в пути познания, проложенном афоризмами Рудольфа Штейнера, нужно все духовные явления, духовные проявления высших миров привести к решению в храме современного сознания. Такие образы могут затронуть тайну, на которую афоризмы указывают таким образом, чтобы при важном переходе, на котором мы находимся с нашими наблюдениями, попеременно выбирать для представлений место то в событиях внутри человека, то в образе действий существ высших иерархий.

Это как бы драматическое представление, которое начинается с экспозиции и указывает на облик и деятельность Михаила, как в сознании современного человека формируются перипетии, т.е. повороты в переживаниях судьбы. В следующих афоризмах экспозиция начинается с испытания себя.

59.

"Непредвзятое наблюдение мышления, показывает, что мысли в обычном сознании не имеют собственного бытия, что они выступают только как отраженный образ чего-то. Но человек чувствует себя живущим в мыслях. Мысли сами не живут; но он живет в мыслях. Эта жизнь коренится в духо-существе, которое /в смысле моей тайной науки/ может быть определено как третья иерархия, как духо-царство."

60.

"Распространение этого непредвзятого наблюдения на область чувств показывает, что чувства всливаются из организма, но что они не производятся им. Их жизнь несет в себе существо, совершенно независимое от организма. Человек может чувствовать себя со

своим организмом в мире природы. Но именно тогда, когда он, сам себя понимая, делает это, он чувствует себя со своим миром чувств в духовном царстве. Это царство второй иерархии."

61.

"Как волевое существо, человек обращен не к своему организму, а во внешний мир. Если он хочет куда-то идти, он не спрашивает, что я чувствовал в своих ногах, но спрашивает, что там за цель во внешнем мире, к которой я хочу придти. Когда он хочет, он забывает свой организм. В своей воле он не принадлежит своей природе. Он принадлежит духовному царству первой иерархии."

Наш последний обзор был озаглавлен "Новая жертвенная служба". Здесь звучит это снова, но мы не должны просто отметить это мимоходом. В различных духовных отношениях много говорится о жертвовании. Но при этом часто оставляют без внимания, что только тот может упражняться в жертвовании, кто имеет что отдать; и это должно действительно быть его собственным приобретением, иначе не состоится никакой жертвы.

Тот, кто хочет пожертвовать самим собой, должен прежде этого представлять собой нечто. Если человек возвращает богам только то, что от них получил, это равноценно тому, как если бы он пришел к жертвеннику с пустыми руками. Истинный путь служения, как указывал Рудольф Штейнер в книге "Как достигнуть познания высших миров?", должен быть пройден так, чтобы вначале можно было осознать, что мы внесли в наше собственное существо такого, что можно пожертвовать. Это начало самопроверки, которая начинается с 59 по 61 афоризмы. Они говорят о мышлении, чувствах и воле. Многие

наши рассуждения до сих пор были направлены на формирование этих душевных сил, в особенности мыслей, которым при всяком рассмотрении нужно дать определенную форму. Ранее мы уже видели, как человек при самопроверке оказывается поставленным перед "Ничто" /обзор 9/, как исчезает для него его собственное существо. Это наводит на душу смертельный ужас, и страх, возникающий при этом, может быть преодолен в медитативном упражнении в стоянии на краю пропасти бытия, ибо духовная наука приносит с той стороны новое содержание опустевшей душе и мужество для этого стояния. Но полностью новым становится этот вопрос при взгляде на истинную жертвенность, при которой есть что жертвовать.

Как при этой самопроверке обстоит дело с мышлением, говорится в афоризме 59: "Мысли в обычном сознании не имеют собственного бытия." "Но человек чувствует себя живущим в мыслях." Это различие между обычными мыслями, которые "выступают только как отраженный образ чего-то", и самоощущении в мыслях нужно ввести в логику, чтобы предохранить ее от абстрактного.

Содержанием мышления является здесь примерный материал, который, по большей части, берется из памяти. Важным же является то, чтобы суждения логики, а также заключения, не только продумывать, но и прочувствовать. Так, например, мы образуем заключение, которое можно найти в любом учебнике логики: "Каждая лисица имеет четыре ноги. Герод был лисицей, следовательно, у него были четыре ноги." Здесь мы непосредственно, исходя из чувства, видим, что оно ложно, даже если бы мы не знали ни одного закона логики. Скорее законы логики являются последующими мыслительными формулировками для такого непосредственного чувства. С этим чувством

мы живем в мышлении, и в отношении к этому процессу, мысли являются лишь мертвыми отраженными образами какого-нибудь внешнего мира. Эта жизнь коренится в духовных существах третьей иерархии, и от них распространяется дальше. В их сферу возвращается она после смерти. Это происходит в жизненной картине, когда она удаляется от человека.

Если мы при таком переживании отделимся от обычных мыслей, то это будет как бы упражнением, предварением такого посмертного явления. Но если таким образом жизнь мышления привести в соответствие с существами третьей иерархии, то возникает вопрос: "Что здесь является собственным существом человека?" и "Какое значение имеет это для духовного мира?"

В существе души заложено, что человек, в связи с возвышением антропософской работы в области иерархий, должен пройти через переживание полной своей малоценности. Если мы проанализируем существо человека, то он покажется целиком состоящим из деяний иерархий. Это связано с свойством анализа, как такового; здесь имеются в наличии только части. Возникает старая проблема: "Что представляет собой целое, в отношении значения отдельных частей?" Мы находим эту проблему у греческих мыслителей, в речах Будды; а также находим мы эту проблему в другом облике, полностью абстрактном, в современной математике. Анализ - это не творческий акт, а созидательная синтетическая способность человеческого познания еще выражена исключительно скудно. Разрешение этой проблемы возможно только в духовном мире. Посредством анализа, целое переносится из своей сферы в ближайшую низшую. Поэтому психо-анализ выявляет животную сторону, и живое выталкивается в область минерального. Но чтобы прийти к синтезу, мы

должны подняться на одну ступень. Пока мы остаемся при различении мышления, чувств, воли, мы все снова целое душевного существа разделяем, в зависимости от отдельных функций, которые возвращаются к их началу. Если этот процесс происходит в обычном сознании, это означает - шизофрению. При этом мыслям присуща ценность минералов, чувствам - ценность растительного, воле- животного. Здесь ничего не остается от человека.

Но теперь рассмотрим другую, духовную сторону этого события, насколько это распространил на мышление Рудольф Штейнер, при описании состояния после смерти: "Обнаруживается, что за мыслями, которые были лишь теньными образами, во время нашей жизни на физическом плане, за этими мыслями, стоит живое, что в мире мыслей есть движение и жизнь. Мы убеждаемся что то, что мы имеем внутри нашего физического тела как мыслительную картину, всего навсего лишь теневой образ, что это в действительности ничто иное, как распространение элементарных существ". Это означает, что они сами создали человека; но затем они удаляются от человека. В другой связи Рудольф Штейнер говорит об элементарных существах как об отпрысках существ третьей иерархии.

На основе этой точки зрения мы можем снова вернуться к фактам земного сознания и сделать отсюда выводы: Из наших мыслей должно произойти нечто ценное для духовного мира после нашей смерти, то нужно уже в земной жизни не только жить в мыслях, присущих обычному сознанию, но также упражняться в других, высших и чистых мыслях. Можно задать вопрос: "Являются ли мысли этих образов сами такими высокими мыслями?" Да, если они пронизаны волей /см. афоризм 21/. Тем самым мы от анализа перейдем к синтезу. Смерть

является лучшим аналитиком. Действительно сознательную силу мы можем приобрести только в царствах, лежащих по ту сторону смерти.

При этих рассмотрениях мы уже сейчас можем сделать выводы, которые частично выступают только в позднейших афоризмах; к этим вопросам мы еще вернемся впоследствии.

— | 0 0 0 —

30. ЗВУКИ И СЛОВО.

Анализ человеческого сознания, которое, в соответствии с афоризмом 59 начинается с самопроверки, в афоризме 60 обращен на чувства. При этом возникают определенные трудности в отношении предшествующего обзора. Мы должны сознавать, что когда мы рассматриваем чувства, это является, собственно, обращением мышления на чувства. Ибо, прежде всего, для мышления существует способность самонаблюдения. На это, неповторимым образом, указал Рудольф Штейнер; он на этом построил свою философию и исходя отсюда проложил самосознательный путь в духовный мир. Мы можем мыслить о мышлении, но в обычном сознании мы не можем чувствовать чувства, но только мыслить о чувствах. Здесь нам может прийти на помощь данное в последнем обзоре, что так же для мышления чувства являются носителем жизни.

Итак, в афоризме 60 чувства для мыслей обращаются в чувства для самих себя. Благодаря этому в действительности образуются как бы чувства чувств. Но это выводит человека из обычного сознания и может возвыситься только в медитативном углублении. Так можем мы понять, как развертывающееся здесь принадлежит духовному царству существ второй иерархии, как мы мышление о мышлении можем определить как субстанцию существ третьей иерархии. Для духовного мира, в который мы вступаем в состоянии после смерти, это проявляется так, что существа третьей иерархии приводят нас к существам второй иерархии; да, можно даже прийти к такому воззрению, чтобы ощущать существа третьей иерархии в таком же отношении к существам второй иерархии, в каком находятся человек в отношении существ третьей иерархии /обзор 28/.

Итак, можно наконец, подойти к переносу этого способа рассмотрения на волю, как это сделано в афоризме 61. Для этого требуется еще большее внутреннее углубление, ибо для обычного сознания воля сама остается скрытой, и только всплывает представления о воле. Однако, становится понятным, что также как за мышлением скрываются чувства, за ними обоими действует воля, как и вообще за всей душевной жизнью. В существе своем, скрытая от обычного сознания воля, принадлежит существам первой иерархии. Участие человека в этой иерархии определяется аналогичной предшествующей формулой: воля воли. Здесь появляется ощущение, что при такой общей трактовке душевных сил, мы приходим к новому введению в существо имажинации, инспирации и интуиции.

Так мы узнали, как душевное существо человека в мышлении, чувствах и воле принадлежит иерархиям высших существ. Они созданы в человеке эти силы, так что возникает вопрос: что же принадлежит самому человеку? Новое, что возникло благодаря человеку, лежит в том, что этой тройное, взаимосвязанное существо, объединено в человеке. У Рудольфа Штейнера мы можем найти такие исследования, где говорится, что одно существо отдает свои силы другому существу, например, человеку, чтобы вследствие этого испытать новое. Так в цикле 4 лекции 9 мы находим: "Вообще возможно, чтобы одно существо одаривало другое существо и познавало это дар только посредством другого существа."

Представьте себе исключительно богатого человека, который не знает ничего кроме своего богатства. Этот человек делает доброе дело, он посылает нечто бедному человеку. Благодаря этому подарку в душе бедного человека возникает глубокая благодарность;

и это чувство благодарности, в свою очередь, является даром: его бы не было без подарка богатого человека. Но богатый человек не ощущает чувства благодарности, он его вызвал. Он - суть тот, кто подарил это чувство благодарности, но познать его богатый человек может только в рефлексии, если оно отразится от того, в ком он воспламенил это чувство. Примерно также обстоит дело с даром любви..."

1. Всякое познание изменяет познающего /3/^{*}
2. Нет нашей заслуги в том, что мы снова пробуждаемся от сна /4/.
3. Дыхание в чистом мышлении - это первое ясновидение /5/.
4. В эфирном мире понятие и созерцание равнозначны /5/.
5. Отличие животного от человека - есть моральный процесс /6/
/
6. Действительность "Я" - это источник всякого познания /8/.
7. Всякое познание отвоено у смерти /9/.
8. Душевная греза дневного сознания - это смесь сна и бодрствования /10/.
9. Сознательное забвение ведет к медитации /11/.
10. Сознательное воспоминание ведет к имажинации /11/.
11. Для того, чтобы воспоминания имели ценность, они должны быть морально связанными /11/.
12. Исследовать свободу - значит достигать свободы /12/.
13. Природа - это обратная сторона духа /12/.
14. Мышление и воля на пути познания проходят мимо друг друга /12/.
15. Сильнейшее возражение против свободы - это смерть /13/.
16. Сильнейшее возражение против необходимости в природе - это познание /13/.
17. Жизненная картина после смерти - это космическая греза /13/.
18. Мораль - это необходимость ночного ретроспективного взгляда /14/.
19. Посвященный несет свободу в моральный мир /14/.
20. Понятия - это осознанный участок духовной страны в обычном сознании /15/.
21. Великий поворотный пункт для каузального - это полночный час бытия /15/.

*) В списках // - номер абзаца.

22. Познание, любовь и жертвенность — это путь свободы человека /16/.
23. Имагинация преобразует время в пространство /17/.
24. Инспирация преобразует устойчивость существа / в каузальность § 18/.
25. Инспирация преобразует каузальность во время /18/.
26. Работа над душой сознательной означает освобождение идеи от земной смерти к космической жизни /18/.
27. "Я" переживает каузальность, его существо — устойчивость/18/.
28. Астральное тело переживает время, его существо — каузальность /18/.
29. Эфирное тело переживает пространство, его существо — время/18/.
30. Физическое тело переживает смерть, его существо — пространство. /17/.
31. Антропософия как духовная наука учит нас, исходя из земного сознания, постигать космическое существо /19/.
32. Антропософия как путь познания приводит нас к тому, чтобы из космоса формировать земную жизнь /19/.
33. Физическая организация человека как творение — полуфабрикат, другую половину должен завершить сам человек. /19/.
34. Закон воли — моральность, ее переживание — земная судьба/22/.
35. Познание природы человеком — это самопознание природы /35/.
36. Духовная наука — это самопознание человека /22/.
37. Само-Дух всматривается в судьбу, используя как орган системы обмена веществ и конечностей человека /22/.
38. Искусство — это откровение сверхчувственного познания /22/.
39. Всякое правильное введение в антропософию — это предварительное упражнение в карме /22/.

40. Человек испытывает свое существо в отношении к / / природе, и существо природы в себе. /23/.
41. Человек несет в себе только одну часть своего существа; другая — это природа, он издревле перед ней в долгу. /23/.
42. Судьбой может стать только то, что предварительно прошло через духовный мир /23/.
43. Волны судьбы в земной жизни — это зародыш будущего мирового становления. /23/.
44. Судьба — это мировая критика человеческих деяний /24/.
45. Отдельное не может иметь для себя судьбы, судьба — это мощнейшая социальная сила. /25/.
46. Вопросы судьбы должны из индивидуального быть вознесены к социальному. /25/.
47. Понимание кармы дает исторический масштаб. /27/.
48. В текущей земной жизни имеют ценность действия из познания. /28/.
49. На языке души сознательной не только говорят человеку из духовного мира, но посредством его человек говорит, обращаясь к духовному миру. /28/.
50. Современная мировая борьба разворачивается вокруг человеческого существа. /29/.
51. Кто хочет жертвовать, не должен прийти с пустыми руками /29/.
52. Кто хочет жертвовать собой, должен прежде всего представлять собой нечто. /29/.
53. Посредством анализа Целое из своей сферы втягивается в соседнюю нижнюю. /29/.
54. Чтобы прийти к синтезу, нужно подняться на одну ступень /29/.
55. Лучший аналитик — это смерть; действительно создающие силы мы можем обрести только по ту сторону смерти. /29/.
56. Мысли о мышлении производят имагинацию, чувства чувств — инспирацию, воля воления — интуицию. /30/.

Для дальнейшей работы над афоризмами Рудольфа Штейнера будет полезно бросить ретроспективный взгляд на путь, проделанный нами. Это должно быть сделано в коротких афористических предложениях, в которых собран весь ряд мыслей и ощущений. Во введении к этим обзорам есть предложение: "Афоризмы / *Leitsätze* / - это слова нового духовного языка; если дать им звучать в душе человека, то во внутреннем переживании образуются звуки языка души сознательной.

Буквы языка души сознательной могут быть пережиты как плоды медитации; при объединении этих звуков в слова.

_____ 0 0 0 _____

31. НОВОЕ НАЧАЛО.

Если антропософская работа должна быть поднята в область иерархий высших существ, то для этого нужны определенные предварительные упражнения. В обзоре 28, посредством рассуждения по аналогии, мы пришли к воззрению, что существа третьей иерархии населяют человека, как человек животный мир, животное - растительный мир, растение - царство минералов. Это заключение по аналогии естественно, значит больше чем просто логический процесс. Скорее, вывод не мог бы состояться, если бы в самом предмете не содержалась глубокая действительность. И это относится также к последнему предложению.

Однажды, много лет назад, Рудольф Штейнер сказал автору: "Правильно продуманная мысль - действительна." Но важно убедиться также в том, что есть разница, является ли правильно продуманная мысль действительной, т.е. отражает общее, или попытаться найти область мира, где она является действительностью. Для этого мышление должно стать самоотверженным и не настаивать на своем отражении, а погрузиться в свою духовную действительность, которая, хотя бы и бессознательно, развертывается в чувствах и воле /см. обзоры 29 и 30/.

Описанное заключение по аналогии выступает во взаимосвязях свойственных естественно-научным методам; оно может действовать также как освобождающий акт, который исполняет автономное мышление по отношению к принуждающему воздействию царств природы. Тем самым в преграде образуется пролом; но здесь должен быть поставлен вопрос: "Как существа иерархий населяют человека и мир?" На вопрос "как" никогда не может мышление ответить само по

себе, если только дело не просто в самосозерцании мышления, но ответ может быть дан через посредство фактов. Но для поставленного выше вопроса это должны быть духовные факты, и установлены они должны быть посредством духовного созерцания. Тем самым дано указание на путь, на котором вообще можно достигнуть антропософии; ибо антропософия и состоит из вопросов человека и ответов на них духовного мира; но только нужно все снова учиться ставить вопросы и понимать ответы.

Так можем мы понять, почему Рудольф Штейнер всё снова и снова начинал сначала, всё снова обращается к первым вопросам, которые могут быть поставлены повседневным сознанием современного человека. Это многократное новое начало заполняет весь объем непосредственно данного для сегодняшнего сознания, так что каждый человек, начиная с того положения, в котором он находится, может прийти к антропософии. Но для тех, кто уже пришел к антропософии, многочисленные новые начала являются упражнениями, которые действительны именно в повторении, в ритмическом. Так что, между "начинающими" и "продвинувшимися" нет никакой разницы в отношении материала в смысле "ЧТО", но только в смысле "КАК".

Каждое новое начало ставит вопросы, характер которых уже в течение 150 лет носит название теоретико-познавательного. Слово звучит ужасающе абстрактно, но сам процесс непрестанно повторяется, ибо каждое восхождение к духовным вершинам начинается в долине обычного сознания. Чем более мы научаемся пронизывать это обычное сознание духовным, тем чище ат становится наш путь к духовному. В следующих афоризмах, с 62 по 65, предпринято такое новое начало. Рудольф Штейнер предпослал этим афоризмам сопров-

водительное письмо / 13 июля 1924 г./, в котором обсудил основные переживаемые человеком вопросы. Такие сопроводительные письма к членам антропософского общества, прилагались к большому числу позднейших афоризмов и несли в себе высокоценный к ним комментарий. Эти сопроводительные письма, в обозримое время, будут опубликованы в официальной печати, для целей же этих обзоров, будет достаточно сослаться на них в краткой афористичной форме.

Рудольф Штейнер по-новому указывает на два основных переживания, которые может найти человек в своем размышлении. Когда человек образует мысли о внешнем мире, он может обратить внимание на то, что в своих мыслях он находит самого себя; мир покидает сознание и "я" вступает в него. Напротив, если он направляет внимание на свое внутреннее, то его собственное бытие представляется последовательностью переживаний, связанных с его судьбой, в которой изживается мир. Так, сознание человека покидает его самость, и мир вступает в него. С таким двойным ощущением человек стоит перед загадками мира и человека, и ответы антропософии могут захватить его душу. Антропософия указывает на углубленное мышление, медитирование, которое ведет не к потере чувственного мира, но открывает духовный мир. И далее она указывает на переживание судьбы, которое ведет не к потере самости, но действительно испытывается в развертывании внешнего мира. Теперь можно обратиться к относящимся сюда следующим афоризмам:

62.

"Чувственный мир выносит на поверхность чувственного восприятия только одну часть существа, которое скрывает он под слоем воли. При внимательном духовном наблюдении оказывается, что в его глубинах живут отголоски того, что действовало на душу человека еще в давно минувшие времена."

63.

"Внутренний мир человека открывает обычному самосозерцанию только часть того, в чем он содержится. При усиленном переживании оказывается, что он содержится в некоторой духовно живой действительности."

64.

"Будьбе человека открывается не только деятельность внешнего мира, но и деятельность собственной самости."

65.

"В душевном переживании человека открывается не только самость, но также духовный мир, который в духовном познании может самость связать с собственным существом."

Основные вопросы в этих афоризмах не чужды нашим рассуждениям. В обзоре 10 дано нам следующее: "Чем более человек старается сохранить себя как единство, тем более части его собственного существа переходят к иному, к миру ... Можно попытаться, либо исходя из внутреннего мира постигать внешний, либо из внешнего - внутренний. В обоих случаях исчезает объект наблюдения."

Также в связи с предварительными упражнениями в карме/обзор 23/ мы встречались с пробелом полярности "Я" и "Мира". И при рассмотрении переживания судьбы в обзоре 25 мы находим предложение: "Мир в познании и деяниях сродни человеку." Всё снова мы приходим к важности упражнений в решении проблемы: "Я" испытывается в мире, мир ощущается в "Я". Но если мы рассмотрим эту двойную проблему в аспекте нового начала, то обнаружим, что она

также лежит в основе душевных потребностей современности, как научно сформулированная, пронизывает всё философию. Но ни непосредственный душевный опыт, ни философия не нашли на нее ответа. Поскольку Рудольф Штейнер дал ясное объяснение этому факту, прежде всего теоретико-познавательное, естественно-научное, философское и этическое, дал он в этих областях ответ на эти вопросы, которые он определил, как коренные вопросы душевной жизни человека, в особенности в предисловии к новому изданию своей "Философии свободы".

Ответы, даваемые здесь антропософией, в отношении ко всем прочим научным формулировкам, означают вмешательство новых миров. Но это должно быть основным переживанием для всякого, кто, исходя из душевной потребности, стремится к антропософии.

Это может происходить различным образом, и поэтому должно быть дано так много "введений" в антропософию. Это могут быть внешние катастрофы, отношения: семейные, национальные, территориальные, профессиональные и социальные, из которых человек оказался вырванным; это внезапное превращение человека, переживаемое им в форме перемены в его судьбе.

Так, есть ведь сегодня старые люди, нашедшие себя в антропософском обществе, собранные со всего мира в результате действия судьбы, которую можно проследить до мельчайших деталей. В течение времени всё более обнаруживается, что в судьбах возникает сильное внутреннее переживание, которое для молодых людей, если они не сразу уже находятся в Вальдорфской школе, являются как бы крушением прежнего образа мира и переживается как бы стояние перед НИЧТО. Это как бы внутреннее переживание смерти, которое пытается преобразоваться в познавательные силы. Это внешнее переживание, которое молодых людей приводит к антропософии.

В цикле 8, лекции 5, Рудольф Штейнер описывает такое переживание, являющееся, в то же время, столкновением с духом этого мира: "Мефистофельским духи действовали так, чтобы человек не мог видеть духовной основы мира, но чтобы подсунуть ему иллюзию.

Мефистофель внушил человеку мнение, что внешний мир имеет только материальное бытие, что не за каждой материальной частью стоит духовное. Всегда со всем человечеством разыгрывается сценка, которую так удивительно представил Гёте в своем "Фаусте".

Здесь, на одной стороне, мы видим Фауста, который ищет путь в духовный мир, с другой стороны — Мефистофель, который определяет этот духовный мир как "НИЧТО", поскольку он заинтересован в том, чтобы представить Фаусту чувственный мир как целое. Фауст возражает ему так, как мог бы это сделать, в этом случае, любой духовный исследователь: "В твоём НИЧТО я ВСЁ найти надеюсь".

Переживание НИЧТО спонтанно исходит сегодня на многих. Антропософия создает условия для того, чтобы мог быть дан правильный ответ. Но здесь дело не в одноразовом переживании, но в том, чтобы превратить это в упражнение, в предварительное упражнение для возвышения работы в области иерархий высших существ.

— 0 o 0 —

32. ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ ВЫСШИХ ИЕРАРХИЙ.

При размышлении о чувственном мире объект рассмотрения исчезает, и если мышление укрепить к медитации, на его место, посредством опыта самости, вступает духовный мир. С другой стороны, если "я" наблюдает свое существо в перипетиях судьбы, оно обнаруживает свою связь с событиями в мире, так что самость всплывает из окружающего мира /см, обзор 31/.

Вследствие этого чувственный и духовный мир сменяют друг друга. Насколько является это предварительным упражнением для возвышения антропософской работы в области высших иерархий? В различной интерпретации давал Рудольф Штейнер мыслительное изречение, которое позволяет проникнуть в полноту самосознания и познания мира. В нашем обзоре 23 дается одна интерпретация, здесь — вторая:

Иди в своей душе,
И ты найдешь мир;
Иди в мировом устройстве,
И ты найдешь самого себя;
Замечай качание маятника
Между самостью и миром;
И ты откроешь себе:
Человеко-мировое существо,
Миро-человеческое существо.

Мы подошли к "качанию маятника". Об этом говорится в двух книгах медитаций Рудольфа Штейнера, слишком мало известных: "Путь к самопознанию человека" и "Порог духовного мира". Даже слова "качание маятника / " стоят в первой

главе второй из названных книг, в которой указывается на качание от сна к бодрствованию, от смерти к жизни. Эти полярности то связывают человека с космосом и его существами, то сбрасывают снова его в его земное одиночество. Когда человек в акте познания входит в области мировых существ, то для него открывается духовный опыт, который Рудольф Штейнер однажды назвал теорией познания, принадлежащего к высшим иерархиям.

Он представил качание видов сознания иерархий и показал, посредством каких упражнений над элементами собственного сознания, человек может возвыситься в их области. Тогда можно постигнуть, как существо человека соткано из деяний иерархий, и как они осуществляют в нем свое господство. Это исключительно взаимосвязанно представлено в следующих афоризмах с 66 по 68, а именно деятельность высших иерархий на сцене человеческой души.

66.

"Существа третьей иерархии открывают себя в жизни, которая развертывается в человеческом мышлении как его духовная подоснова. Эта жизнь скрывает себя в мыслительной деятельности человека. Если бы она продолжала здесь действовать как самобытие, то человек никогда бы не мог достичь свободы. Там, где прекращается космическая мыслительная деятельность, начинается мыслительная деятельность человека."

67.

"Существа второй иерархии открывают себя во вне человеческого душевного, которое как космически-душевные явления, скрыто от чувств человека. Это космически-душевное творит в подоснове человеческих чувств. Оно формирует человеко-сущее в чувственный организм, прежде чем в нем сможет возникнуть собственно чувственная жизнь."

68.

"Существа первой иерархии открывают себя во внечеловеческом духовном творении, которое как космически-духовный мир существ присуще человеческой воле. Это космически-духовное испытывается как самое себя творящее, в волевом акте человека. Оно формирует связь человеко-сущего с внечеловеческим миром, прежде чем человек, посредством своего волевого организма, сможет стать свободно волящим существом."

В цикле 21 лекции 3 и 6 Рудольф Штейнер описывает виды сознания существ высших иерархий в сравнении с переменной направления человеческого сознания с внешней жизни /восприятия/ на внутреннюю и обратно. Здесь мы находим, что существа третьей иерархии таковы, что они "воспринимают, когда открываются, когда они выражают то, чем они являются сами, и они воспринимают свое собственное существо только, пока они стремятся открыть себя, пока они каким-либо образом выражают себя во вне." Этот вид сознания называет Рудольф Штейнер "Откровением существа" / . Это откровение их собственного существа соответствует человеческому восприятию. Внутренней жизни человека существ третьей иерархии соответствует другой вид сознания: "Если они обращаются к своей внутренней жизни, то они приходят не к самостоятельной внутренней жизни, как человек, но они приходят тогда к жизни совместной с другими мирами... Вместо внутренней жизни они имеют переживание высших духовных миров." Рудольф Штейнер называет это сознание "Духо-насыщением" / , наполненность бытия существами высших иерархий.

В обычном сознании человек, посредством восприятия, обращен к природным царствам, стоящим ниже его, во внутренней жизни он обращен к духовному и может достигнуть области, которые выше его.

Так и духо-насыщение существо высшей иерархии — это обращение к высшим существам, и также откровение существ мы можем познавать, как обращение к человеку, существу, стоящему ниже его. Это содержится в афоризме 66.

Откровение существ третьей иерархии — это духовная подоснова мыслительной деятельности человека. Субстанция этого откровения — это существо истины. Принадлежащие третьей иерархии могут жить только в истинной истине, в истиннейшей истине и правдивости. Об этом говорится в цитированном выше отрывке: "Представим себе, что эти существа будут лгать, т.е. они будут иметь нечто внутри себя, что они так подменяют это в своем откровении, что оно будет не согласовано с откровением, тогда вы это не могли бы воспринять; под впечатлением лжи они сразу бы лишились сознания."

Так основа человеческого мышления утверждена на истине, но собственная его жизнь основана на том, что человек отворачивается от откровения существ третьей иерархии. Тем самым мы наталкиваемся на потрясающее открытие: Существо человеческого отдельного бытия основано на спиритуальной лжи; ибо в самом деле есть такие существа третьей иерархии, которые не открывают своего существа, но хотят удерживать его для себя; вследствие этого они выпали из сообщества нормальных существ их иерархии, они — суть "отставшие" существа, которые в результате этого проникли в область человеческого развития. Эти вожди или проводники человека как к отдельному бытию; Рудольф Штейнер называет их люциферовыми существами. Но с другой точки зрения мы должны так воспри-

нимать эти люциферовы существа, что они пожертвовали своим бытием, чтобы в мире была свобода; и человеку предстоит сформировать эту свободу /сравнить впечатляющие предложения в цикле 8 лекция 5 и в цикле 12 лекция 11/. Но если человек правильно примет эту жертву, то мыслительная деятельность человека, начинающаяся там, где прекращается космическое мышление /афоризм 66/, тем самым откроет собственное существо человека Земле и Космосу.

Подобным же образом в афоризме 67 представлено, как в подоснове человеческих чувств развертывается космически-душевное существо второй иерархии. Но здесь гораздо труднее это участие в человеческих чувствах существ второй иерархии постигнуть из вида их сознания.

Мы снова обратимся к их внешнему сознанию, посредством которого они ориентированы в сторону существ, стоящих ниже их. Рудольф Штейнер, в продолжении вышерпиведенного отрывка, называет это "Самосотворением /". Мы здесь отвлечемся от того, как устанавливается связь между внешним сознанием этих существ и "духо-насыщением" внутреннего сознания существ третьей иерархии; но если мы рассмотрим описание вида сознания "самосотворения", данные Рудольфом Штейнером, то увидим, что речь идет о воспроизведении формы, как своих собственных обликов. Эти формы остаются постоянно связанными с жизнью этих существ. В душевном опыте человека мы можем ощутить, что в чувствах это космически-душевное образует субстанцию для восприимчивости к искусству. И из связи с этими существами с их самосотворением, можно пробудить в себе ощущение, чтобы посредством влияния этих существ второй иерархии ориентировать человеческие существа на любовь, также как посредством существ третьей иерархии ориентировать мышление на истину.

И, наконец, мы можем этот вид рассмотрения повернуть на афоризм 68, в котором показано, как космически-духовное существо первой иерархии испытывает себя в самосотворении, в волевом акте человека. Конечно, эта деятельность стоит еще дальше от нас, чем это было при рассмотрении предшествующих взаимосвязей. Но мы можем задать себе вопрос, к чему склоняется воля человека.

Если мы далее проследим, как Рудольф Штейнер описывает внешнее сознание существ первой иерархии, то мы найдем, что самообъективация этих существ устанавливается как мировое воздействие, также если творящие существа от него отделились. "Сотворением мира" называет Рудольф Штейнер этот вид сознания, и если мы ближе рассмотрим описание, мы ощутим, что воздействие существ первой иерархии склоняет волю человека к моральности.

При сравнении афоризмов с 66 по 68 становится ясно, что свобода человека исходит от мышления, как показал Рудольф Штейнер уже в своей "Философии свободы". В этой связи, когда мы человечески-душевное созерцаем из перспективы высших иерархий, нам должно стать понятным, что стремление к свободе в мышлении, человек получил от люциферовых существ. Из воздействия верхних иерархий человек получает силу, лишь мысли люциферова дара и, благодаря этому устранить "спиритуальную ложь". Но по мере того, как человек в мышлении достигает свободы, создается опасность, что этот дар может разрушить Ариман. Во всем этом будет идти речь в дальнейших афоризмах.

Существа иерархий, прежде всего, несут в своем сознании то, что затем становится в человеке душевным. Этот процесс развертывается во внешнем сознании иерархий, он соответствует человечес-

кому восприятию. Такая "теория познания" — суть созидание. Так самопознание человека возвышается в область высших иерархий. Мы достигаем того, что стоит в книге жизни Бенедиктуса, в драматической мистерии Рудольфа Штейнера "Истинные души":

"Ты найдешь цели богов,
Познавая себя в себе".

_____ 0 o 0 _____

33. МИРОВЫЕ ОБЛАСТИ ИЕРАРХИЙ.

Откровение высших иерархий в душевном человека доказывает на качание маятника в сознании этих иерархий, и именно на ту сторону, которую Рудольф Штейнер сравнил с восприятием, внешней стороной человека. Наш последующий обзор указывает в смысле афоризмов от 66 по 68, на эту сторону, поскольку она обращена к человеку. Но нужно сюда добавить также другую сторону сознания высших иерархий, которую можно сравнить с внутренним бытием человека. Следующие сопоставления, служащие лишь для удобства обозрения, примыкают к тем, которые Рудольф Штейнер изобразил в цикле 2I, лекциях 4 и 5.

Иерархии	третья	вторая	первая
Внешнее бытие	Откровение существа	Само-сотворение	Сотворение мира
Внутреннее бытие	Духо-наощение	Порождение жизни	Сотворение существ
Человеческая душа	Мышление	Чувства	Воля

Другая сторона сознания высших иерархий, их "внутреннее бытие", описано в следующих афоризмах 69-7I, как духовные области мира.

69.

"Третья иерархия открывается как чисто духовно-душевное. Она движется в том, что человек душевным образом испытывает совершенно внутренне. Ни в эфирном, ни в физическом не возникает никаких процессов, если действует только эта иерархия. Здесь

присутствует только душевное."

70.

"Вторая иерархия открывается как духовно-душевное, действующее в эфирном. Всё эфирное - это откровение второй иерархии. Но она не открывается непосредственно в физическом. Её силы достигают только эфирных процессов. Если бы действовали только вторая и третья иерархии, то существовало бы лишь душевное и эфирное."

7I.

"Самая сильная, первая иерархия, открывается как действующая духовно в физическом. Она из космоса формирует физический мир. Третья и вторая иерархии играют при этом служебную роль."

К этим афоризмам Рудольф Штейнер дал сопроводительное письмо о мировых областях и человеческом самопознании, в котором он показывает путь, который упражняющегося в самопознании ведет к мировой области высших иерархий. В задачу такого самопознания входит также - это не бояться усилий нести тяжесть представлений, чтобы "внутреннее бытие" существ высшей иерархии определять как их мировые области. Естественно, "мировая область" не имеет ничего общего с каким-либо пространственным представлением, скорее здесь идет речь о космически-качественном.

Пожалуй, нам облегчит дело, если мы прежде всего отыщем мировую область человека. То, что в духе этого рассмотрения должно быть здесь принято во внимание, скрыто в глубине внутреннего бытия человека, но не в обычном сознании, а на другой стороне траектории движения маятника, во сне. И только если человек станет на путь в духовный мир, он сможет найти свою мировую область приближаясь к видам сознания существ третьей иерархии.

Здесь проявляются, согласно прежним рассмотрением, чистое мышление, т.е. такое мышление, которое не занято ничем чувственно воспринимаемым, но мыслит о мышлении. При этом характерно, что простые описания мыслительных процессов уже выражают закономерность, существо. Мышление, которое рассматривает себя самое, в качестве "восприятия" имеет только то, что оно само открывает в своем существе. Мы отчетливо познаем здесь приближение к "внешнему бытию" существ третьей иерархии. Но если его существо отвернется от самооткровения, то оно окажется на границе сознания как сумма всех мыслительных возможностей /см. обзор 4/, как чистое "я"; это "духо-наполненность", посредством которой человек приближается также к "внутреннему бытию" - виду сознания существ третьей иерархии. Здесь становится внутренним опытом то, что Рудольф Штейнер, как изречение розенкрейцеров, написал в 1907 году на одной из колонн: "В чистом мышлении найдешь ты самость, которая сама себя поддерживает". Если это переживание ввести в обчное сознание, то человек, как мировая область, наполнится субстанцией свободы. Свобода - это мировая область человека.

В афоризме 69 мировая область существ третьей иерархии определена как чистое духовно-душевное; соответствующее духо-наполненности их "внутреннего бытия". Мировая область существ второй иерархии определяется в афоризме 70 как духовно-душевное, действующее в эфирном; это указывает на форму сознания "порождение жизни", в соответствии с выше приведенными сопоставлениями.

Мировая область первой иерархии определена афоризмом 71 как в физическом действующее духовное; соответствующая форма сознания - это "сотворение существ". Также как в афоризмах с 66 по

68 было представлено, что "внешнее событие" высших иерархий имеет отношение к душевной жизни человека в мышлении, чувствах и воле, так и вышеупомянутом сопроводительном письме показано, как другая сторона сознания высших иерархий, их "внутреннее бытие" имеет отношение к высшим членам человека, к эфирному телу, астральному телу и "я".

Все эти отношения исключительно сложны и познаются только по мере того, как познавательные стремления пронизываются космическими импульсами. Путь, который дан в вышеупомянутых сопроводительных письмах, снова обращается к качанию маятника в человеческом самосознании. Прежде всего указывается на явления воспоминания; они суть теневые облики в отношении живого в душе, в которой господствуют воспоминания: "Мертвые тени живут в воспоминании; живое бытие пребывает в душе, в которой действует воспоминание."

Антропософия, основываясь на имажинативном познании, в противоположность "теневому", указывает на "святящееся", от физического тела переходя к эфирному телу. Духовная окружающая среда эфирного тела - это царство третьей иерархии.

Так же речь можно рассматривать как теневое, в отношении которого астральное тело является "светящимся"; инспирация открывает духовную окружающую среду астрального тела как царство второй иерархии. И, наконец, движение, "я" и интуиция принадлежат духовным мировым царствам первой иерархии. Из воспоминания, речи и движения посредством имажинации, инспирации и интуиции происходит встреча с эфирным телом, астральным телом и Я.

Отсюда возникает следующая последовательность: Я вспоминается в окружающей его среде, в мировой области первой иерархии сотворением существ, духовно действующей в физическом. Астральное

тело воспоминается в мировой области второй иерархии, возбуждающей жизнь, которая как духовно-душевное действует в эфирном.

Эфирное тело воспоминается в мировой области третьей иерархии, духо-наполнении, к чисто духовно-душевному. Может быть, менее трудно будет понять это, если мы это покажем в отраженном образе, а именно, в начальном развитии маленького ребенка. Облик /строе-ние/ маленького ребенка исходит от его духовно-душевного из духовного мира, который творит снаружи, и только потом, постепенно проникает в саму организацию. Последнее принадлежит области воспоминания. Но до той поры под духовным воздействием осуществляются три величайших достижения, которые описаны Рудольфом Штейнером в его удивительной книге "Духовное водительство человека и человечества" / I глава/: "Как первое достижение, ребенок научается ориентировать свою телесность в пространстве... На этом основано существенное различие человека от животного... То же наблюдение может показать, что у животного положение в пространстве определяется своеобразием его организации. У человека же его душа ориентирует себя в пространстве и принуждает к этому организацию." "Второе, чему человек научается сам, именно от существа, которое остается неизменным при переходе от инкарнации к инкарнации, это речь... В это время человек должен заложить семя для развития горла, в котором он еще не имеет Я-сознания".

"И затем есть третье, менее известное, чему человек научается сам, т.е. от существа, которое остается неизменным при переходе от инкарнации к инкарнации - это жизнь внутри самого мыслительного мира..., т.к. мозг образуется непосредственно после рождения, то он должен быть образован в соответствии с силами, унаследованными от родителей, прародителей и т.п. Но человек

должен в своем мышлении привести к выражению то, что он суть как самостоятельное существо, в соответствии со своими прежними земными жизнями. Поэтому свойства своего мозга, унаследованные от родителей, он должен преобразовать, когда он - после рождения - становится физически независимым от родителей, прародителей и т.д. Это мы можем связать с господством иерархий.

Ребенок получает способность двигаться, научается говорить и мыслить. В достижении умения двигаться Я овладевает физическим телом и физическим миром, при этом ведущими и управляющими выступают существа первой иерархии. Процесс обучения следует трактовать так, что астральное тело овладевает жизненными функциями, помогают в этом ребенку существа второй иерархии. В обучении мышлению эфирное тело ребенка вступает в обладание чисто духовно-душевным; это делается возможным посредством действия существ третьей иерархии.

Стремление к истинному самопознанию, которое мы рассматривали выше, в связи с сопроводительными письмами, прокладывает путь назад, к бытию ребенком и всё же вперед в духовные мировые области высших иерархий. Тем самым мы стоим перед словами Христа, объяснение которых является наипонятнейшим из того, что сделал Рудольф Штейнер из своих духовных исследований, чтобы показать, как слова Евангелия могут быть восприняты буквально, если только проникнуть к действительному звучанию слова. Представление того, что происходит с человеком в первые три года его земной жизни, звучит так /"Духовное водительство", гл. I-ая/: "Отсюда к нам приходит мысль, имеющая большое значение, если она правильно понята. В Новом Завете она выражена словами: "Если вы не станете как дети, не войдете в Царство Небесное!" Но что звучит здесь

высший идеал для человека, если принять это за истину, о чем говорится в этой фразе? Ничто иное как: всё более и более приближаться к тому, что можно назвать сознательным отношением к силам, которые неосознанно действовали в человеке в его первые три года." Слово имеет множество значений, говорит Рудольф Штейнер в другом месте, где речь шла о становлении ребенка, и дает множество значений для этого, но всегда он указывает на импульсы, которые ведут человека в духовный мир.

— 0 0 —

34. МЫШЛЕНИЕ, ЧУВСТВА / /, СОЗЕРЦАНИЕ.

Уже из предшествующего обзора становится ясным, что действие иерархий исключительно сложно, если мы рассматриваем его с человеческого горизонта. Следующие афоризмы показывают новые взаимосвязи, и очень важно познакомиться с тем, что действия иерархий пронизывают друг друга. Как раз высшие существа действуют до низших царств природы через все другие царства. Например, в цикле I4, лекции 7, Рудольф Штейнер говорит: "Вам нужно познакомиться с такими представителями, что, по обстоятельствам, в том, что окружает нас как ближайшие к нам, то что мы считаем за нечто низшее, в этом действуют очень высокие и возвышенные существа."

Из природы на человека и члены его существа действуют силы таких существ, совместно с которыми он живет в природе.

Далее следуют три группы афоризмов с 72 по 75, с 76 по 78, с 79 по 81, взаимно принадлежащие друг другу; мы можем, в определенном смысле, их рассмотреть совместно. Высшее обличье группы с 72 по 75 таково, что оно действует как мыслительное завершение деятельности высших иерархий. Мы можем указать здесь на начало нашего обзора 3I, где указывается на значение таких заключений; это выступает там, где человек пытается возвыситься над непосредственно данным; это первый шаг к тому, чтобы преодолеть заблуждение повседневного сознания. Следующий шаг должен быть таким, чтобы относительно духовного, к которому хотят возвыситься, "составить правильные представления."

Для высших иерархий этот второй шаг описан в афоризмах 76 - 78. Третий шаг - это "духовное приближение", как это дано в группе афоризмов 79-81. Эти три шага мы должны выразить словами, которые вычленил Рудольф Штейнер в своей книге "О загадке человека", "Мышление, чувства, созерцание".

72.

"Как только мы поступаем к высшим членам человеческого существа, эфирному телу, астральному телу и Я-организации, возникает необходимость найти отношение человека к существам высших областей. Только физическая телесная организация может быть объяснена, исходя из трех физических царств природы."

73.

"В эфирном влечается в человеческое существо интеллигенция космоса. Для того, чтобы это могло произойти, требуется деятельность мировых существ, которые в своем взаимодействии так формируют эфирное тело человека, как физические силы физическое тело."

74.

"В астральном духовный мир вчлечивает человеческое существо моральные импульсы. Что они могут переживаться в человеческой организации, это зависит от деятельности таких существ, которые могут не только мыслить духовное, но и преобразовывать в сущее."

75.

"В Я-организации человек в физическом теле испытывает себя как дух. Чтобы это могло произойти, необходима деятельность таких существ, которые сами живут как духовное в физическом теле."

"Мышление", как оно представлено в этих афоризмах, может опять иметь значение нового начала. Физическая организация может быть объяснена, исходя из трех физических царств природы. Это исходный пункт естествознания. В ней скрытым образом содержится интеллигенция. Если при естественно-научном рассмотрении чело-

ка делают ее предметом внимания, то обращают тогда мышление к эфирному телу. С этим мы имеем дело также в наших первых обзорах. Здесь речь идет о развертывании интеллигенции, она "предполагает" деятельность мирового существа в чисто духовном мире, который мы познаем как мир третьей иерархии /афоризм 33/. Существо интеллигенции для человека является еще чем-то абстрактным. Ближе к его собственному существу стоят моральные импульсы, указанные в афоризме 74, хотя они и менее чем интеллигенция поддаются наблюдению. Астральное тело - это тот член человеческого существа, в котором представлены эти импульсы /см. обзор 13/; они указывают на основания, которые создаются существами второй иерархии в эфирном мире. Собственное духовное существо человека стоит ближе всего к мыслящему человеку; это - он сам, но в то же время менее всего поддающееся наблюдению. Его основа в физическом мире создается существами первой иерархии /афоризм 75/.

Если мы от "мышления" перейдем к "чувствам" /", то в афоризмах 76-78 мы найдем указания, как можно создать представления о высших иерархиях:

76.

"Если хотят вызвать представление о высших иерархиях /Серафимы, Херувимы, Престоля/, то надо попытаться сформировать образы, в которых духовное /доступное только сверхчувственному наблюдению/, действуя, отбывает себя в формах, которые проявляются в чувственном мире. Духовное в чувственной образности должно стать содержанием мыслей о первой иерархии."

77.

"Если хотят вызвать представление о второй иерархии /Господства, Силы, Власти/, то надо попытаться сформировать образы, в

которых духовное открывается не в чувственной форме, но чисто духовным образом. Духовное не в чувственной, но в чисто духовной образности, должно стать содержанием мыслей о второй иерархии."

78.

"Если хотят вызвать представление о третьей иерархии /Арханы, Архангелы, Ангелы/, то надо попытаться сформировать образы, в которых духовное открывается не в чувственной форме, а также и не чисто духовным образом, но открывается так, как мышление, чувства и воля, переживаются в душе человека. Духовное в душевной образности должно стать содержанием мыслей о третьей иерархии."

Представления, мысли, на которых могут покоиться чувства / /, отличаются от тех, которые мы прежде изучали как остаток чувственных восприятий. Скорее здесь речь идет о способах, которые посредством медитации могут приблизить нас к существам высших иерархий; в афоризмах 76-78 Рудольф Штейнер показывает, какие виды медитации могут здесь привести к цели. В афоризмах 76 начало дается от высших чувств, существ первой иерархии, тогда как до сих пор, а также в последующем пути начинается от нижнего.

Путь медитации о наивысших существах - это духовное в чувственной образности. Если мы стремимся к такой образности, то перед нами может возникнуть человеческий лик с возвышенным космическим выражением, восходящим к высшей иерархии божественности. Такая образность может пробудить ощущение творящей прасновни, по образу и подобию которой создан человек.

Афоризм 77 указывает на путь медитации, ведущий к существам второй иерархии: духовное не в чувственной, но в чисто духовной образности. Здесь мы должны побудить себя чувственно / /

Пребывать в великих идеалах человечества как в жизненном потоке, который прокатывается по миру в истине, любви, добре. Посредничество слова может стать основным ощущением. К существам третьей Иерархии, в соответствии с афоризмом 78 ведет такой путь медитации, в котором душа погружается / / в образность, которая открывается так, как мышление, чувства и воля переживаются в душе человека.

Здесь медитация ведет к преобразованию этих видов душевной деятельности: предложение эгоизма в мышлении, чувствах, воле приводит к духовному в душевной образности, к духовно-священному, постигаемому душой.

Теперь переходим к следующим афоризмам 79-81, представляющим "созерцание", духовное приближение к иерархиям:

79.

"Можно духовно приблизиться к Иерархии /Арханы, Архангелы, Ангелы/, если так познавать мышление, чувства, волю, чтобы обнаруживать в них действующее в душе духовное. Мышление устанавливает прежде всего образы, а не нечто действительное в мире. Чувства влетаются в эту образность; они говорят о действительном в человеке, но проявляются не во всей полноте.

Воля развертывает действительность, которая имеет предпосылкой тело, но в его формировании участвует бессознательно. Сущее, живущее в мышлении, чтобы сделать тело основой этого мышления; сущее, живущее в чувствах, чтобы привести тело к сопереживанию действительности; сущее, живущее в воле, для совместного его сознательного формирования, это сущее имеет жизнь в третьей Иерархии"

80.

"Можно духовно приблизиться ко второй иерархии /Господства, Силы, Власти/, если природные факты рассматривать как явление в них живого-духовного. Тогда вторая иерархия найдет свое местопребывание в природе, чтобы оттуда действовать на души."

81.

"Можно духовно приблизиться к первой иерархии /Серафимы, Херувимы, Престолы/, если в человеческом и природных царствах происходящие явления рассматривать как деяния /творения, действующего в них духовного. Тогда первая иерархия разворачивается в своей деятельности в человеческом и природных царствах."

Здесь наблюдает человек существ первой иерархии за работой. Над мышлением, чувствами и волей работает сущее, которое эти душевные деятельности простирает до телесности. К этому добавляются результаты исследований Рудольфа Штейнера, о которых он говорил в многочисленных циклах лекций. Ангелы разворачивают творческую деятельность в отдельных людях, они сопровождают его в пути через различные земные жизни, они особым образом господствуют в его мышлении и помогают ему преобразовывать свое астральное тело. Архангелы господствуют в народах и расах, они определяют в них общий образ чувств, мышлению же отдельных людей они дают возвышенный настрой /это следует отличать от того, что происходит с чувствами под воздействием второй иерархии/. Они помогают человеку и помогают ему преобразовывать его эфирное тело. Архаи, как Духи Времени разворачиваются в целых эпохах; они особым образом определяют общую волю, тогда как в мышление отдельных людей вчланивают высшие волевые импульсы эпохи; они помогают человеку в том, что вплоть до физической телесности его возносит над расой и народом.

Еще глубже проникают существа второй Иерархии, на которых направлено созерцание в афоризме 80, как они формируют факты природы, чтобы оттуда воздействовать на человека. Мы можем при этом думать о способе, которым душа человека вставлена в трехчленность организма, соответственно обзору 16. Трехкратно вчленена душа в телесность /Голова, ритмическая система, система обмена веществ/ и трехкратно в нее вчленено духовное. Если мы в соответствии с афоризмом 81 созерцаем творчество духовного в человеческом и природных царствах, то мы должны думать о том, как природа и человек взаимодействуют в судьбе. Это работа существ первой иерархии; они суть господа кармы.

35. В ЗНАКЕ МИХАИЛА.

Следующие афоризмы образуют важное завершение рассмотрений высших иерархий. Звездное Небо и Земля – это откровение деяний духовных существ, данное чувственному восприятию. Созерцающий человек сам находится на Земле в окружении трех царств природы. Но для того чтобы постичь силы, которые со стороны духовного существа действуют в нем и природных царствах, он нуждается в духовно ориентированном познании звезд. Так эти существа высших иерархий скрываются за их действием.

82.

"Человек смотрит на звездное небо; то, что там представляется чувствам – это только лишь откровение тех духовных существ и их деяний, о которых в предшествующих рассмотрениях шла речь как о существах духовных царств /Иерархий/."

83.

"Земля – это поле деятельности трех природных царств и человеческого царства, поскольку она представляет внешний чувственный образ деятельности духовных существ."

84.

"Силы, которые действуют в земных царствах природы и в царстве человека со стороны его духовного существа, открываются человеческому духу посредством истинного, духовно-ориентировочного познания звездных миров."

Мы можем продвинуться еще на один шаг. Вся земля с ее творениями, включая человека, образована из Космоса, но одна часть творческого принципа рождена в человеке, так что он предстает не только как внешняя чувственная природная взаимосвязь Земли и

Космоса, но также на поле внутренней жизни человека в деятельности духовных существ проявляется духовная общность Земли и Космоса. Это проливает новый свет на один из прежних наших обзоров.

В обзоре 22 мы находим: "Действие органов чувств еще целиком принадлежит природе. Она образует органы чувств и смотрится в них как в зеркало. Человеческое существо, которое находится позади органов чувств – это зритель естественного процесса, проходящего между органами чувств и внешним воздействием на них /глаза и свет!/. Но в этом процессе природа притягивает дух человека, который отделен от духа природы, к себе; она заманивает его к себе, заставляя его двигаться вдоль орбиты чувственного восприятия: чувственное познание привязано к предмету, существо человека ощущает себя целиком погруженным в предмет: Познание человеком природы – это самопознание природы."

Теперь же, поскольку нам показано господство иерархий в деяниях природы, мы можем взаимодействие этих существ на почве внутренней жизни человека дерзнуть назвать самопознанием иерархий.

Итак, существа иерархий населяют человека. Ответ на вопрос, поставленный в обзоре 31: "Как существа иерархий населяют человека и мир?" – постепенно будет формироваться всё интимней. По мере того, как человек приходит к истинному самопознанию, он оставляет творческой деятельностью иерархий и начинает образовывать новую иерархию. Пока в человеке не наступит истинное самопознание, действие высших иерархий внутри его собственного существа, остается для него сокрытым. В этом смысле в афоризмах следующей группы показано будет, как существа третьей иерархии скрыты за бодрственным сознанием, существа второй иерархии – за состоянием грез, существа первой иерархии – за состоянием сна без сновидений. В дальнейших группах афоризмов то же показано для

других взаимосвязей в душе человека: мышления, чувств, воли; а также для взаимосвязей жизни между рождением и смертью и новым рождением и для влияния прежнего течения жизни на последующую.

Короче говоря, человеческое существо в целом, которое в прежнем рассмотрении афоризмов мы познавали как феномен внутреннего опыта и деяний, теперь проявляет себя как покров для деятельности иерархий.

Но такие рассмотрения имели ценность только до вступления в новое время. Теперь же в отношении человека к существам иерархий вмешалась миссия Михаила, и если мы внимательно рассмотрим результаты исследований Рудольфа Штейнера на эту тему, нам откроется, что все наши познания с этого момента связаны с его действием.

Правильным путем к тому, чтобы достигнуть Михаила будет тот, если продвигаясь в мужественной познавательной работе, мы ватем в решающий момент осознаем себя в совместном действии с ним. Это может быть пережито как согласованность с Михаилом. Для того, чтобы убедиться в этом, полезно обратить внимание на весь ряд сопроводительных писем, которые Рудольф Штейнер посвятил миссии Михаила. Тем самым также последующие группы афоризмов получают особое совещение.

Только в последние годы Рудольф Штейнер начал отчетливо открывать действие Михаила, и мы должны это воспринимать как знак того, что его творение настолько пустило корни в сердцах людей, что оно могло отозваться как свободное само-формирование. В наше время только тогда можно пробиться к правильному служению Михаилу, если мы будем следовать Рудольфу Штейнеру в том, как он современное сознание ведет к свободному духовному опыту. Как раз,

если оглянуться на многое из того, что он ранее говорил, давая общую обрисовку Михаила, сегодня можно увидеть, как он сам достиг в свободе всего того, что он потом обратил на путь Михаила.

Возьмем для сравнения следующее, собранное в 5 лекции 39 цикла: Когда в 1429/30 годах Орлеанская Дева осуществила свою миссию спасения западных стран, именно Михаил, как посланец Христа, посредством нежных, субтильных сил дал импульс человеческой душе, минув всякое понимание договаривающихся. Это случилось перед тем, как он снова взял на себя управление временем / с ноября 1879 г./ . Так в прежние времена давались в видениях импульсы /ср. цикл 31, лекция 5/. Но великий перелом состоял в том, что отныне ведущий дух захотел действовать через бодрственное сознание. Так Михаил действует не только духовно, но в то же время, на физический рассудок, на физический разум; поэтому в цитируемом месте Рудольф Штейнер сравнивает Михаила с золотом, единственным из металлов, который оказывает солнечное воздействие, с медицинской точки зрения, не только на эфирное тело, но и на физическое тело.

В этой связи Рудольф Штейнер говорит о спиритуализации возможностей человеческих понятий и представлений и поэтому всё снова указывает он на возможность, всё что дает духовное исследование, целиком понять посредством рассудка и разума, которыми наделен человек, начиная с 16 столетия. Это стало долгом, задачей времени, чтобы эти силы понимания и постижения преобразовать в высшие познавательные возможности. Михаил действует также в воле, где он менее всего склонен действительно развертывать свои силы, а именно в земных силах представления. Потому в одном из сопроводительных писем мы находим предложение: "Сегодня задача состоит в том, чтобы все рассудочное и разумное культивировать вплоть до ясновидения."

В знаке Михаила важным является привести себя в соответствие с мышлением. Для этого, поистине, Рудольф Штейнер создал все условия и средства. Но это направлено не только на то, чтобы "познавать" это согласие, но чтобы действительно "упражняться" в нем и практиковать его. Поэтому все сообщения Рудольфа Штейнера носят характер мыслительных упражнений, также и там, где он вводит в высшие области бытия, которым ведь мы должны служить нашей работой. Так, мыслительные проблемы в своих сопроводительных письмах он приводит в такую связь с Михаилом, что из них можно было извлечь сильнейшие человеческо-исторические и лично-человеческие импульсы, актуальность которых переживается ежедневно и ежечасно.

Следующее должно в беглых чертах обрисовать нечто, взятое из первых трех писем, относительно Михаила, дополненное материалом, представленным в подробностях в лекциях, которые он читал в это же время в Гёттеануме, в Дорнахе.

Мысли, как космически-духовно переживаемые силы, первоначально были у богов; они мыслили внутри человека. Михаил возглавил космическую интеллигенцию. "Начиная с XIX века люди уже перестали сознавать, что Михаил инспирирует в них мысли. Они выпали из его господства; из духовного мира они падали в индивидуальную человеческую душу." Это обстоятельство Рудольф Штейнер в самом мыслительном переживании представил в "Загадках философии". Если мы это представление истории человеческого сознания вызовем в современном переживании, тогда мы сможем во внутреннем повторении этого хода развития нашей души на пути мыслей сделаться восприимчивыми, чтобы духовно-сущую сторону этого исторического процесса постигать, исходя из сил современности. Благодаря этому современный человек становится сотрудником в явлениях, производимых высшими

иерархиями. В этом смысле Рудольф Штейнер в своем дорнахском цикле показал, как во времени консилиума в Константинополе произошло падение товарищей и слуг Михаила. Переход интеллигенции от Михаила к человеческим индивидуумам — это отпадение ангельских существ, которые являются вождями отдельных человеческих существ, от Михаила — солнечного вождя, поворот их к земной области.

В земной духовной истории мы имеем тогда борьбу номиналистов и реалистов: "Реалисты хотят оставаться верными Михаилу; также и в том случае, если мысли из его области попадают в человека, в качестве мыслителей они хотят служить Михаилу как вождю космической интеллигенции."

Так и сам Михаил сохраняет верность Солнцу, от которого отвернулись его товарищи среди Архангельских существ. Несмотря на то, что Солнце, как космическое существо было поражено пятнами, он возжег внутреннее Солнце в сердцах людей. Здесь становится понятным значение афоризмов 82-84, которые показывают, что посредством духовного познания звездных миров, открывется то, что происходит на земле. В течение столетий, напротив, посредством номинализма формировались головные мысли. Только мыслительная победа Рудольфа Штейнера над материализмом пробила брешь в человеческой душе для достижения нового реализма в духовном опыте.

36. ЧТО СКРЫВАЮТ И ОТКРЫВАЮТ БОДРСТВОВАНИЕ,

ГРЕЗЫ И СОСТОЯНИЕ СНА.

В сопроводительных письмах, на которые мы ссылались в предыдущем обзоре, особенно нам еще бросается в глаза, как мысли Михаила освобождаются из области головы и прокладывается им путь к сердцу. Этот путь будет найден, если мысли воспламятся одухотворением. Рудольф Штейнер в своих книгах и устно, указывал на внутреннюю теплоту мыслительного опыта, и, тем не менее, мы всё снова сталкиваемся с воззрениями, которые смешивают в одну мысли сердца и мысли головы.

Это есть, исторически выражаясь, ничто иное как смешение номинализма и реализма. Но в сознании также глубоко должно утвердиться, что прохождение через номинализм, "падение" в материализм, тем не менее означает определенный прогресс: "... в то время как созерцание в эту эпоху должно быть ограничено внешним физическим миром, внутри души развертывается чистейшая, на самой себе основанная, духовность, как опыт человека." "Формирование мыслей временно затерялось в материи космоса; оно должно вновь обрести себя в космическом духе." Это — сам Михаил; но для того, чтобы он мог достигнуть значительного прогресса свободной мыслительной жизни, для этого необходима совместная работа человека, "Оттого, что идеи человека будут не только оставаться "мыслимыми" но в мышлении станут "зримыми", зависит бесконечно много."

Из всего описания в целом следует, что из всех существ высших иерархий, которые за человечески-душевным, Михаил — первый, который себя открывает; ибо он достигается на пути школы мышления. Он господствует, как часто говорил Рудольф Штейнер, в сфере, которая только тонкой стенкой отделена от сознания человека.

Дверь, ведущая к нему, откроется мышлением; тогда открываются сами собой и другие двери человеческой души, если начавшееся в мышлении будет продолжать действовать соответственно своей собственной силе.

В "Философии свободы" /8 гл./ мы находим следующее: "Тот, кто обратится к сущему мышлению, тот найдет в нем как чувство, так и волю, последнее во всей глубине их действительности; тот, кто отвернется от мышления, чтобы предаться "голым" чувствам и воле, тот потеряет в их истинную действительность." Как этот путь, оглядываясь на высшие иерархии, может быть пройден в качестве душевного упражнения, показывают следующие группы афоризмов.

В предыдущем обзоре мы нашли, что человек в целом может рассматриваться как поле деятельности духовных существ; но по мере того, как человек пропитывается импульсами Михаила, он может достигнуть своей мировой цели. Если человек упустит это, тогда существа высших иерархий достигнут своих целей на почве душевной жизни человека, и то, что для этого будет ненужным, станет добычей Люцифера и Аримана. В связи с этим мы можем указать на место, где Рудольф Штейнер говорит о том, что человек, одновременно с достижением своей цели, осуществляет акт освобождения от Люцифера. Так очень четко сказано в цикле 7, 10 лекция: "Человек освободится от Люцифера, если он соответствующим образом воспримет силу Христа." Михаил — посланец Христа, он апеллирует к полностью бодрственному сознанию человека. Его руководство эпохой приведет драму развития человечества к поворотному пункту в ту или иную сторону /см. обзор 29/. При этом уместно вспомнить об обзоре, который несколько лет тому назад Рудольф Штейнер начертил для

характеристики нашего времени.

Нисхождение
человека

Новое восхождение
человека

Поворотный
пункт

наше время

Падение в
пропасть

Наше время — это время бодрствования. Отсюда исходят обе следующие группы афоризмов 85-87 и 88-90, которые непосредственно взаимосвязаны, также как и последующие.

85.

"В современную эпоху человек испытывает себя, прежде всего, в бодрственном сознании. Этот опыт скрывает от него, что внутри бодрственного сознания пребывает третья иерархия в его опыте."

86.

"В состоянии грёз /в сновидениях/ человек, хаотическим образом воспринимает дисгармоническое соединение своего собственного существа с духовным существом мира. Если грезящему сознанию противопоставить, как другой его полюс, имагинативное сознание, то человек убедится; в его опыте присутствует вторая иерархия."

87.

"В состоянии сна без сновидений человек бессознательно испытывает соединение собственного существа с духовным существом мира. Если сознанию в состоянии сна противопоставить, как другой его полюс, инспиративное сознание, то человек убедится, что в его опыте присутствует первая иерархия."

С этим связаны следующие афоризмы:

88.

"В бодрственном сознании, в современную эпоху, человек чувствует себя находящимся внутри физического мира. Этот опыт скрывает от него, что внутри его собственного существа действует жизнь между смертью и рождением."

89.

"В состоянии грёз человек хаотическим образом воспринимает дисгармоническое соединение своего собственного существа с духовным существом мира. Бодрственное сознание не в состоянии охватить содержание самого этого грезящего сознания. В имагинативном и инспиративном сознании открывается, что духовный мир, в котором человек живет между смертью и рождением, участвует в строительстве его внутреннего существа."

90.

"В состоянии сна без сновидений, человек, не сознавая того, испытывает собственное существо, пронизанным опытом прошлых земных жизней. Инспиративное и интуитивное сознание проникает к созерцанию этого опыта, и видит действие прошлых земных жизней в течение нынешней судьбы /карма/."

В этих двух группах афоризмов /85-87 и 88-90/ особенно бросается в глаза их взаимная принадлежность, ибо отдельные предложения начинаются одинаковыми словооборотами. Смысл этого важного перехода мы найдем лучше всего, если мы рассмотрим различие соответствующих афоризмов. Афоризмы 85 и 88 гласят о бодрственном дневном сознании. Оно протекает в чувственном восприятии и мышлением, полярность, на которую всё снова и снова указывал Рудольф Штейнер и о которой мы часто говорили в наших обзорах; она означает для обычного сознания противоположность внутреннего и внешнего бытия. В этом и состоит различие обеих групп афоризмов. Само мышление проводит между ними черту.

В афоризме 85 звучит: "В современную эпоху человек испытывает себя, прежде всего, в бодрственном сознании." Если мы сделаем ударение на слове: себя, то тем самым мы получим внутренний опыт, который в мышлении направляет сам на себя.

Так, в основном мышление является именно тем элементом, который в собственном опыте человека скрывает третью иерархию. Если мы перейдем к афоризму 83, то мы встретим то же словосочетание, но с продолжением: "... чувствует себя находящимся внутри физического мира." Это другой полюс полярности бодрственного сознания, мир чувственных восприятий, опыт которого в человеке скрывает, "что внутри его собственного существа действует жизнь между смертью и рождением."

В соответствующих афоризмах 86 и 89 речь идет о сознании в грезах. Они также начинаются одинаковыми словооборотами в первой их части; в последующем различаются они тем, что в афоризме

86 речь идет об имажинации, а в 89 — об имажинации и инспирации. Имажинация названа другим полюсом сознания в грезах; общим для обоих является образное. Но при этом в афоризме 86 сказано, что имагинативное может противостоять сознанию в грезах. Тем самым для грез устанавливается такое же отношение как для бодрственного обычного сознания.

Таким образом, это означает бодрственное в отношении грек, и это есть осознание второй иерархии. То же самое справедливо в отношении афоризма 87. Здесь инспиративное познание выступает как противоположный полюс сознания во сне без сновидений. Это бодрственное в отношении к состоянию сна без сновидений, и это есть сознание первой иерархии.

В афоризме 89 показано, что бодрственное сознание /аналогично обычному!/ не в состоянии схватить это состояние грез. Имажинация, как мы видим, суть бодрственное в отношении греющего сознания. Это новое состояние бодрствования, в соответствии с афоризмом 86, тем самым еще не приобретает содержания: оно открывается только приближающейся инспирации; а именно, это содержание или объект суть нечто, что для обычного сознания является внутренней жизнью; в ее настроении участвует жизнь между смертью и рождением, как это в афоризме 88 показано для внешней жизни.

Такой же ход мыслей имеет силу для афоризма 90. К бодрствованию в отношении сна без сновидений присоединяется, в соответствии с афоризмом 87, интуиция и дает созерцание событий прежних земных жизней и событий настоящей жизни в ходе развития судьбы.

В словах созерцание и действие заложена соответствующая полярность как противоположность к обычному сознанию.

Эти сложные связи нелегко проследить мысленно; мы хотим конкретизировать их, собрав собрав их в единую схему, для этого соответственно справедливо то же, что и для всех предшествующих схематических представлений; что они представляют ценность не сами по себе, но только для упражнений.

	Внутреннее бытие	Высшее бытие
Бодрствование	Афоризм 85	Афоризм 88
Грёзы	Афоризм 86	Афоризм 89
Сон	Афоризм 87	Афоризм 90

Когда таким образом во внутреннем опыте мышления возникнут новые источники, это будет ничто иное, как импульс Михаила на пути сверхчувственного познания.

_____ 0 0 0 _____

37. ЧТО СКРЫВАЕТ И ОТКРЫВАЕТ ВОЛЯ.

Обе группы афоризмов 85 - 87 и 88 - 90 определенно отталкиваются от "бодрственного дневного сознания". Если обратить внимание на ударение, лежащее на этих словах, то могут возникнуть два вопроса: "Существует ли также спящее дневное сознание?" и "Существует ли бодрственное ночное сознание?" На это можно дать положительный ответ, Бодрственное ночное сознание - это высшие ступени познания: имагинация, инспирация, интуиция. Спящее дневное сознание - это воля. О воле, что она скрывает и что она открывает, речь идет в следующих двух группах афоризмов, которые взаимоотносятся, как и предшествующие:

91.

"Воля вступает в обычное сознание в современную эпоху только посредством мыслей. Но это обычное сознание привязано только к чувственно воспринимаемым вещам. Оно схватывает в своей воле только то, что посредством нее вступает в мир чувственных восприятий. Человек в этом сознании знает о своих волевых импульсах только посредством представляющего созерцания самого себя, также как о внешнем мире он знает только посредством созерцания."

92.

"Карма, действующая в воле, это свойство, наведенное предшествующей земной жизнью. Она не может быть достигнута представлениями обычного чувственного бытия, которые ориентированы только на нынешнюю земную жизнь."

93.

"Поскольку эти представления о карме не могут быть постигнуты, они отсылают к непостижимому выступающему в человеческом волевом импульсе, в мистической пране телесной конституции, тогда как она является действием предшествующей земной жизни."

94.

"Со своей обычной жизнью представлений, опосредствованной чувствами / / человек находится в физическом мире. Для того, чтобы воспринять его в своем сознании, должна умолкнуть карма в жизни представлений. Человек в представлениях забывает свою карму."

95.

"В откровении воли действует карма. Но действие остается в бессознательном. Посредством возведения к имажинации того, что бессознательно действует в воле, постигается карма. Начинают чувствовать в себе свою судьбу."

96.

"Если имажинация вступает инспирация и интуиция, тогда в действиях воли, помимо импульсов наступающего времени, становится доступным результат предшествующей земной жизни. Предшествующая жизнь проявляет себя как действующая в текущей жизни."

То, что в предшествующем обзоре давалось в связи с внешним бытием, с нахождением в физическом мире, здесь дается в связи с его носителем. Этот носитель стояния в физическом мире суть — воля; но в обычное сознание вступает только представление воли /афоризм 91/. Это в высшей степени важное знание Рудольф Штейнер

представил следующим образом в цикле 50, лекции 15: "Я часто обращал ваше внимание на то, что в отношении к системе обмена веществ мы "спим", тогда как в отношении головы "бодрствуем". И наша воля действует как спящая. Мы ведь имеем только "представление" того, что исходит из нашей воли. Никто из нас ведь, если он вводит представление: "я двигаю рукой", не имеет представления о том, как это связано со всем органическим аппаратом.

Это происходит также бессознательно, как и процесс сна".

Восприятие такого движения относится к чувственному миру, к внешнему бытию человека, оно представлено посредством физического тела; движение может быть установлено только посредством представлений, когда волевой акт, приведший к движению, уже принадлежит прошлому. Это прошлое, имеющее продолжение в воле, суть способность, свойство, которое никогда не может быть постигнуто в представлениях обычного сознания /афоризм 93/. " это еще не всё, но обычная жизнь представлений должна в отношении этого умолкнуть. "Человек в представлениях забывает свою карму". То, что здесь появляется слово забывает, выделенное в афоризме курсивом, должно явиться для нас важным указанием. Рудольф Штейнер однажды посвятил целую лекцию забвению / цикл "А", лекция 4/. Посредством забвения канувшее в прошлое становится способностью. Забывать — значит: пронести через духовный мир. Мы забываем отдельные переживания, которые в детстве сопровождали наше обучение письму, но мы получили возможность писать.

Так должно быть предано забвению то, что было до этой земной жизни, чтобы возникающие отсюда способности, чисто духовные могли действовать в бодрственной жизни. По большей части это происходит в жизни после смерти до того поворотного пункта, который

Рудольф Штейнер с такой мощью описал как полно ный час бытия, в особенности в своей стихотворной драме "Пробуждение души"; там забвение является космическим упражнением перехода от опыта к творчеству, и второй Акт забвения наступает перед рождением к новой земной жизни.

Посредством имагинации прошлое пробуждается к новому сознанию. Рудольф Штейнер оравнивает путь медитации, ведущий к имагинации, с воспоминанием. Так проявляется в сопоставлении с обзором 30 оба предложения: "Сознательное забвение ведет к медитации"; "Сознательное воспоминание ведет к имагинации". Медитация напоминает проход через духовный мир после смерти; имагинация соответствует пробуждению в новом мире. Рудольф Штейнер описывает это, например так: "Имагинация всплывает подобно воспоминанию, но во время воспоминания то, что некогда ранее было непосредственным опытом, имагинация же такова, что всплывающему образу не соответствует никакого прежнего опыта. Здесь нужно отчетливо различать афоризмы 95 и 96. Имагинация вводит в текущий опыт то, что в сущности принадлежит прошлому, но не прошлому этой земной жизни, иначе это было бы воспоминанием, но прежних земных жизней. К этому следует еще добавить, что воспоминание это не только ретроспективный взгляд в прошлое, как это кажется, но оно суть — принадлежащий настоящему опыт восприятия, новый опыт, который воспринимает изменения, которые в результате прошлого опыта произошли в организме человека, а именно в эфирном теле.

Имагинация того, что бессознательно действует в воле, дает образы господствующей там кармы. "Начинают чувствовать в себе свою судьбу" /афоризм 95/. Для того, чтобы испытать в карме действующее прошлое ранних земных жизней как таковое, для этого

в имагинацию должны вступить инспирация и интуиция / афоризм 96/, аналогично описанному в афоризмах 89-90. Этот процесс остается скрытым для представляющего сознания, здесь речь идет о спящем дневном сознании, относительно которого выше был поставлен вопрос. Это явление совершенно неправильно истолковывается обычным сознанием и современной наукой. Об этом речь идет в афоризме 93. Представления могут охватить только чувственно воспринимаемые действия; это движения физического тела. Эти связи, не без основания, но односторонне, Шопенгауэр сформулировал как "Мир как воля и представление."

Так как современная наука в состоянии заглянуть за пределы этой земной жизни в период до рождения и в прежние земные жизни, она ищет причину воли также в текущей жизни тела. То, на что указывает Рудольф Штейнер в афоризме 93, это психоанализ. Психоанализ говорит, например, о подавленных представлениях, которые шевелятся в подсознании телесной конституции и действуют как воля. Рудольф Штейнер часто указывал на это в своих лекциях

Способ, каким Рудольф Штейнер в этой последней группе афоризмов указывает на имагинацию, инспирацию и интуицию, может пролить особый свет на отношения этих высших видов познания между собой и к познанию посредством обычного сознания. Прежде всего, мы выразим это пока в афористической форме:

Инспирация так относится к имагинации, как последняя к обычному сознанию.

Интуиция так относится к инспирации, как последняя к имагинации.

Отличие этих рассмотрений от прежних относительно мышления, чувств и воли, состоит в связи с действием высших иерархий и с

миссией Михаила, которая вырисовывается всё отчетливее. Господство существ высших иерархий — это то, что скрыто за этой душевной деятельностью. Михаил же первый, кто готов открыться. Итак, мы в связи со всем этим можем знать, что есть существа высшей иерархии, которые ведут человека от одной земной жизни к другой, которые деяния прежних земных жизней преобразовывают в карму, его опыт — в способности и вводят его в новую жизнь с его кармой.

Всё это господствует в жизни человека независимо от того, знает он что-либо об этом или нет. Но пришло время, когда человек должен нечто узнать об этих вещах. Антропософия и есть это знание. По мере того, как дневное сознание развертывается из сил, которые несут бодрствование также и в ночное сознание, человек начинает, в этой деятельности высших иерархий, обретать свободу.

В этом лежит ответственность антропософского учения. Чем дальше мы углубляемся в историю человеческого сознания, тем сильнее руководится человечество посредством действия бессознательных сил. В той мере, к какой это руководство человеком и человечеством будет известно руководимому, он будет выпадать из-под такого вида руководства. В древние времена это знание держалось в строгой тайне. Теперь настало время, когда человек, посредством этого знания, лишился этого высшего руководства.

Знание делается свободным и возлагает ответственность. Воздем в этой свободе является Михаил, но руководит он не как в древности, посредством воздействия на бессознательное, но посредством знания сознанием. Это становление свободы человека.

о о о

38. О МОРАЛЬНОЙ ФАНТАЗИИ.

Различение мышления, чувств и воли уже может привести к высшим открытиям. В философию это различие было введено не так давно. Рудольф Штейнер приписывает это Николаю Тетенсу, рассмотревшего это различие на рубеже 18 и 19 столетий с психологической точки зрения. То, что мышление пронизывается волей, для того, чтобы снова стать живым, мы видели в различной связи, начиная с обзора 18. Это требование выступает уже в афоризме 12. Далее мы обнаруживаем, что при восхождении к высшим мирам, мышление полностью оборачивается волей и обратно. Кое-что об этом находится в обзоре 12. В другой связи в обзоре 29 нашелся повод говорить о чувствах, поскольку они выполняют для мышления логическое различение. Нам тоже известно, что это означает, если застывшие понятия снова сделать живыми, благодаря освобождению уже различного /обзор 18/.

Но то, что происходит в следующих группах афоризмов, — это нечто еще иное. Здесь снова интегрируется человек из всех рассмотренных до сих пор составных частей, т.е. собирается к единству, прежде чем будут рассматриваться дальнейшие великие космически-исторические связи.

97.

"Грубое представление говорит: "В душе человека живут мышление, чувства и воля. Тонкое должно сказать: мышление всегда позади себя имеет фон из чувств и воли; чувство — фон из мышления и воли, воля — фон из мышления и чувств. Просто в мыслительной жизни мысли господствуют над другим душевным содержанием, в чувственной жизни — чувства, в волевой жизни — воля."

98.

"Чувства и воля мыслительной жизни содержат кармический результат предшествующих земных жизней. Мышление и воля чувственной жизни кармическим образом определяют характер. Мышление и чувства волевой жизни выхватывают из кармических связей как теперешнюю земную жизнь."

99.

"В чувствах и воле мышления человек изживает свою прошлую карму. В мышлении и чувствах воли он готовит себе будущую карму."

Такой способ рассмотрения показывает, как все действия человеческого существа, природы и иерархий взаимопереплетены и сам человек помещен в центр космических явлений. Значение этого процесса будет подробно нами раскрыто в ходе дальнейшего изложения. Прежде всего, мы должны рассмотреть, как взаимное проникание мышления, чувств и воли дает девять различных результатов, которые собраны в действии кармы.

Обозначим мышление, чувства и волю буквами "а", "в" и "с", тогда эти девять результатов мы сможем представить следующим образом:

	мышление	чувства	воля
мышление	"а" "в" "а"	"в" "в" "а"	"с" "в" "а"
чувства	"а" "в" "в"	"в" "в" "в"	"с" "в" "в"
воля	"а" "в" "с"	"в" "в" "с"	"с" "в" "с"

"а" "в" "с" означает: мышление в мышлении; в соответствии с обзором 30, это – субстанция третьей иерархии и имагинация.

Там же, "в" "в" "в" – чувства в чувствах – субстанция второй иерархии и инспирация;

"с" "в" "с" означает воля в воле – субстанция первой иерархии и интуиция. Это – диагональ нашей схемы. Так наискось пронизывают иерархии душу человека. Также и другие результаты означают взаимное переплетение действий иерархий в человеческой душе, даже если мы и здесь будем искать, вначале кажущиеся абстрактными, категориальные формы; для них имеет силу то, что в обзоре 18 было поставлено как особое задание, которое Рудольф Штейнер оставил нам для освобождения идеи.

Чувства в мышлении / "в" "в" "а" / – это субстанция логики, внутренняя связь понятий и идей, область, где ничто не может пребывать изолированно. Посредством этой субстанции, некоторого вида родственного сродства, можно от любого понятия продвинуться к любому другому понятию; это как бы живое кровообращение мышления; мы можем это назвать также инспирацией мышления. Воля в мышлении / "с" "в" "а" / – это субстанция закономерности. Мы называем то, что здесь действует, идеей каузальности, или можем мы сказать, интуицией мышления. Поэтому действия чувств и воли в мышлении постигается как опыт действия кармы, но в ретроспективе, поскольку она открывается в мышлении. Мышление всегда ориентировано на прошлое. Это выражено в афоризмах 98-99.

Мы можем продолжить таким же образом и определить мышление в жизни чувств / "а" "в" "в" /. Идеи, живущие в чувствах, мы называем идеалами сердца. Посредством сердца идеи становятся идеалами. В своей книге "Как достигнуть познания высших миров?" Ру-

Рудольф Штейнер говорит о том, как пробуждающее действует на душу превращение идей в идеалы. Воля в жизни чувств /"с" "в" "в"/ представляется нам как моральность сердца. Эта активность доброго сердца и идеальность определяет, в соответствии с афоризмом 98 кармическим образом характер, естественно, что также и в негативном смысле, если их недостает. И, наконец, мы можем найти соответствия для мышления и чувства в воле /"а" "в" "с" и "в" "в" "с"/. Подумаем о целях и замыслах в деяниях как их представил Рудольф Штейнер в "Философии свободы". Здесь речь идет о своего рода обращенной каузальности, где представления и сила заключения действия предшествует во времени обусловленной волей причине /см. обзор I4/.

Так, в соответствии с "Философией свободы" мы можем мышление в воле /"а" "в" "с"/ назвать моральной фантазией, и чувство в воле /"в" "в" "с"/ субстанции "любви к деянию". Воля постоянно ориентирована на будущее, как мышление на прошлое, а чувства — на настоящее. В моральной фантазии начинает осуществляться свобода человека; человек вырывает себя из кармических связей и определяет карму будущего / афоризм 98 и 99/, закономерное развитие которой не нарушается вследствие этого, так же как не прекращается действие иерархий на человеческую карму. Как раз благодаря этому действию и достигается действительная свобода человека.

Теперь нетрудно следующие афоризмы обратить на сказанное:

100.

"Мысли имеют свое собственное жилище в эфирном теле человека. Но там они являются живыми сущими силами. Они отпечатываются в физическом теле. И как таковые "отпечатанные мысли" они носят теневого характера, каковой и познает обычное сознание."

101.

"То, что в мышлении живет как чувство, приходит от астрального тела, живущее как воля — от "я". Во сне эфирное тело человека вообще излучается в мыслительный мир; но человек не участвует в этом, поскольку он чувства мышления вместе с астральным телом, волю мышления вместе с "я" извлекает из эфирного и физического тела."

102.

"В тот момент, когда астральное тело и "я" освобождаются от отношения к мыслям эфирного тела, они, как таковые, входят в "карму", приходят к созерцанию событий, проходящих через последовательность земных жизней. Это созерцание недоступно обычному сознанию; в него вступает сверхчувственное сознание."

Здесь дано важное обобщение в отношении человеческого существа, и поэтому представленное выше не должно восприниматься как схематизм. Здесь собрана деятельность мышления, чувства и воли совместно со скрытыми в них силами иерархий совместно с четырехчленностью человека, в котором особым образом действуют иерархии. Соединение четырех членов человеческого существа: физического тела, эфирного тела и астрального тела и "я" в бодрственном состоянии и разделение их во сне, получает особое освещение. Мы уже видели как порог духовного мира проходит человеком /например, обзор 6 и 21/; так высшие члены существа: астральное тело и "я" являются посредниками между духовным и физическим миром, но также между тем, что посредством кармы переходит к нам от прежних земных жизней, и душевным бытием этой земной жизни, в то время, как

чувства и воля пронизывают мышление. Также и это находим мы в о
обычном сознании и разработку этого мы находим также уже в "Фи-
лософии свободы". Для знатоков этого эпохального творения может
представить интерес следующее представление:

Переживания	физическое тело		
и деяния	эфирное тело	Побуждение	моральная
		мотив	фантазия
Прежние зем- ные жизни и карма	астральное тело		
	"я"		

Дальнейшее развитие этого потребовало бы глубокого введения
в "Философию свободы". Но это, без сомнения, показывает как антро-
пософский путь познания выводит человека из мрака мыслей обычно-
го сознания к свету сознательного познания кармы и явлений повто-
ряющихся земных жизней. В упражнении на этом пути мы можем, после
всей детализации прежних обзоров, почувствовать себя приведенными
к единству нашего существа и к новым задачам, которые начинаются
следующими группами афоризмов.

_____ 0 0 0 _____

39. РЕЛИГИЯ, ИСКУССТВО, НАУКА.

Великий успех естествознания связан с тем, что человек нау-
чился явления, происходящие в мире, всё тоньше различать и анали-
зировать. Здесь мы можем сослаться на обзор 29 и представления,
данные в этом обзоре, повторить в форме звуков языка души созна-
тельной /см. обзор 30/; "Посредством анализа, целое, из своей
сферы, опускается в ближайшую нижнюю." "При синтезе мы поднима-
емся на одну ступень выше." "В царствах по ту сторону смерти
человек может достичь своего единства."

Если различение и анализирование посредством естественно-науч-
ного метода от внешнего мира повернуть на человека, тогда в дей-
ствительности произойдет "опускание вниз" такого метода рассмотре-
ния. В результате этого человек деградирует до животного, и не
удивительно, что при этом естественные ощущения человека защища-
ются со всей возможной силой, в особенности если это производится
посредством так называемых душевных средств: Психоанализ - это
как бы выискивание души. В противоположность этому, духовно-науч-
ное дифференцирование человека производится таким образом, чтобы
каждый человек мог это проследить и проделать сам, своими силами.

Только на пути упражнений в свободе можно найти возможность
укрепления душевной жизни. Это внутреннее формирование можно ус-
тановить также при рассмотрении исторического развития человече-
ского сознания /обзор 35/. При рассмотрении шествия человеческого
развития через Сатурн, Солнце, Луну и Землю следует увериться в
том, что человек вычленил из себя царства природы, которые пре-
жде были объединены в нем. Это космический анализ человеческого

существа. Последовательно, таким образом, человек вытесняет части своего существа в нижние сферы /ср. Рудольфа Штейнера "Очерки тайноведения"/. Он несет в себе последствия этого процесса: грех, заблуждение, смерть. Поэтому, с другой стороны, духовная наука ведет в области высших иерархий, которые стоят над человеком и последовательно вычлениют его из себя /обзор 32/.

Так человек со своей душой и стоит между царствами природы и царствами иерархий; он должен достичь целостности своего существа среди множественности фактов, обуславливающих человека, принадлежащих личным сферам. К этому введут упражнения душевных способностей в переживании истории. Величайший культовый прообраз этого упражнения дал Рудольф Штейнер в рождественской медитации 1923 г. Афоризмы / / - это конкретная ее разработка, поэтому она также дана в издании книги афоризмов. Результат работы над афоризмами нужно всё снова и снова приводить к медитативному упражнению над этим рождественским изречением, чтобы, тем самым, все полученные таким образом духовно-научные знания привести к упражнениям души, поскольку из этого вырастает духовное видение. Это неколебимая цель импульса, из которого афоризмы берут свое начало, чтобы проложить путь живому действию духа. Такие упражнения могут также служить для соединения данного в предыдущих обзорах, хотя душе придется преодолеть препятствия в отношении кажущегося схематизма, поскольку целью этого схематизма является только представление внутренней гармонии. Психологические рассмотрения всегда несут для души нечто мучительное, поэтому они должны быть организованы во внутреннем переживании в упражнениях.

Следующие рассмотрения, которые те же самые факты должны обрисовать другим способом, могут осуществить преобразование здесь предлагаемого психологического в историческое. В религии, искусстве, науке ищет человеческая душа своего единства из односторонности своих действительных возможностей. Обычно ставят в соответствие науку - мышлению, искусство - чувствам, религию - воле в порядке древних душевных идеалов: истины, радости и добра. И, тем не менее, именно сегодняшний человек чувствует потребность в каждой из этих форм деятельности различать остальные. Это можно предвидеть следующим образом:

В религиозном человек ищет масштаб для своей воли и деятельности; но что он при этом живо имеет в своем сознании, это глубоко связано с чувствами. Религиозное это - действительный душевный процесс, который проходит там, где чувство действует в воле.

Искусство - это откровение чувства; но подобным же образом за ним стоит сумма всех переживаний, представлений. В качестве душевной деятельности оно связано с мышлением. Для многих это прозвучит как ересь: "Художественное - это действительное душевное явление, которое выступает там, где мышление действует в чувствах." Научное - это область мышления; но снова речь идет не об абсолютности душевной односторонней деятельности мышления, но за научным стоит смысл, стремление, цель; хотя бы и неохотно приписывали эти свойства абстрактным наукам; то, что стоит за научным - это волевое. Научное - это действительное душевное явление, которое выступает там, где воля действует в мышлении.

Тем самым возможности, единство душевного в религии, искусстве и науке мы представили в замкнутом взаимодействии, по меньшей мере, так, как это выражено в стремлении современной души.

Мышление

Воля

Чувства

В размышлении над этим "круговым процессом" душевного, можно уже постигнуть кое-что из этих стремлений души; посмотрим на то, что предлагается душе в сегодняшней жизни для удовлетворения ее стремлений, тогда нам откроется кризис духовной жизни нашего времени. Поистине, можно сказать, что этот кризис возник вследствие критики, а именно не только в результате того, что заключено в кантовой критике, но в результате критики сердца, критики самой души, которая, как существо, не может выпрямиться во весь рост среди жизненных форм нового времени, но чувствует себя гибнущей. Бесконечное в душевной субстанции односторонне выливается, вследствие развития естествознания, во внешние, материальные технические жизненные формы, которые демонически обращаются против самого человека и угрожают его духовно-душевному состоянию. Бросим взгляд на три области душевной деятельности: религию, искусство и науку, на их положение в наше время и как каждая из них находится в состоянии ритуально-исторических связей, из которых возникла современная судьба души. Это поможет нам при рассмотрении последующих групп афоризмов. Религия, искусство и наука в древних мистериях составляли единое целое. Это было в

те времена, когда человек, со своим более грезящим сознанием, еще участвовал в процессах божественно-духовного мира и находился под водительством высших существ. Из этого единства вначале вышел импульс воли. Заменой этому было для души то, что всё снова могло привязывать ее к духовному миру и его существам. Это была РЕЛИГИЯ. Это ведет нас к культурным взаимосвязям в передней Азаа Азии и Северной Африке, которые Рудольф Штейнер определил как египетски-халдейский период. Это была существенным образом религиозная культура, Ее культовые формы посредством традиции продолжают до сегодняшних дней. Выражением этого может быть древнее "Ты должен", то что для человека того времени звучало еще во внутреннем импульсе души. Сегодня это абстрагировано в категорический императив, который только извне может действовать на душу. Также обстоит дело с традиционными религиозными импульсами. Если сегодня душа пытается связать себя с традиционными религиозными формами, тогда она этой стороной своего существа опускается на две ступени ниже современного прогрессирующего развития человечества.

Второе, что излилось из мистерий, это был импульс чувства. Он ведет к культурным связям Греции. Это была исключительно художественная культура. Конечно, существовала народная религия, но ее образы облакались в прекрасные формы различных искусств, в особенности пластика и драма. Кто в те времена хотел обратиться к иерархиям, тот направлялся к местам мистерий, в которых искали связи с древним божественным сознанием. Художественный импульс, посредством традиции, унаследован и сегодняшним временем. Душевым кризисом нашего времени, в этом направлении, является то, что упражнение в искусстве опускает на одну ступень ниже совре-

менного прогрессирующего развития человечества и не может найти выражения для сегодняшних стремлений человеческой души.

Целиком в настоящем мы стоим с третьим, что исходит из древних мистериальных связей. После того, как мыслительный импульс, наука излился, институт мистерий должен был исчезнуть и стать настолько окровавленным, чтобы его нельзя уже больше было найти физическим. Этот научный импульс привел к современным отношениям, к односторонности естествознания с опасностью отрицания всякой душевной действительности. Поскольку этот импульс характерен для нашего времени, Рудольф Штейнер должен был начать с него, как он это и сделал, снова оживлять единство человеческой души.

_____ 0 0 _____

40. КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ДУШИ И ЕЕ ЛЕЧЕНИЕ.

Будет полезным в заключение предыдущего обзора еще раз оглянуться на пра-единство человеческой душевной жизни. В цикле 18 лекции I Рудольф Штейнер говорит о временах, которые "отдельные духовные течения, которые сегодня являются под видом науки, религии и искусства, еще были не отделены друг от друга, но внутренне связаны между собой."

"Религия была не чем-то, к чему обращался человек как к особой ветви культуры; но когда он сам говорил о той части духовной жизни, которая проникла в практическую ветвь повседневности, он говорил тем самым, о религии". "Но эта религия была внутренне сильна и крепка..., она инспирировала отдельные силы человеческой духовной жизни, так что принимала формы, которые непосредственно были формами искусства." "Но эта прарелигия со своей дочерью - искусством, в то же время была так чиста, что когда она действовала на человеческую душу, она извлекала из души все то, что мы сегодня имеем в слабом, абстрактном отблеске в науке и познании. Если углубленное чувство одухотворится тем, что посредством религии влилось в форму искусства, тогда в душе возгорится знание о богах и "о божественных вещах, знание о стране духов".

От всего этого в современном человеке осталось только стремление. Если мы отнесли это к охарактеризованным в предыдущем обзоре современным формам религии, искусства и науки, то можем увидеть, как бы своеобразно сдвинутую такую конstellацию, что все три душевных импульса в ходе развития, а именно в XIX столетии должны быть парализованы. Мы читаем: "Религиозное - это такое душевное явление, которое выступает там, где чувство дей-

отвует в воле." Это в известном смысле, понятие религиозного.

После того, как произошло выделение из первоначальной общности, сегодняшнее сознание находит в религиозных культовых формах, которые произошли от третьего послееатлантического периода, опыт, в котором выражается чувство. Мы с отвращением отворачиваемся от выражения чувствительности в сентиментальной болтовне и смотрим на опыт, который сегодня вообще может открыться как эстетический. Ведь из религиозной традиции произошли удивительные художественные произведения во всех областях.

Далее мы читаем: "Художественное это — действительный душевный процесс, который протекает там, где мышление действует в чувствах." Во что же превратилось сегодня искусство? В этой области мы находим сегодня, как остатки эллинизма, только некоторую науку, как ее, например, преподают в высших художественных школах. Именно 19 век воздвиг эстетику как науку. И, наконец, мы можем науку, которая вполне современна, испытать что с ней стало в отношении понятия: "Научное — это действительный душевный процесс, который разыгрывается тогда, когда воля действует в мышлении." Наука, в то же время, не является больше чистым открытием, ее импульсы стали догмой, основанной на авторитете; она преодолевается посредством первоначального религиозного элемента, как искусство посредством науки, а религиозное посредством искусства.

Так мы наблюдаем многосторонний паралич душевных действий. Этому параличу Рудольф Штейнер противопоставляет превращение мышления, чувств и воли в имагинацию, инспирацию и интуицию. Благодаря этому религия, искусство и наука освобождаются снова

к будущей жизни. Абстрактная наука, окоченевшая в догмах, посредством имагинации может воспринять художественный элемент. Это путь познания также и в смысле педагогики Рудольфа Штейнера. Его научные курсы лекций, которые он читал для специалистов, показывают, как это может быть сделано, чтобы соблюдалась обоснованная точность в мельчайших деталях. Искусство Рудольф Штейнер превращает в некий язык душевного переживания; это инспирация, как религиозная сила, освобождающая искусство. Это было бы сделано во всех областях искусства; в особенности в архитектуре, пластике, живописи, строении окон Гётеанума; его поэтические произведения; из которых наиболее значительными являются четыре драмы-мистерии, являются этому свидетельством; сюда принадлежат новые основания формирования речи, включая сценическое искусство. И в дополнение к этому, им было создано новое искусство, представляющее собой зримый язык, зримое пение, эвритмию. Религия освобождается от оцепенения благодаря тому, что вместо первоначальной веры, интуиция создает в ней действительно новое содержание, посредником которого является знание о духе, духовная наука. Рудольф Штейнер дал это содержание как реальный культ христианскому обществу и религиозным занятиям свободной школы; культовое, которое может быть передано посредством знаний.

Также это освобождающее деяние для религии, искусства и науки можно представить в замкнутой в себе форме треугольников. Окостенение и освобождение трех душевных функций может быть нарисовано одно над другим:

Религия
/Знание/
Интуиция

Искусство
/Наука/
Чувства

Наука
/Религия/
Мышление

Наука
/Искусство/
Имагинация

Искусство
/Религия/
Инспирация

Религия
/Искусство/
Воля

Этот рисунок говорит сам за себя. Направленный вниз треугольник представляет паралич душевных областей: религии, искусства и науки; треугольник, направленный вверх — освобождение их посредством антропософии. Выражаясь в предложениях, рисунок гласит: религия, которая должна действовать в воле, посредством искусства парализуется, посредством интуиции освобождается, становясь знанием. Искусство, действующее в чувствах, посредством науки парализуется, посредством инспирации — освобождается, превращаясь в религию. Наука, которая действует в мышлении, посредством религии парализуется, посредством имагинации — освобождается, становясь художественным. Если мешает парадоксальность этих предложений, то дело заключается в том, чтобы их пронизать живым художественным чувством.

Можно заметить, что здесь получается шесть комбинаций, по две на каждую душевную область. Пользуясь прообразом, данным

в нашем обзоре 38, мы можем представить это следующим образом:

	религия	искусство	наука
Религия		"И" в "Р"	"Н" в "Р"
Искусство	"Р" в "И"		"Н" в "И"
Наука	"Р" в "Н"	"И" в "Н"	"Н" в "Н"

В сравнении с представленными в обзоре 38, бросается в глаза, что не хватает, прежде всего, диагонали. Тем не менее, " " в "Н" может быть поставлена на свое место как седьмая комбинация которая может играть роль поставленного в центре вышеприведенного рисунка "Я": наука в науке или наука науки. Только эта область душевной деятельности может быть направлена на самое себя. Не существует религии в религии и искусства в искусстве. Именно эту седьмую возможность постиг Рудольф Штейнер в восьмидесятых годах прошлого столетия, чтобы посредством ее воздать свое великое творение, призванное освободить душевную деятельность. Это произошло в его теоретико-познавательных работах, к которым мы обращаемся снова и снова. Это было деянием высшей свободы — поставить мышление на свою собственную почву и посредством этого создать / / . Это произошло в важный спиритуально-исторический момент времени. Если мы обратимся к завещанной Рудольфом Штейнером книге "Мой жизненный путь", мы увидим, что решающим для этого было происшедшее в 1879 году, т.е. когда Михаил снова вступил в духовное водительство временем. В третьей главе этой книги мы читаем: "Мои усилия в формировании естественно-

научных понятий привели меня, наконец, к тому чтобы в деятельности человеческого "я" видеть единственный исходный пункт для истинного познания. Если "я" действует и само созерцает эту деятельность, то духовно выступает в сознании в своей "непосредственности", тогда я говорю мне.

Большое значение имеет существо спиритуализма-исторического непосредственно постигать на таком важном месте, ибо дальнейшее афоризмы связаны с этим:

I03.

"В ходе развития человечества рост сознания происходит под руководством разворачивающихся мыслей. Первый этап сознания: здесь человек переживает мысли в своем "я", как одухотворенные, одушевленные, оживленные существа. На втором этапе человек переживает мысли в эфирном теле; они представляют только внутреннюю подвижность как отголосок душевного. На четвертом, совершенном этапе, человек переживает мысли в физическом теле; они представляют собой мертвые тени духовного."

I04.

"В той же мере, в какой выступает духовно-душевно-живое в мышлении человека, оживает собственная воля человека; становится возможной свобода."

I05.

"Задачей Михаила является, на орбите воли привести человека снова туда, откуда он пришел, поскольку он на орбите мышления спустился со своим земным сознанием от сверхчувственного опыта к чувственному."

_____ 0 0 0 _____

41. ДУХОВНОЕ ПРЕГРЕШЕНИЕ.

В связи с афоризмами I03 -- I05, Рудольф Штейнер продолжает сопроводительные письма, касающиеся миссии Михаила, на которую ссылается обзор 35. Переход от явлений, которыми мы занимались, начиная с обзора 35, происходит посредством следующего предложения, взятого из сопроводительного письма: "Мы будем видеть не в истинном свете проникновение импульса Михаила в человеческое развитие, если об отношении нового мира идей к природе образуем представления, которые сегодня являются общеупотребительными."

Снова находим мы такие указания, которые требуют морального в отношении к образу мыслей сегодняшнего естествознания. Уже в афоризме 7 Рудольф Штейнер указывал на односторонность естественно научного образа мышления; в афоризме 20 говорится о том, что новое познание природы "прогрешает"; в одном из сопроводительных писем, относящихся к афоризмам 35-37, звучит: "Многое зависит от того, чтобы познать посредством антропософии, как представления, которые человек приобретает благодаря взгляду на внешнюю природу, должны сдерживаться перед рассмотрением человека. В отношении этого требования прегрешает тот образ мышления, который установился в душе человека в ходе духовного развития последующих столетий."

Мы видим, что в отношении этого прегрешения должно быть установлено моральное, прежде чем такие области вступят в свои права, какие ранее определялись кармой, теперь господством Михаила. Это как раз подходит для предложенного нам в афоризмах I03-I05. рассмотрения нисхождения человеческого сознания под водительством разворачивающихся мыслей. Сопроводительное письмо Рудольфа

Штейнера к этим афоризмам предназначено дать ответ на один предельный вопрос: "Что испытывает человек в новых естественно-научных идеях?" Если мы хотим глубже проникнуть в эти взаимосвязи, мы должны исходить из предварительного вопроса: "Почему образ мыслей нового естествознания является прегрешением?"

Посредством "образа мышления, установившегося в душе человека в ходе духовного развития последних столетий", продолжая вышеприведенное место /сопроводительное письмо к афоризмам 35 - 37/, "привыкли мыслить законы природы; и посредством этих законов природы объяснять явления природы, воспринимаемые органами чувств". Это существенное указание на то, как человек, как творец своих мыслей, автономно мыслит закономерности, которые использует в качестве масштаба для познания явлений природы. Однако, "прежде всего, задачей мыслителей является показать, как образуются идеи, имеющие правильное отношение к существу природы." /сопроводительные письма к афоризмам 103-105/. Повторим это: В человеке есть автономно действующее духовное, из которого исходит исследователь современного естествознания. "Сегодня человек ощущает, что идеи образуются в нем посредством деятельности его души. У него появляется чувство, что он является производителем идей, тогда как извне в него проникают только восприятия" /то же сопроводительное письмо.

Если взять это за отправной пункт, можно найти бесчисленные примеры этому /см. например, механику, стр. 40 и 41 моей книги "Автономия философического сознания"/, то приходят к важнейшим выводам, которые открываются в тот момент, когда имеют дело с результатами рассмотрения человека как "явления природы". Отсюда видно, что мыслительные привычки нового сознания могут настолько

производить идеи, пока они вносят закономерности в минеральные явления. Но если взять как основу для рассмотрения человека только эти закономерности, то это будет не только логической невозможностью, но и реальным отрицанием истинных оснований естественно-научной закономерности, а именно в автономии мышления производимых идей, это будет отрицанием реального действующего в человеке духовного. Поэтому, при рассмотрении такого вида следует остановиться перед человеком; и для этого способа познания, открывающаяся органам чувств сторона существа человека /см. "Явления природы"/ должна являться как образ /см. также афоризм 16/.

Всё снова и снова следует изучать результаты, представленные Рудольфом Штейнером в его теоретико-познавательных работах, в его "Философии свободы" и во многих других местах. Ибо из них следует собственная задача современного сознания. Естественно-научный образ мышления слишком близорук. Путь, на котором эти идеи приводят к человеку, слишком короток. Когда приходит формирование естественно-научного образа мыслей, как показал Рудольф Штейнер вначале на примере Гётевского учения о метаморфозе, и затем в подробностях в курсах, циклах, книгах; тогда для самого естествоиспытателя выявляется отсюда истинная духовная образность. Как раз естествоиспытатель, в ходе своих исследований, может так познать себя, что он обнаруживает себя на пути к духовному видению, на пути к имажинации. Упустить это - является грехом в отношении духа, господствующего в современном человеке.

Переходим от теоретико-познавательного к моральному, как он проделал в "Философии свободы", мы занимались еще раньше /см. афоризм 12/. А в афоризмах 103-105 это снова представлено как

Переход от мышления к воле, но на этот раз исходя из спиритуальной истории человеческого сознания. Мы можем проникнуть в сущностно-спиритуальное этого развития, если мы проследим становление духовного прегрешения нашего современного сознания, в иначе организованных культурных ступенях прошлого, в связи с нашими рассмотрениями религии, искусства и науки.

В современном мышлении, чувствах и воле часто обманываются относительно их места как душевной деятельности, развивающейся между миром тела и миром духа. Так, например, сегодня ищут свободу в воле и связанности с природной закономерностью в мышлении. В отношении сегодняшней постановки вопроса о свободе, Рудольф Штейнер в "Философии свободы" дал решительные указания и показал, что при постановке этого вопроса следует начинать с мышления. Наши прежние рассмотрения ясно показывают, что свобода начинается в мышлении /за которым, однако, действует воля/, поскольку человек в мышлении может бодрствовать, воля же в человеке спит и поэтому остается духовно связанной /ср. обзор 10/. В смысле букв из языка души сознательной мы можем выразить это в афористичной форме: В воле господствует духовная связанность кармы; в мышлении заложено семя будущей судьбы.

Здесь, может быть, сделают возражение, что в прежних обзорах было сказано, что мышление ориентировано на прошлое, а воля - на будущее. Но здесь следует различать, что при прежнем рассмотрении речь шла о предмете мышления и воли, теперь же - о душевной деятельности мышления и воли. Кроме того, мы можем вспомнить о том, что в ходе развития мышление и воля меняются местами /Обзор 12/.

Будем снова исходить из того, что мышление природных закономерностей - это автономный акт человека, и с другой стороны, в афоризме 95 сказано, что в откровениях воли действует карма! Духовная связанность воли возвращает нас к третьей послеатлантической культуре, где для всей нашей послеатлантической эпохи повторяется то, что было заложено в прежние эпохи и планетарные фазы развития. Тогда, как мы видели /обзор 39/, человеческая воля из мистерий излилась в религиозную культуру. Тогда началось индивидуальное становление человека на физическом плане. Но поскольку божественное не могло больше действовать в человеке непосредственно, он в своем религиозном опыте, признавал себя как сына своего отца. Богосыновство - это истинное содержание всех древних религиозных форм, действующих еще и по сей день. Тогда образовались величественные образы отделения человека от Бога-Отца. Это образы грехопадения. Это было падение в познание добра и зла. Волево, моральное этого явления должно быть не поставлено в вину не только человеку, но и искушавшим духовным существам. Богосыновство это - религиозное, господствующее в воле человека. Грех в отношении Отца исходит от Люцифера и распространяется на всё человечество в целом.

Следующим шагом является тот, который чувства человека выделает из духовных связей. Хотя здесь и возникает культура искусства, но также больше уже не божественная, но человеческая. Здесь начинается самосознание человека и его отделенность от Бога. Человек не может больше держаться богосыновства; люди становятся детьми Люцифера, как это волнующе представлено Рудольфом Штейнером в его цикле 9, в восьмой лекции. Тогда Христос, как Сын Бога, со всей полнотой богосыновства низошел в одно отдельное тело человека. Благодаря этому он стал великим человеческим братом,

поскольку он полную божественность привел к откровению в отдельном человеческом теле. Это откровение, как историческое событие, обращается к решению человеческого чувства. Здесь решение как ДА и НЕТ падает на отдельного человека; это может действовать на протяжении многих земных жизней. Дело жизни Христа дает каждому отдельному человеку свободу, но прегрешение отдельного человека касается всего человечества. Браство Христа ищет душу в чувствах, он суть действующее в чувствах религиозное.

Третий шаг — это выход мышления человека из-под божественного руководства. Это действует в нашу эпоху. Здесь божественное должно стать действенным в каждом человеке. Поэтому путь мышления во времена, начиная с мистерии Голгофы, мы можем определить как поиски Святого Духа. Но это путь отдельного человека в области, в которых освобождается мышление человека, и это область ответственности человека, за то, что он при этом делаем. Решение происходит в царстве Аримана: здесь может держаться человек только результатов полностью сознательных суждений. Отрицание Духа в отдельном человеке, прегрешение современного естественно-научного образа мыслей и привычка к материализму, не только как к мировоззрению, но и как к душевному содержанию — это грех в отношении Святого Духа. Он не прощается, поскольку человек направляет его на себя, но он действует обратным разрушающим образом на духовный мир и его существа.

Рудольф Штейнер указывает путь истинного самопознания, направленный против духовного прегрешения. Он ведет человека, в самом себя постигаемом и понимаемом мышлении, к господствующему Духу нашего времени. Это общность в духе Михаила — религиозное, господствующее в мышлении человека.

42. СПИРИТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ.

Спиритуальная история — это господство духовных существ в последовательно сменяющихся друг друга эпохах; человеческая история и факты развития человеческого существа являются только ее откровением. Как чувственное восприятие человеческого существа, так и внешняя история должны стать для нас только образом.

Рассматривая последний обзор как предварительное упражнение для мощно разворачивающихся спиритуально-исторических исследований Рудольфа Штейнера, мы можем иметь переживание, что наша душа, если мы воспитаем в себе благоговение перед этим откровением, что наша душа чувствует себя втянутой в область этих спиритуально-исторических явлений, и отсюда возникает обязанность, в собственном внутреннем облике этих исследований последовать призыву духовного мира к участию в этих спиритуально-исторических явлениях.

Мышление, чувства и воля, из-под духовного руководства, последовательно были излиты для деятельности в земном мире. В послетлантическое время сознание человека связало себя с мышлением, которое в конце концов и сильнее всего освободилось от связанности с духовным. Поскольку в связи с афоризмами I03-I05 речь идет о нисхождении сознания "под руководством разворачивающегося мышления", то мы должны последовательно культур пройти в обратном направлении порядке, и мы образуем представления о том, как мышление следует искать во всё более высших мирах по мере того, как мы движемся по культурным циклам в обратном направлении.

Если мы используем обозначения, вычканные Рудольфом Штейнером для высших миров, мы можем сказать, что мышление в праперсидской культуре простиралось в сверхдуховный мир, в египетско-халдейской культуре достаточно духовного мира.

В греко-латинское время оно открывалось в элементарном мире, и в наше время оно достигло физического мира. В то же время это было путем и судьбой духовных существ. Человеку это трудно сегодня понять, поскольку он находится в конце этого развития и живет в теневых мыслях, производителем которых считает себя. В этих теневых обликах человек замкнулся от общества духовных существ, поскольку только человеческое "я" может переживать себя в физическом теле.

Когда мы слушаем рассказы прежних времен, то мы можем из них многое узнать; только мы должны принимать их всерьез и не считая что прежними рассказчиками также много наврано и нафантазировано, как и теперешними. Из древних времен доносится к нам стремление к сверхдуховному миру и к существу "Софии". С такой высоты открывается это существо, вплоть до времен древних гностиков, как источник всякой мудрости. Это может дать нам определенное представление о том, каковы были мысли еще в сверхдуховном мире. Если мы обратимся к позднему времени, то найдем, например "Утешение философии" Бэтиуса, благородного человека, который Геодечиком Великим /Дитрихом из Бёрна/ был несправедливо брошен в темницу. Там заключенный пишет, как философия явилась к нему как некое существо, чтобы утешить его в его нужде. Эта беседа является настоящим духовным разговором, истинной инспирацией. Так мы ссылаемся на духовный мир, из которого рождено это существо философия. Скорее на элементарный мир указывает явление Существа Природы, с ее свитой — семью свободными искусстваами.

Посредством еоткровения рождаются образные миры, имажинации Данте. Относительно этого Рудольф Штейнер, в откровениях плодотворнейшего последнего года своей жизни, дал удивительные описания. Так, можем мы приблизиться к нисхождению мышления как к

к сущему явлению, в особенности, если мы вспомним о том, что мышление человека происходит от существ третьей иерархии /афоризм 66/. В 21 цикле лекций Рудольф Штейнер много говорил о взаимосвязях духовных существ, так что можно говорить об отношении потомства.

Так, например, существуют потомки третьей иерархии. Это элементарные существа, которых еще посещали серьезных алхимиков. В каком сущем-живом отношении стояли люди прежних времен к мыслям! В пятой лекции 32 цикла Рудольф Штейнер говорит также об элементарных существах, которые происходят от человека. Было бы не так трудно ощутить этих существ в связи с мыслительной жизнью; так, в обзоре II мы говорили о таких существах, которые в ассоциативном потоке представлений становятся всё более и более демоническими.

От всех этих сущих явлений человек несет в себе рудиментарный остаток, с которым можно связаться в сознании, если мы хотим принять участие в спиритуальной истории. Мы могли бы здесь взять за исходный пункт наш обзор 18, в котором показана необходимость и возможность категории Аристотеля освободить посредством антропософии. Из исследований Рудольфа Штейнера мы знаем, что Аристотель стоит на важнейшем поворотном пункте истории сознания человечества. Он познал порог, через который человек, со своей мыслительной жизнью, должен перейти от древней связи с богами к его теперешнему состоянию отделенности от богов; в своей логике он создал формы, в которых наподобии космического воспоминания, могли бы отражаться исчезнувшие сущие мысли; он отразил формы своей логики, и сегодня настало время разбить это зеркало. Мы попытаемся проследить этапы нисхождения мысли в отдельных формах логики Аристотеля, чтобы благодаря этому соединиться с собственными рудиментарными остатками древних спиритуальных явлений.

В сопроводительном письме к афоризмам 103-105 Рудольф Штейнер дал вводное описание нисхождения сознания: человек "в древности ощущал содержание идей не как нечто само-довлеющее, но как нечто поддерживаемое вдохновением из духовного мира."

"Это чувство развивалось по ступеням. И ступень, на которой оно находилось, зависела от того, какой частью своего существа человек испытывал то, что сегодня он называет своей идеей." "Можно обратиться к тем временам, когда мысли испытывались непосредственно в "я". Тогда они были не просто такими теньными как сегодня; они были не просто оживленными; они были одушевленными и одухотворенными. Но это означает, что человек не мыслил мысли, но переживал восприятие конкретных духовных существ." "Иначе обстояло дело на втором этапе сознания. Тогда конкретные духовные существа открылись; их отблеск проявлялся как одушевленная жизнь, Это была та ступень, когда мыслительное испытывалось уже не в "я", а в астральном теле." "Третья эпоха развития сознания приводит оживления мысли к сознанию в эфирном теле." "Если грек мыслил, то он образовывал в себе не такую мысль, посредством которой он, как с помощью собственного образования, рассматривал мир; но он чувствовал как в нем возбуждалась жизнь, которая пульсировала также во внешних вещах и представлениях." "Когда мысли достигали физического тела, из их тела были удалены дух, душа и жизнь, остались абстрактные тени, закрепленные в физическом теле."

Логика Аристотеля, которая почти без изменений имеет значение и по сей день, различает учение о понятии, учение о суждении и учение о выводе. Сюда добавляются еще некоторые принципы или основоположения, такие как основоположение об идентичности, противоречия и т.п. Элементами логического мышления являются по-

нятия. Несколько понятий собираются в суждения, причем связь их также является определенным понятием, которое называется категорией. Из суждения снова составляются выводы, и способ их соединения также является определенным понятием, обозначающим различные формы вывода. "Закономерности", представленные в логике, суть ни что иное, как описание процессов, проходящих в мышлении, они обнаруживают себя как факты сознания. Эти факты указывают на процессы, проходящие при развитии человеческого сознания.

Рассмотрим, прежде всего, понятия. Это определенные образования, которые сегодняшние логики и вообще ученые хотели бы определить практически; они пытаются резко разграничить между собой понятия. Тогда как идеи Платона имели свободный, подвижный характер, в том, что названо по Аристотелю понятиями, представляют собой мысле-формы. Разграничение таких форм друг от друга дает понятиям, хотя в современно-абстрактном виде, отчетливо познаваемый я-характер; здесь есть нечто застывшее в абстрактной форме, о которой можно иметь представление, что оно в древние эпохи сознания еще испытывалось как существо. Посредством того, что в логике названо понятием, представлен первый этап развития сознания, когда мысль еще была соединена с "я". Понятие еще сегодня имеет я-характер. Это проявляется, если медитативно погрузиться в существо понятия. Нужно пытаться от систем и структур понятий подняться к последнему, высшему, обобщенному понятию, тогда в этом понятии отщется всё понятийное, понятие понятий - существо, а именно абсолютное или чистое "я", как это было показано в другой связи /см. мою книгу "Анатомия философского сознания" и обзоры 7 и 9 /.

Если мы обратимся к суждениям, то в них представлено в абстрактной форме то, что производится душевным. Наивысшим образом реагируем мы на возбуждения, приходящие из мира посредством

ощущения, чувств, побуждения, страсти. Это поле деятельности астрального тела. Как сознание астрального тела связано с суждениями, следует уже из обзоров I3 и I4, а именно, с сылкой на состояние после смерти. Мы видели как сознание астрального тела протекает в суждениях и как после смерти оно узнается в становлении осуждения. Так, в суждении мы имеем представленным второй этап развития сознания, когда человек испытывает мысли в астральном теле. Конечно, эти вещи могут быть здесь только помечены, но из этого может возникнуть ощущение, что посредством антропософии возможна духовно-ориентировочная логика.

"На третьем этапе человек испытывает мысли в эфирном теле." Нетрудно усмотреть, что мысле-формы, которыми представлен в логике Аристотеля этот этап, это логический вывод. Он представляет образы последовательного движения мышления; это как бы живой процесс, хотя бы и в абстрактном отражении, как из двух суждений вырастает третье. Всё это вместе можно выразить в другой форме. В выводе проявляется тень имагинации /эфирное тело/, в суждении - тень инспирации /астральное тело/, в понятии - тень интуиции /Я/.

Остался четвертый этап, представленный так называемыми основоположениями логики, и в особенности основоположение идентичности, которое имеет пространственный характер /см. вышеупомянутую книгу/. Благодаря этому мышление приковано к физическому телу.

Такие рассмотрения могут быть пригодны для того, чтобы ближе познакомиться с миссией Михаила.

43. СВОБОДНАЯ И СВЯЗАННАЯ МЫСЛЬ, НЕ ТОЛЬКО ИНТЕРМЕДИЯ.

Антропософия - это путь, который ведет от мысли связанной к свободной. Вначале развертывающаяся в человеке мысль является связанной физически с мозгом. Но уже последний обзор показывает, что мысль не производится мозгом, но лишь отражается в нем. Нужно только научиться отличать содержание мысли от способа её проявления. Последнее субъективно в двойном смысле, а именно, с точки зрения организации, с другой стороны, с точки зрения душевной деятельности: способ, которым я могу вызвать познаваемую мной мысль, принадлежит мне, но содержание находится в духовном, по ту сторону субъекта и объекта /обзор I0/. Теперь же также и содержание мысли является связанным, оно связано с историей нисхождения мысли, и в соответствии со спиритуальной историей человечества ее содержание дано духовными существами, и их деятельность скрывается за формами понятия, суждения, заключения /обзор #2/.

Снова поднимается вопрос, с полным ли правом человек считает себя творцом в отношении своих мыслей, или это только иллюзия. Это вопрос высокой познавательной ценности, имеющий большую важность именно для стремящегося к антропософии, ибо от этого зависит, существуют ли вообще мысли, и тем самым, свобода вообще. Ради этого вопроса Рудольф Штейнер написал свою "Философию Свободы". В первой части он рассматривает мысли более как феномен, но во второй части он показывает путь, на котором достигается творческий элемент мышления; это моральное. Это путь испытания души. Это показывает Рудольф Штейнер в своем жизненном пути, который мы можем рассматривать с такой точки зрения, как он

взращивал в человечестве свободные мысли, и именно на всех областях мыслительной деятельности. Его наградой было глубокое одиночество.

Такое одиночество выступает на тропе познания как испытание души и является верным признаком того, что человек является творцом своих мыслей. Рассмотрим как мысли, в своем содержании, привязаны к временному развитию, народу, языку, традиции, ассоциации /мыслительной привычке/ к собственным воспоминаниям отдельного человека. С таким способом мышления существенно связана наша жизнь, особенно в социальном отношении, тот кто действительно ищет свободные мысли, шаг за шагом освобождается от этих связей: это в отдельном человеке повторяется трагедия человечества, связанная с выходом из-под водительства божественного. Не случайно путь посвящения приведен в символические отношения с тем, что мы назвали спиритизмальной историей.

Если мы хотим упражняться приблизиться к свободным мыслям, то мы должны последовательно удалять из своего сознания то, что связывает мысли. Это ведет к состоянию медитации /обзор 4/. Но в то же время, это точка, в которой мышление стоит неподвижно. Легче мыслить, чем остановить мышление. Мысли становятся свободными, когда мышление остановилось. Это нужно воспринять вполне серьезно, что рассудок останавливается. В этой точке мышление обертывается волей, и ставшие свободными мысли, открываются как моральность.

Но если таким образом освободить мысли от связанности, тогда отказываются служить, бывшие до сих пор подпорки, в особенности моральной жизни, основанные на традиции, воспитании и т.д. сюда относится также обычный опыт истинности. На этом пороге многие

возвращаются обратно, к связанным мыслям, даже если он знаком с антропософией. Нынешнее человечество пронизывает страх перед свободными мыслями. Боятся не только того, чтобы увидеть себя со сломанными подпорками, но испытывают страх также перед тем, что свободные мысли проявляются в других.

Рудольф Штейнер часто говорил о материализации как о феномене страха. Современное естествознание, в действительности, из временно развития усвоило кое-что из свободных мыслей; оно должно быть великой школой свободных мыслей; поэтому Рудольф Штейнер считает такой ценной его методическую сторону. По своему существу она разделяется с традициями прежней духовной жизни. Однако, ее свобода, — отсутствие предположений — часто одна лишь иллюзия.

Рудольф Штейнер часто указывал на связь естествознания с консилиумом в Константинополе /обзор II/. Страх перед господством свободных мыслей в естественно-научном методе проявляют естествоиспытатели как раз там, где они являются материалистами. Традиционное божественное сознание у них исчезло; зато на его месте воцарился фетиш, идол; это абстрактно-мыслительные атомы, электроны или вещь в себе, материя, энергия и т.д.

Вступление в свободные мысли связано с опасностью. На это всегда указывает Рудольф Штейнер, когда он говорит о тропе познания. Страх перед этой опасностью, который действует часто бессознательно, побуждает многих стремиться к антропософии, либо заключить компромисс со старой связанностью мыслей, либо можно толковать антропософию для себя и других как связь мыслей. Отсюда возникают необоснованные требования к вере в авторитет в области антропософии, от которого настойчиво предостерегал Рудольф Штейнер. С какой ясностью он говорил: " Вы должны не верить моим словам, но мыслить, т.е. сделать их предметом вашего мышления."

В своем произведении "Загадки философии" Рудольф Штейнер указывает на путь развития человечества. Но этот путь нельзя прочесть в мыслительном содержании истории философии; ибо многие философские проблемы и возможности их разрешения выступили уже содержательным образом в древней Греции. Тем не менее, мысли тех времен следует рассматривать как связанные, поскольку их созерцали. Мысли чувствовали в области восприятия. Восприятия и созерцания допускают их перенос, и по праву, устанавливают авторитет того, кто сам созерцал. Но поскольку созерцавшие в древние времена люди исчезли, они были переняты традицией и переданы вере. Содержание веры первоначально было созерцанием, и это относится не только к греческим мыслям, но в гораздо большей степени, религиозному содержанию еще более древних времен. Всякое испытанное откровение так сообщалось, что то, что было воспринято, начиналось формулой: "Я это видел", хотя бы это и выражалось другими словами. Проблема "Веры и знания" редуцировалась благодаря этому в противоположность созерцания и мышления в "Философии свободы". Для сегодняшнего сознания вера, и тем самым авторитет, опирается на наблюдение, а именно, в поле как чувственного, так и сверхчувственного исследования; но в области мышления изложение и определение наблюдаемых фактов — это собственная деятельность отдельного человека, решаемое внутренней активностью последнего. /Более подробное изложение смотреть в часто мной упоминаемой книге "Автономия философствующего сознания"./

Рудольф Штейнер принес в мир антропософию, поскольку в ней нуждался человеческий прогресс; она действует среди людей как

импульс свободных мыслей, хотя бы этот импульс и был воспринят только в малой мере. У многих людей, особенно много возраста, становится это часто моментом переживания судьбы, когда традиционный образ мира разрушается, и переживание одиночества часто кончается триггически. Это ведет к стремлению к новому обществу ищущих знания, как это представил Рудольф Штейнер в лекциях в январе 1923 года. В стремлении к общественному познанию может быть преодолен страх перед одиночеством, а также опасность компромисса со связанными мыслями.

В таком обществе Рудольф Штейнер говорил то, что он давал как результат сверхчувственного исследования спиритуальной стороны этого мирового явления. Люцифер осуществляет миссию привести человека к свободе. Здесь действует он правильно, но этот импульс он дал человеку преждевременно, поскольку он обещал ему добра, знание добра и зла. Теперь это знание должен требовать для себя человек. Оно достигается превращением свободных мыслей в моральность. Не бежать должен человек от Люцифера, но противостоять ему. Средство, предлагаемое для этого Рудольфом Штейнером, это сильное и свободное моральное неведение, иначе он остается при обломках морали данной богами. Но если свободная мысль воспринимается только инстинктивно, как в современном естествознании, тогда плоды достаются Ариману.

И снова Рудольф Штейнер дает средство для противостояния Ариману: это отчетливое, ясное, чистое мышление; например, если додумать до конца естественно-научные мысли и не впасть в духовное прегрешение /обзор 41/. Это мировая борьба, разрушающаяся вокруг свободных и связанных мыслей; она ведется вокруг человеческой души и скрывается за всевозможными явлениями, за которыми

ее нелегко распознать. Поэтому чрезвычайно важно проследить эту борьбу там, где к взаимодействиям людей между собой добавляется откровение духовных мыслей.

Это нашло потрясающее выражение в стихотворных мистериях Рудольфа Штейнера. Мы можем привести здесь только отдельные указания: Иоганнес Томазиус в определенный момент времени попадает под воздействие Люцифера. Вследствие этого он оказывается в состоянии написать научный труд, о котором он должен узнать, что плоды его должны достаться Ариману. Иоганнес не в состоянии найти в себе моральные силы уклониться от руководства Люцифера. Мария же не подпадает под власть Аримана, который с поистине дьявольской интеллектуальностью хочет представить опыт прежних земных жизней как фокусничество Бенедиктуса. Мария проявляет мыслительную силу, отражая нападение собственным оружием Аримана. Затем она превращает, ставшие таким образом свободными мысли, в мощное жертвенное деяние, в моральную силу, которая помогает защитить Иоганнеса от Люцифера.

Антропософия существует в мире и действует среди людей. Приведет ли это действие к добру или к худому, — зависит от самого человека. Мы указывали уже однажды на то, что творение Рудольфа Штейнера может быть повернуто и ко злу, если человек не будет бодрствовать /обзор I6/. Если антропософия сама будет превращена в мыслительную систему, тогда миссия Михаила не достигнет цели. То, что выражено в афоризме IO5, указывает на путь от свободных мыслей к моральному. Если миссия Михаила будет воспринята в свободные мысли, "оживленные мысли склонятся к душам и духам сверхчувственных миров."

0 0 0

44. НОВЫЙ МИФ.

Когда мы бодрствующим сознанием всё снова воспринимаем истинные творения наподобие афоризмов Рудольфа Штейнера, нам открываются всё новые чудеса. Нередко чувства задерживаются на каком-нибудь слове или обороте речи, и из них могут расцвести бесконечные ряды образов антропософской музности. Так может это представиться каждому в своем виде, поэтому и в этих обсуждениях из неисчерпаемого мы можем извлечь только отдельные детали для побуждения и примера.

Было бы неплохо нечто сказать о сопроводительных письмах к афоризмам, которые Рудольф Штейнер сам дал для представления содержания афоризмов. В настоящее время эти сопроводительные письма еще не изданы, поэтому на них невозможно сослаться и в этих рассуждениях. Едва ли возможно также поставить целью дать какие-либо особые объяснения к письмам, поскольку они сами не ограничены содержанием афоризмов, будет лучше их тексту, если он доступен, предоставить как таковому действовать на себя. Тем не менее, нужно и оправданно цитировать отдельные предложения, как мы это уже делали, и примерно указывать на их содержание. Здесь, прежде всего, должны быть отмечены отдельные черты сопроводительных писем, касающиеся миссии Михаила, которые затем могут быть найдены в отдельных группах афоризмов.

"Если человек оглянется на путь своего развития, и при этом сделает предметом рассмотрения особое своеобразие, которое в течение пяти последних столетий приняла духовная жизнь, то уже в обычном сознании, хотя бы в смутном предчувствии, он должен познать, что он, начиная с этого времени находясь в зачаточном пункте поворота всего земного развития человечества." /сопроводительное письмо к афоризмам IO6-IO8/.

Если мы постигнет это в его значении, то снова выступит то, что ранее /обзор 42/ мы называли втягиванием человека в спиритуальную историю. Но это означает опереживание того, что в истинном смысле является мифом. Взаимодействие друг с другом человеческого и божественного. Но здесь дело идет о кардинальном отличии от старых мифов. Это отличие должно быть отграничено поворотным пунктом нашего времени; ибо новый миф живет свободными мыслями. Он не только будет повторять образы древнего видения и, может быть, уточнять их /против этого, естественно, ничего не может быть сказано/, но Рудольф Штейнер, создатель этого мифа, сам является зрителем и исследователем этих, действующих в настоящем и будущем, человеческих и божественных событий. Его действие — это не действие древних времен, где на место божественных деяний на земле наступало выступало истечение из божественного бытия мудрости на человека, но он работает, исходя от земного, из одиночества, посредством свободных мыслей, вработываясь в области иерархий. Сюда относится и то посвящение, которое для нынешней эпохи должно исходить от земного, как раз в продолжение и развитие естественно-научной методологии. Эту методическую сторону мы называем сегодня человеческой интеллектуальностью; это отражение в следующих афоризмах:

106.

"Михаил проходит вверх тот самый путь, который человеческое прошлое по ступеням духовного развития вниз до способности интеллектуальной деятельности. Теперь Михаил будет вести волю вверх по той орбите, по которой мудрость прошла вниз до ее последней ступени — интеллигенции."

107.

"Так как Михаил, начиная с этого момента мирового развития, просто указывает на свой путь, человек может следовать за ним в свободе, это отличает нынешнее водительство Михаила от всех прежних водительств Архангелов, включая и само прежнее водительство Михаила. Эти водительства действовали в человеке; они не просто показывали свое действие, поэтому человек не мог быть свободным в своем действии."

108.

"Осознать это является современной задачей человека, чтобы со всей своей душой в целом он мог найти свой духовный путь в эпоху Михаила."

Интеллигенция — это последняя ступень при нисхождении мудрости. Если она одержит победу в сторону духовной действительности, то она вступит на путь воли. Это — путь Михаила. Чтобы человек "со всей своей душой в целом мог найти свой духовный путь в эпоху Михаила", он должен нечто "осознать." Требуется понимание, и именно для значения поворотного временного пункта; ибо истинное понимание включает волю в интеллигенцию отдельного человека. Слепая воля и абстрактная интеллигенция противоречат нашему времени; открытому духовному взгляду они предстают в виде существ; Рудольф Штейнер описывает их как Люцифера и Аримана. Осознание приводит к сглаживанию общих сил, и здесь возникает новый элемент, который может захватить всего человека. Это опять же, свободная мысль. Это выражено в афоризме 107. Всё снова и снова апеллирует Рудольф Штейнер к такому осознанию. Сравнить, например, следующее место из сопроводительного письма к афориз-

мам IO9-III: "Те люди, которые созерцают следующий после видимого мира сверхчувственный мир, воспринимают ... Михаила и его свиту, в том, что они могут сделать для человека. Такие люди видят, как человек в свободе, посредством образа Михаила в Аримановой сфере, может быть приведен от Аримана к Христу. Если он достигнет того, чтобы такой человек посредством своего видения открыл сердца и чувства других людей, чтобы некоторый круг людей узнал, как ныне Михаил живет среди людей, "тогда человечество начнет с истинным содержанием праздновать праздник Михаила..." Также и здесь дается осознание, которое открывает сердце и возбуждает чувство /обзор 34/; ибо это чувство может привести к свободному сопереживанию великого нового мифа.

Подумайте, что означает, данное Рудольфом Штейнером заглавие одному из сопроводительных писем: "Опыт и переживание Михаила во время исполнения им своей космической миссии." При таких сообщениях можно задуматься о пути Рудольфа Штейнера в сферу Михаила; И можно составить себе новое представление о том, что означает в смысле древнего мифа, когда человек принимается в совет богов. Это не только созерцание божественных явлений, но и участие в них. Здесь звучат исполненные значения слова из драмы-мистерии Р. Штейнера. В удивительном мифе, который Бенедиктус открывает Марии относительно ее собственного существа /"Врата Посвящения", 3 картина/, он начинает со слов:

"Как на душевной тропе пилигримма

Достиг я той ступени,

Которая дала мне достоинство

Служить своим советом в духовных сферах..."

То, что здесь высказано, это не древнее видение, но действительное соучастие в мировом повороте; Рудольф Штейнер указывает на "члены узла сплетения судеб, в котором божественные деяния сплетены с человеческими жизнями." Двойственно говорит это нашим чувствам. Если мы глядим на образ Марии, то на потрясающем примере показано нам, как человеческое существо участвует в спиритуальной истории посредством реальной связи духовного существа с судьбой человека в истинном мифе. При этом всё определяется тем, что Иоганнес Томазиус, присутствующий при этом откровении, всё что происходит при этом, с более глубоким опытом мудрости, чем ему это позволило бы его обычное сознание, воспринимает таким образом, что в нем развивается действительное "осознание". При этом слово "осознание" / /, должно восприниматься более буквально, чем это принято в обычной речи.

Но обратим наше внимание, в этом месте, на Бенедиктуса. Здесь перед нами посвященный, который высоко поднялся над человеческой сферой, в которой он предстоит обычному сознанию. Также и здесь развертывается осознание, например, того, что исследование в высших духовных областях, царствах существ высшей иерархии, означает не пассивное восприятие фактов, но активное содействие в духовных явлениях.

Чувства относительно власти такого посвященного, быть может, открывают в нас новое осознание миссии Михаила. Если мы узнаем, как через действие вонов он сопровождает человеческое становление и окружает его заботой, вплоть до великого становления свободы, то сможем овладеть мыслью, что среди духовных существ также "есть посвященные, т.е. существа, которые стоят не только в ряду их иерархии, но возвышаются через все иерархии как советники,

как носители определенной миссии. В цикле 4, в 9 лекции Рудольф Штейнер говорит: "Давайте направим наш взгляд на то, что человек в те времена /атлантические/, исходя из собственного опыта, был уверен, что следом за человеческим царством, к которому он сам принадлежал, вверх простираются другие царства: царство Ангелов, Архангелов..." "Теперь нам нужно мир представить градуированным; мы должны подумать о том, что в тонности также как в животном и человеческом царствах есть все возможные градации существ, так же и в царствах существ, превышающих человека, есть разнообразные градации. Так, в царстве Ангелов есть существа, стоящие в непосредственной близости к человеку, а также такие, которые стоят на более высокой ступени..."

И еще иное следует добавить. В цикле 13, в седьмой лекции находим: "Со времени атлантической катастрофы.. мы живем в эпоху, когда определенные архангельские существа... поднялись в иерархию Архаев или Духов Времени." Также и в другой связи мы слышим, что существа определенных иерархий поднялись к службе на более высоких областях должностях. Тем самым опять связываются эпохи человеческих событий.

Теперь встает великий вопрос, как отдельный человек в наше время должен вести себя в свете такого знания этих событий. Помимо внутреннего сердечного участия в таких представлениях Рудольфа Штейнера, открывается индивидуальный путь познания к собственному "осознанию" духовного мира и процессов, проходящих в нем. Но на каждом шаге идущего по этому пути, возвышаются колоссальные, настоятельно требующие разрешения, загадки человеческой индивидуальности.

45. ЗАГАДКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ.

Последняя ступень мудрости на нисходящей орбите -- это человеческая интеллектуальность. Это предложение соответственно афоризму IO6, ставит перед нами великую загадку человека. Следует попытаться когда-нибудь схоластически подступиться к таким сложным понятиям, как их постоянно употребляет Рудольф Штейнер в связи с афоризмами и сопроводительными письмами: мудрость, знание, осознание, свободная мысль, идейный порядок, интеллигенция, интеллект, интеллектуальность и т.п. Но это суть понятийные формы для важнейших явлений, в которых непосредственно человеческий опыт с такой мощью силы суждения обращается со всеми наблюдениями Михаила и его миссии. Ведь вопрос, которым заканчивается последний обзор, каково значение человеческой индивидуальности, действует как сильнейшее переживание судьбы. Так можно попытаться вышеприведенные понятия заключить в афоризмы, чтобы достичь лучшего обзора основных загадок.

В дальнейшем изложении указывается на душевную силу, которая в наше время действует как сила интеллигенции. Тем самым имеется в виду нечто сущее. Интеллигенция -- суть нечто сущее. Это сущее сегодня находится у самого человека; но то, что интеллигенции высшего порядка в прежние эпохи создавали в человеке, вследствие этого погибло. "Тем самым он был ввергнут в сферу Аримановой духовности". В ней замерла божественная духовность для себя. в абстрактной интеллектуальной сущности человека / и при ложном ее употреблении в интеллектуализме!/. Интеллектуальная сущность / / человека -- это способ выражения который Рудольф Штейнер употребил в связи с афоризмом IO6-IO8;

в областях, где божественная духовность замерла, ее представителем является Ариман. Человек в этой области принадлежит его свите; это отчетливо видно из сопроводительного письма к этим афоризмам. Тем самым мы ближе подошли к решению вопроса человеческой индивидуальности; ибо замирание божественного существа в человеке — это ее предпосылка и свобода. Пока божественное существо действует в человеке, он не имеет никакой индивидуальности и свободы. Присоединим сюда следующие афоризмы.

I09.

"Истинное осознание деятельности Михаила в духовных мировых взаимосвязях, означает решение загадки человеческой свободы, исходя из космических взаимосвязей, поскольку решение необходимо земному человеку."

I10.

"Ибо 'свобода' — это факт, непосредственно данный каждому человеку, который сам себя понимает в современном отрезке человеческого развития. Никто не может сказать, если только он не пытается отрицать очевидного факта, что 'свободы' нет. Но можно найти противоречие между фактическим данным и событиями в космосе. При рассмотрении миссии Михаила в космосе, это противоречие отпадает."

III.

"В моей 'Философии свободы' находится доказательство 'свободы' человеческого существа в современную мировую эпоху, как содержание сознания; В даваемом здесь представлении миссии Михаила, находит становление свободы космическое обоснование."

В сфере Аримана человек находит Христа. Возможность выбора между Христом и Ариманом, Михаил показывает своим образом, но не посредством принуждения. Этот выбор может произойти только посредством осознания, поскольку Михаил предлагает человеку свободные мысли; это первое свободное решение человека также в отношении космических влияний. Дитя этого осознания — антропософия.

В сопроводительном письме к вышеприведенным афоризмам I09—III, человеческая индивидуальность охарактеризована словами: Собственное употребление мыслей /смo обзор 44/. Затем, в этом письме очень часто встречается выражение "идейный порядок". В силах, которые первоначально струились через космос в идейном порядке, действует Михаил. Эти силы называются космической интеллектуальностью. Собственная человеческая индивидуальность интеллектуальность посредством концентрации в человеке действующей через космос интеллигенции. Универсальное стало индивидуальным, но это стоит в противоречии с его первоначальным существом. Здесь вмешиваются Аримановы существа, они не хотят никакой индивидуальной интеллигенции, но только их собственной, универсальной. Михаил борется с Ариманом за человека.

Если мы, таким образом, рассмотрим явление Христа в отдельном человеческом теле, то найдем в следующем сопроводительном письме следующее: "Он /Христос/ вступил в мир с интеллектуальностью такой, какая может жить только в божественно-духовном, как она в своем существо еще образовывала Космос."

Тем самым выражено исключительно важное; в этой связи мы хотим, при взгляде на задачу человеческой индивидуальности, подтвердить это посредством Христа и жизнь снова внести в сферу смерти: это новый аспект преодоления смерти. Но это всё более

Это решающее переживание, из которого только и может исходить в наше время духовное рождение. Как постепенно это подготавливалось со времен схоластики, можно найти также в представлениях Рудольфа Штейнера в его книге "Христианство как мистический факт" или в книге "Мистика в начальной духовной жизни нового времени и ее отношение к современным мировоззрениям," где показано как методическое сегодняшнего естествознания ориентировано в направлении этого развития. Без этого решающего опыта Аверроэс еще сохраняет свои права!

Да, дело обстоит даже так, что сегодняшний человек в какой-либо форме своего сознания должен пройти через феномен Аверроэса, прежде чем он сможет достигнуть нового духовного рождения свободных мыслей. Исторически-мировая борьба между Фомой Аквинским и Аверроэсом повторяется сегодня в душе каждого человека.

Мы должны перейти к вопросу: Что собой представляет основной феномен Аверроэса?

— 0 0 0 —

46. АВЕРРОЭС И ПРЕОДОЛЕНИЕ ЕГО В НАШЕ ВРЕМЯ.

Чтобы понять колоссальное значение названного нами основного феномена Аверроэса для философской борьбы, которая с огромной силой велась в Средние века, мы должны подумать о том, что в те времена наблюдалось большое различие между составом человеческого сознания и сознанием об этом. Эти различия глубоко укореняются в душевной жизни и являются решающими для великими вопросами жизни, например, для вопроса продолжения жизни после смерти, но также для позиции в отношении мистерии Голгофы. Также и сегодня является важным обсуждение этих вопросов, поскольку результатом этой борьбы явилось развитие современного сознания, так что, они могут на основе нашей души дать дальнейшее развитие /см. обзор 45/. Конечно, эта борьба принимает другие формы, поэтому происхождение этой борьбы не может быть понято без затруднений.

Ставшая популярной философская проблема гласит: "Если бы я был королем и не знал бы об этом, какая была бы в этом для меня польза?" Этот вопрос может быть поставлен по-разному: если я бессмертен и не знаю об этом, что пользы мне в этом? Или: Какое значение имеет для меня, что позади меня лежат прежние мои земные жизни и я ничего не помню о них? Ясно, что хотя и можно обратить внимание человека на факты человеческого сознания, но для внутреннего свидетельства таких фактов необходима самостоятельность этого отдельного сознания. К числу важнейших переживаний сознания относится логика. Она выступает с претензией на безусловную истинность и в этой безусловности или абсолютности лежит суть основного феномена Аверроэса. Он состоит в том, что мышление имеет универсальный характер, так что его содержание

в своей истинности, не зависит от способа, которым оно приходит к откровению после сознания.

Здесь речь идет о первом духовном опыте обычного сознания, который отчетливо возвышается среди субъективной душевной жизни, как лежащее по ту сторону субъективного и объективного /как абсолютное/. Мы, в нашей работе, часто встречали эту форму основного феномена Аверроэса, например, в обзоре IO; а также речь шла об этом в начале обзора 43.

Рудольф Штейнер всё снова с большой убедительностью указывал в своих произведениях на этот феномен; в особенности в своей "Философии свободы" /5 глава/: "Наше мышление не настолько индивидуализировано как ощущения и чувства. Они универсальны... Треугольник имеет только одно единственное понятие. Для содержания этого понятия безразлично, воспринимает его носитель человеческого сознания А или В." Таких мест много. Но дело состоит в том, какие последствия можно из них извлечь, если эти последствия только мыслительного характера, то их содержание опять универсально, т.е. независимо от "носителя сознания А или В."

И теперь, если исходя из этого феномена, заключить о продолжении жизни после смерти, то можно прийти только к тому, что Аверроэс сделал из Аристотеля, а именно учение об универсальном продолжении жизни, а не индивидуальном. Он рассматривал духовное существо человека как каплю из универсального духовного океана, которая при рождении соединяется с земным телом и после смерти снова возвращается в духовный океан.

Теперь, если мы хотим понять борьбу вокруг Аверроэса, мы должны подумать о том, что, учитывая духовный характер того времени, что задача состояла не в том, чтобы опровергнуть исходный феномен Аверроэса, ибо это сделать было бы невозможным, но в том

чтобы этот феномен, как таковой, не явился односторонним масштабом. Созерцание Аверроэса целиком основано на античном способе мышления. Как показал Рудольф Штейнер в своей книге "Загадки философии", это был процесс восприятия, в котором собственная деятельность души не принимала особого участия. Здесь же дело заключается в том, чтобы показать мыслительный феномен как таковой. Переход к Средневековью произошел потому, что собственная деятельность души всё более и более выступала на передний план, так что мысли не могли уже больше восприниматься, но казались бы как бы производимыми усилиями самой души, т.е. нужно было душе сделать определенные усилия, прежде чем человек достигнет мировых мыслей. Здесь лежит величайшее открытие, которое Рудольф Штейнер дал в "Загадках философии". Если даже в новое время снова пробудить интерес к Средним векам, если не воспринять полностью значение этого открытия, в них невозможно будет проникнуть пониманием.

Гораздо более значительным является переход от античности к средневековью, ибо между античным и средневековым отношением к мышлению произошла мистерия Голгофы. Это уникальное историческое явления, при котором высшее божественное явилось в индивидуальном человеческом теле, ставит задачу духовного переживания, воспламененного душевным. Это выходит за рамки феномена Аверроэса, ибо стремится к нечему, что не может быть дано посредством некоего вида восприятия, а именно к отголоску переживания мистерии Голгофы в отдельной человеческой душе.

Само историческое событие может быть доступно воспринято и оно может передаваться дальше посредством традиции. В этом духе образована римская церковь, которая мистирию Голгофы постигает в

в стиле античного мышления, тогда как Фома Аквинский использовал высшие античные познавательные стремления, чтобы обосновать этот новый опыт. Для этого он должен был глубочайшие чувства и ощущения очистить до высоты универсального мыслительного опыта, чтобы посредством их освятить индивидуальное. То, что Фома нашел на высочайших вершинах духовных стремлений, передалось затем в немецкой мистике переживанию глубокой душевности /

/.

В наше время происходит новый мировой поворот. Прежняя борьба приняла новые формы. В области мировоззрений новая грядущая духовность противостоит материализму. Последний — это продолжение мировоззрения Аверроэса; в новых духовных устремлениях должен снова развернуться истинный томизм, но теперь не только в чувствах, но и в воле. Также, как нужно понять феномен Аверроэса, если хотят, если хотят понять томизм, также сегодня нужно понять основные методы естествознания, не впадая в материализм.

Затем познают, как именно в немецкой мистике заложены основы, развитие которых ведет к методу рассмотрения природы, вливаемому в духовную науку. Показать это — было стремлением Рудольфа Штейнера уже в его "Мистика на заре духовной жизни нового времени". Всё снова он утверждал, что воля должна влиться в мышление, чтобы составлялась духовная наука.

Если мы посмотрим с этой точки зрения на "Философию свободы", то мы отчетливо увидим, что она не только является делом мышления и благодаря этому отличается от любой другой философии любой другой системы, она вообще не является "системой". Систематическая философия — это всего лишь преддверие к ней. Конечно, первая часть, которую можно назвать теоретико-познавательной,

исходит от мышления; но важно, что она исходит именно от мышления, а не от мыслей, понятий, идей; ибо, благодаря этому она на пути мышления достигает его первоисточков. Характерно следующее место / в конце первой главы/: "Всё яснее должно становиться, что вопросу о существовании человеческих деяний должен предшествовать вопрос о происхождении мышления." Если проникнуть к первооснове мышления, только тогда может стать доступной наблюдению также и воля. В дополнении к третьей главе находим: "Если можно было бы сделать так, чтобы с необходимостью волить существо мышления: важно было бы, чтобы ничего нельзя было бы волить из того, что не представлялось бы "я" без остатка как его собственная, обзримая им деятельность."

Можно сказать даже, что для используемого здесь существа мышления, оно является для наблюдения насквозь позволенным." Здесь мышление сознает свое происхождение, и поэтому обычное сознание, которому каждое мгновение угрожает падение в материализм, возвышается над самим собой. Это начало пути, который пройден во второй части "Философии свободы". Этот путь ведет к преобразованию человеческого сознания, которое присутствует здесь не просто как феномен, но должно создаваться из внутреннего существа человека.

Сфера воли вообще принадлежит индивидуальному. На пути очищения воли возвышается индивидуальное, так что оно, не теряя себя как таковое, обретает ценность универсального мышления. Благодаря этому идеальное в деяниях возвышается к реальным духовным явлениям. В предисловии к новому изданию /1918 г./ "Философии свободы" это определено как её цель: "показать, как непредвзятое наблюдение, которое простирается под обоими отмеченными, осново-

полагающими для всякого познания, вопросами, ведет к возражению, что человек живет внутри истинного духовного мира."

Мы видим, что здесь речь идет не об опровержении Аверроэса, но о его преодолении. Это есть смысл знаменитых образных средневековых представлений, при которых сознавали, что означает это преодоление. Для нашего времени всё это разыгрывается иначе, но эта проблема не потеряла своего значения. То, что сегодня можно сделать для борьбы против Аверроэса, — это преобразование индивидуального посредством универсальности мышления. Само индивидуальное должно быть принято как духовное существо среди духовных существ.

_____ 0 0 0 _____

47. БОРЬБА С АНГЕЛОМ.

Тот, кто в смысле предыдущего рассмотрения искушенного Аверроэса противопоставит очищение индивидуального посредством универсализации мышления, тот приблизится к истинному существу любви. Любовь может прорасти только очищения индивидуального, посредством чего она приводит человека к духовному миру, как возвышение жизни из царства смерти. На пороге универсальности мышления стоит сегодня духовная наука, духовное деяние Рудольфа Штейнера. Световой облик, исполненного духом мышления — это Михаил; облик любви среди людей и духов — это Христос. Афоризмы указывают нашим стремлениям высокие цели; но всё снова мы должны обращать наш взор на то, как Рудольф Штейнер завоевывал свою духовную науку в условиях жестокого противодействия. Мы отчетливо можем это увидеть на пути его преодоления Аверроэса в условиях нашего времени.

Титаническое начало современного человека, исходя из своей свободы противопоставить себя всему миру и бросить ему вызов в своей познавательной борьбе, представляется последователям связанного мышления самоуверенностью, дерзостью; тем не менее, это поистине борьба с Ангелом: "Я не отпущу тебя, пока ты меня не благословишь". Тот, кто сам находится в такой борьбе, не боится никаких ран, из которых должна вытекать кровь старой духовной связанности. Как Гёте придал "набожности" выражение глубокого страха человеческой души, тем не менее он стал основателем новой, опирающейся на чистый человеческий опыт, естественной науки, и он познал благословение новой набожности: "Кто вечно трудится стремясь...", но он должен был одеть это еще в образы старой

духовности. На это часто обращал внимание Рудольф Штейнер. Теперь обратимся к его незаконченной, посмертно опубликованной книге "Мой жизненный путь". Уже неоднократно /например, в обзоре 43/ мы напоминали об одиночестве, которое не давало ему возможности найти у других понимание для своего духовного видения. В заключении главы, где это представлено сильнее всего, Рудольф Штейнер говорит о повороте в своей душе, который случился с ним на 35 году его жизни.

В 22 главе книги "Мой жизненный путь" мы находим: "Опыт того, что можно пережить в духовном мире, был для меня всегда как нечто само собой разумеющееся; постижение в восприятиях чувственного мира доставляло мне всегда большие трудности... Все это полностью перемешалось начиная с 36 года моей жизни."

Он должен был также бороться против своего собственного духовного видения, то, что для современных людей наступает уже в юные годы, а именно переход "от душевного в духовный мир для переживания физического." Быть может не довольно сказать, что плодом его "Философии свободы" было то, что он смог пробиться к земле, к чувственно-точному восприятию. В этой борьбе он завоевал свою духовную науку, т.е. возможность подняться от переживания духовного мира к точному его исследованию. Глава 22 книги "Мой жизненный путь" для сопереживающего читателя может иметь сильнейшее решающее значение: "В то же время я говорил себе: Весь мир вне человека — это загадка, собственно, мировая загадка, и сам человек является её решением. И эта борьба, происходившая в конце 90-х годов прошлого столетия, стояла перед душой Рудольфа Штейнера, когда он опубликовал афоризмы I09 и III и сопроводительные к ним письма, и одновременно в журнале "Гёттанум" подошло к описанию этого периода своей жизни.

Так может для нас явиться сильнейшим призывом то, что говорится в афоризмах I09—III о "Философии свободы". Сопроводительные к ним письма имеют заголовок "Опыт и переживание Михаила во время исполнения им своей космической миссии.", и кое-что в этом отношении мы рассмотрели в обзоре 45. Там, в связи с человеческой свободой, взор поднимался к явлениям в духовном мире; но в то же время, мы должны ощутить это как предостережение от того, чтобы не потерять земной ша мир, напротив, мы должны именно из переживания свободы в физическом мире достичь понимания становления свободы в духовном мире. Только на таком пути, какой указан в "Философии свободы", можно приблизиться к Михаилу, но не благодаря настроению прежнего благочестия. Новое благочестие, произрастающее из свободных мыслей, конечно, не менее внутренне. Возражения, которые могут быть сделаны относительно такого направления пути, рекомендованного "Философией свободы" устранил сам Рудольф Штейнер, например, в цитируемом ниже месте, которое было дано в дополнение к восьмой главе в новом издании /1918/: Как раз из этого богатства, из этой полноты переживания /в мышлении/ следует, что его противоположность в обычной душевной жизни выглядит мертвой, абстрактной. В отличие от других душевных функций, легче всего недооценить мышление. Воля, чувства, они согревают душу человека также еще в переживании последствий их первоначального состояния. Мышление легче всего остается в этом отголосии переживаний холодным, душевная жизнь кажется высохшей. Но это только слишком много на себя берущие теневые облики его пронизанной светом, теплой действительности, погруженной в мировые явления."

Если мы хотим точнее охарактеризовать различие между старым и новым благочестием, мы можем сказать, что на место "ты-должен-

выступает как факт сознания каждого человека и ведет к тому, чтобы посредством свободных мыслей можно было бы постичь мистерию Голгофы. Это процесс, благодаря которому человеческий индивидуум может стоять прямо перед лицом божественного. Это путь познания антропософии; он ведет к оправданию посредством знания, но теперь уже не веры. Достижение свободных мыслей имеет значение не только для отдельного человека, но и решительно для человечества; ибо действует в сфере самой духовной жизни, ибо человек послан, чтобы в царстве смерти отвоевать новые земли для жизни; это и есть значение человеческой индивидуальности.

Вопрос о человеческой индивидуальности также стар, как и первые проблески индивидуального в человеке. Ответ может быть дан только на почве самой индивидуальности, но не посредством чего-либо другого, ибо индивидуальное и есть само — на — себе — основанное. Тот, кто ищет ответа не на почве самой индивидуальности, тот уже тем самым отрицает действительное существование индивидуального.

И в истории человеческого сознания идет борьба, главным образом вокруг вопроса продолжения и сохранения индивидуальности после смерти. В три этапа развивалась эта борьба вокруг человеческой индивидуальности, их вожди — Аристотель, Фома Аквинский и Рудольф Штейнер. Аристотель завершает ретроспективное осмысление в первобытные времена, с его стремлением скрыть индивидуальное в лоне божественного, и указывает становящейся индивидуальности человека на землю и природу. Фома ведет борьбу против Аверроеса, который учил о растворении индивидуальности после

смерти. Он поворачивает человеческую индивидуальность к Христу и его явлению в индивидуальном человеческом теле с правильно понятой верой в традицию относительно мистерии Голгофы. Рудольф Штейнер постигает эти вопросы, опираясь на силы нашего времени, ставит их перед актуальным существом человека и показывает путь к их разрешению, исходя из свободных мыслей, для каждого отдельного человека.

Основные вопросы, вокруг которых идет борьба, выступают в различной форме; Рудольф Штейнер ставит их каждый раз по-новому. Особенно близко касаются они наших рассуждений в следующей постановке: Вправе ли человек чувствовать себя творцом своих мыслей, или он подвержен иллюзии /см. обзор 43/? В "Философии свободы" вопрос поставлен так: "Можно ли человеку, как волящему существу, приписать свободу?" Ответ на него связан с ответом на следующий вопрос: "Есть ли такое наблюдение человека, на которое могут опираться остальные знания?" Во введении в "Естественно-научные сочинения Гёте" вопрос стоит в еще более общей форме: "Что такое познание?", причем, упор делается на "что", в противоположность Кантовской постановке вопроса "Как возможно познание?" Или мы можем спросить о "Смысле жизни" или "Определении человека". Всё дело здесь в ценности вопроса для переживания. Это вопросы, поставленные из одиночества человека, вопросы сильнейшей, концентрированной активности. Поэтому дело здесь не в размышлении о ком-либо абстрактном ответе, никакая, далекая от мира философия, почерпнутая из этих вопросов, не может соответствовать сегодняшнему сознанию, но только духовные свершения, которые рождаются из высшего напряжения индивидуальности, а именно — одиночества.

не-знать", выступает благоговение сознательного участия. Так что ясно, что афоризмы должны восприниматься не как поучающие писания, также как Рудольф Штейнер возражал против того, чтобы его лекции слушались как воскресная проповедь.

В той же главе 22 книги "Мой жизненный путь" находится предложение, говорящее, что целиком, всей душой находиться в этой противоположности духовного и чувственного мира, равнозначно пониманию жизни. "Там, где противоположности испытываются как нейтрализованные, там господствует безжизненное, мертвое." Противоположность, противоречие вызывает борьбу, но и создает также жизнь. Рассмотрим такое, вызывающее борьбу, противоречие в афоризме 110.

Там говорится, что свобода, как принадлежность каждого человека, который себя сознает на современном отрезке человеческого развития, дана непосредственно. В "Философии свободы" и затем в афоризме III, "доказывается "свобода" человеческого существа в современную мировую эпоху как содержание сознания." Что же означает: "Свобода суть данное, или свобода суть факт?" Если она дана, является ли оно еще свободой? Что же еще кроме данного, кроме фактического можно констатировать, если думать в связи с закономерностью, с необходимостью? Итак, мы должны здесь предложить другой вид данного. Теперь есть сцена, на которой разыгрывается философия свободы, эта сцена - человеческая индивидуальность. Переживание свободы, определенное в "Философии свободы" - это нечто, к чему обычное сознание, со всеми своими прочими данными свойствами должно, или лучше сказать, может прийти, в ходе своей работы. Затем может также последовать новый вопрос: Откуда дается или как допускается человеческая свобода? Такой вопрос может быть поставлен только от существа к существу.

Конечно, в плане земных явлений мы можем сказать, что один человек дает другому человеку, например, работу, свободу, но таким образом мы не переживаем факт свободы человеческого существа, он может разыгрываться только в духовном мире, и человек, со своим индивидуальным существом, должен быть вначале допущен к духовному миру, прежде чем он сможет испытать другую сторону своей свободы. В этом состоит загадка свободы, которая может быть решена, исходя из космических взаимосвязей /афоризм 109/. Но для этого нужно выдержать "борьбу с Ангелом", истинно осознать действие Михаила в духовных мировых взаимосвязях."

Благословение борьбы с Ангелом - это новое имя, посредством которого человек общается с духовным миром. Тем самым выражено, что человек, со своей индивидуальностью, допущен в духовный мир. Тот, кто как отдельный индивидуум испытывает это на своем пути посвящения, "становится народом", выражаясь языком Ветхого Завета, откуда происходит и образ борьбы с Ангелом. Стать народом - это означает освободиться от земных кровных связей и быть принятым в сферу Духов Народа. Тот, кто достиг этой ступени, сам по себе имеет ценность целого народа.

Когда мы придем к такому решению загадки человеческой индивидуальности в духовном мире, тогда мы сможем также лучше понять эмпирическую индивидуальность обычного сознания. Если мы рассмотрим центральную главу книги Рудольфа Штейнера "Фессофия", то мы найдем там некоторый вид преддверия к возвышению этой индивидуальности. Там указано на биографии отдельных людей, чтобы можно было проследить существо человека от рождения до смерти; и для истинного научного наблюдения отсюда следует, что отдельный че-

имеет ценность целого семейства животных: "Тот, кто размышляет над сущностью биографии, приходит к уверенности, что в духовном отношении каждый человек является для себя целым семейством.

Промежуточная ступень образуется посредством откровения Михаила. Она обращается ко всем людям, которые хотят достигнуть ее понимания. Тот, кто "сознает действие Михаила в духовных взаимосвязях" /афоризм I09/, принимается в сообщество, которое возвышается над всеми земными сообществами такими как нация, язык и т.п.; он становится признанным духовным миром, непосредственно граничащим с миром, доступным земному сознанию. Это сообщество Михаила, к которому привлекает человека антропософия, к которому отдельный человек может пробиться, опираясь на силы обычного сознания. Михаил, как носитель службы Духов Времени, преодолевает все различия человеческих сообществ и образует в духовном мире народ, который объединяет не кровное родство, но эпохальная общность, народ, как союз нового типа.

— 0 0 0 —

48. МАКРОКОСМОС И МИКРОКОСМОС.

В сопроводительных письмах к афоризмам I09-III, кроме того, что было рассмотрено в обзоре 45, содержатся еще многое относительно божественного, которое приводит к становлению человека. Там указано на то, что в прежние времена только в одном углу поля деятельности богов можно было заметить то, что для духовного исследования является человечеством. То, что в последнем обзоре говорилось о подозрении в самовозвеличивании, теряет всякий смысл в виду таких духовных деяний, ибо человеческое существо оказывается только скромной частичкой космических явлений. В космической скромности, к которой так охотно склоняются современные воззрения, нет недостатка.

Таким образом, тогда человек представлял собой нечто, что было создано между делом. В этом "углу" Михаил взял на себя заботу о человеке. То, что сегодня для нашего познания человека является исходной точкой зрения во всех явлениях, — это космическая ограниченность нашего горизонта; с космической точки зрения это было волей богов. Возможно, что боги смотрят на человека так же, как человек смотрит на муравейник, который интересуется его с точки зрения "социального устройства". Кажется, что муравьи, а также пчёлы разрешили вопрос, с которым человек еще не может справиться; он стоит для человека совершенно иначе. Это вопрос свободы, решаемый людьми, и боги наблюдают за его началом, хотя вопрос свободы для них является чем-то иным.

Здесь представление космических событий таково, что можно почувствовать, что первоначально чисто космические явления, благодаря исполнению Михаилом своей миссии, находили свое отражение в развитии человечества; последнее само отражается в отдельной

человеческой жизни; и, наконец, повторяется в каждом суточном цикле человека, проходящего через сон и бодрствование. Поэтому, человек, как микрокосмос, несет в себе все космические явления прошлого. Эти соответствия в числовых ритмах, до отдельных деталей, Рудольф Штейнер представил в цикле 44 во второй лекции; он заключает эти представления, числа и меры словами: Но то, что является величественным, исполненным значения и идущим глубоко к сердцу: число и мера, в одинаковой степени управляет большим космосом, макрокосмосом и микрокосмосом. Это не просто оборот речи, это не просто нечто мистически сверхъестественное, но нечто, что учит нас исполненному мудрости рассмотрению мира, что мы как микрокосмос находимся внутри макрокосмоса."

В малой, скромной частичке действует целое. Этот принцип повторения во все меньше становящемся кругу или спирали, как это представлено в "Тайной науке в очерках", в конце концов, ведет к индивидуализации человека. Для человека как познающего субъекта, эти космические явления, как они описаны с точки зрения Михаила в упомянутом сопроводительном письме к афоризмам I09 - III, становятся понятными посредством особо подчеркнутого слова "идейный порядок"; ибо, тем самым, указано на линию, которая ведет к человеку.

Рассмотрение идейного порядка для человека нераздельно связано с существом его познания. Идейный порядок - это категориальная связь, которую человек пытается противопоставить хаосу непосредственно данного. Ранее мы рассматривали его самого по себе, но также в свете ступеней высшего познания /обзор I7-I8/. Эта категориальная взаимосвязь является чем-то прошедшим становле-

нием; ступени его становления характеризуют различные сверхчувственные области или миры. В сегодняшнем, покинутом богами сознании мы только еще имеем дело с принципом порядка идей, если только из индивидуального действия самого сознания не исходит освобождающаяся сила для "идейного порядка" /обзор I8/. Здесь снова прослеживается связь с нашим кратким рассмотрением Фомы Аквинского в обзоре 46. В журнале "Троица", в 6 номере 1926-27 года, находятся лекции Рудольфа Штейнера относительно философии Фомы Аквинского. Эти лекции имеют огромное значение не только историческое, но особенно для развития сознания в наше время. В них есть такое место /вторая лекция/: "Как христианизируется мышление? Этот вопрос во мировой истории возникает в тот момент, когда в 1274 году умер Фома Аквинский".

Для нас этот важный вопрос связан с другим, который поставлен, начиная с обзора 41: В самом ли деле человек является производителем своих мыслей, или это только иллюзия? С точки зрения обычного сознания, человек должен сознавать их как произведенные им самим, но более углубленной познание показывает, что это всего только иллюзия. И тем не менее, при этой иллюзии человек испытывает свое "я" как духовное существо. В основе мыслительного опыта человека лежит действительный процесс, только он не таков, каким ему представляется. Идейный порядок реально приходит к человеку - и умирает в нем. Он может в нем снова воскреснуть, если христианизуется в нем мышление. Постараемся дать себе отчет в том, что то, что в год смерти Фомы Аквинского было потрясающим, трагическим вопросом, получило ответ благодаря Рудольфу Штейнеру.

То, что мощно всплыло на поверхность как "идейный порядок", находит дальнейшее продолжение в следующих афоризмах:

II2.

"Божественно-духовное проявляется в космосе различным образом, проходя следующие ступени:

1. Посредством собственного существа,
2. Посредством откровения этого существа.
3. Посредством деятельности, когда существо отступает из откровения.
4. Посредством творения, когда божественное уже не присутствует в видимом мироздании, но только его форма."

II3.

"В современном воззрении на природу человека не имеет отношения к божественному, но только к его творению. Посредством того, что сообщается душевному состоянию человека, благодаря такому воззрению, человек может соединиться как силами Христа, так и с аримановыми силами."

II4.

"Михаил проникнут такими явлениями, стремлениями, которые, сохранившиеся в человеке со времен богопочитания и откровения отношения к космосу, соединяют, посредством своего свободно действующего протобраза человеко-космического развития, таким образом, чтобы то, что говорит воззрение на природу, основанное чисто на образе, на форме божественного, влилось в высшее духовное воззрение на природу. Оно, хотя и наличествует в человеке, но оно подобно отголоску в чувствах божественных отношений к космосу во время двух первых этапов космического развития. Антропософия в таком виде утверждает воззрение на природу в сознательную эпоху; но она дополняет ее посредством такого, который достигается посредством взгляда духовного ока."

То, что Рудольф Штейнер описал как мировое развитие, проходящее по ступеням Сатурна, Солнца, Луны, вплоть до Земли, образует космическую почву для важнейших его исследований. Сама Земля, как четвертая ступень развития, несет в себе и во всех своих явлениях во все уменьшающихся кругах и спиралах действие этой предшествующей ей триады развития, хотя мы это видели также в связи с предыдущим /Обзор I4/. Все явления каким-либо образом связаны с этим действием вплоть до действия в повседневном сознании человека. Из этих связей можно понять также эти явления в человеке. Понятия и идеи, из которых человек, в своем познании, может исходить как из порядочивающих принципов, связаны ведь с его собственным существом, он рассматривает их как выражение своего существа или как свое собственное создание. Определенные философии рассматривают их как данные, но глубокое познание может изучить их, и тогда они показывают становление свое из духовно-космического развития.

Теперь, в афоризмах II2-II4 и в сопроводительном письме к ним, нам дается ряд понятий, который в своей последовательности представляет человеческому сознанию древние этапы развития: "Существо, откровение, деяние, творение." Последовательность этого ряда этого "идейного порядка" совпадает с космическим течением, хронологией; идейный порядок человеческого познания обратный к хронологическому. В своей основе, мышление и познавательные стремления человека движутся ретроспективно, противоположно к течению обычного сознания человека. Человек рассматривает предметы чувственного мира; они являются ему рядоположенными в пространстве. Если он пытается найти связь явлений, то наблюдает их действие во времени. Это второй шаг; третий состоит в том, что

он некий процесс рассматривает как следствие и ищет ему причину. Она должна лежать во времени раньше следствия, и тогда надежная причина может рассматриваться как следствие еще более ранней по времени причины.

При таких познавательных устремлениях, которые практикуются в новом естествознании, можно натолкнуться на комплексы, где отношение причины и следствия проявляется как откровение сущего, и тогда мы можем ощутить потребность найти также и сущест, из чьей воли излилось откровение. Но для обычного сознания это могут быть только человеческие существа. Но так как человек, в качестве познающего, сам суть существо, то его познавательные стремления в высшем смысле могут быть только тогда удовлетворительными, если он при мировых и природных явлениях, а не только в человеческих делах, найдет сущест. Итак, в ходе познания мы находим противоположное направление "идейного порядка" чем в космическо-хронологических явлениях.

— 0 0 0 —

49. КАК МЫШЛЕНИЕ ХРИСТИАНИЗИРУЕТСЯ.

В конце предыдущего обзора мы видели, что познавательные стремления современного человека проходят по ступеням, которые можно выразить идейным порядком: творение, деятельность, откровение, существо. Этот идейный порядок протекает в направлении, обратном последовательности проявления божественно-духовного к космосе, а именно по этапам, перечисленным в афоризме II2: сущест, откровение, деятельность, творение. Сегодня в философии привыкли такую идейную последовательность ценить с точки зрения систематизации, считать за пункты исторической классификации. Её сводят в таблицы категорий и тому подобное, но их космическо-духовного значения сегодня уже в философии не различают.

Это не всегда было так, во времена ранней схоластики и еще раньше было более живое ощущение, что такие идейные последовательности являются отражением космическо-духовных фактов. Это выражается также в наименовании духовных иерархий сущест, восходящих к Дионисию Ареопагиту, который в этом отношении связан был с древними восточными мистериями, как и вообще эти древние наименования основаны на духовных фактах. Рудольф Штейнер также дал имена последовательности иерархий, которые в сознании человека могут отражаться как последовательность идей; он говорит о Духах Воли, Мудрости, Движения, Формы, чтобы упомянуть только тех, чьи имена отчетливо созвучны с космической последовательностью идей в афоризме II2. Здесь следует еще прибавить, что в соответствии с "Тайной наукой в очерках" Рудольфа Штейнера, это как раз те самые существа, которые во время космического развития на Сатурне, Солнце, Луне, Земле творяще действовали при

построении человеческого существа и его четырех членов: физического тела, эфирного тела, астрального тела и "Я".

Из всего творчества Рудольфа Штейнера ясно, что такие последовательности идей, как в афоризме II2, только тогда приобретают значение для человеческого сознания, когда их делают содержанием медитации. При кратком представлении последовательности идей для познавательных стремлений нашего времени, мы в конце предыдущего обзора, в основном, имели в виду становление естествознания. "Антропософия в таком виде утверждает воззрение на природу..." /афоризм II4/. Но это воззрение также может заблудиться в ариманическом /афоризм II3/, если оно не будет "дополнено" таким, которое "достигается посредством духовного ока" /афоризм II4/. Это дополнение состоит для обычного сознания только тогда, когда космически-духовные факты будут включены в медитативную жизнь. Но это означает, что упражняясь, мы начинаем выходить за пределы обычного сознания.

Легко увидеть, что последовательность идей от творения до существа примерно соответствует категориям, которые в обзоре I8 мы связали со ступенями высшего познания:

Творение соответствует пространству.

Действие соответствует времени.

Откровение соответствует каузальности.

Существо соответствует постоянству существа.

Если мы познавательные стремления обратим к такому внутреннему развитию категорий, тогда начнет другая последовательность этих идей, как они "достигаются посредством взгляда духовного ока: Существо, Откровение, Действие, творение — действовать как

познавательные средства, для постижения духовных фактов, которые мы уже раньше использовали с другой точки зрения.

Рассмотрим теперь опыт по ту сторону смерти, которым мы уже занимались в обзорах I3 и I4, с этой точки зрения. Истинный путь познания — это предварение опыта после смерти. Уже в обзоре 9 мы могли высказать: "Всякое познание отвоевано у смерти." И в обзоре I3 дано предложение: "Антропософский путь познания ведет к тому, чтобы уже в опыте постороннего сознания постигать то, что происходит в отношении ко всему душевному после смерти."

Таким образом, мы можем также сказать, что опыт после смерти развивается в том же направлении, в каком сознание между рождением и смертью идет по пути познания. Оно движется, как мы видели выше, в направлении, противоположном хронологической последовательности явлений, исходя их пространства, развиваясь в обратном времени, в обращенной каузальности; и события по ту сторону смерти также движутся в обратном направлении. Есть исследование Рудольфа Штейнера, которые показывают, что мертвые, прежде всего, вступают в космическую жизнь. Как раз в последние годы своей жизни Рудольф Штейнер это вступление в так называемые планетные сферы описал в мельчайших подробностях. Это этапы развития для опыта в области духовных миров. Так как этот путь в то же время является как бы возвращением к первобытным божественным силам человека, то можно себе уяснить, что также и здесь направление противоположно хронологическому ходу духовного сотворения человека, т.е. действительно, то же самое направление, в котором между рождением и смертью развивается человеческое познание. Рудольф Штейнер в удивительных картинах представил

тот обратный порядок жизни до полночного часа бытия в своей драме-мистерии "Пробуждение души". Этот полночный час бытия — суть поворотный пункт этого движения. Насколько далеко простирается этот поворотный пункт в космос, зависит от собственной духовной силы человека, который может его достигнуть в земной жизни. Но тогда воля вырастает к новой земной жизни. При этом дальнейшее движение поворачивается к новой земной жизни, еще раз меняется направление и совпадает с мировыми явлениями. При таком развитии опыта человек вкратце повторяет развитие мира от существа к творению.

Нисхождением человека из космоса к новой земной жизни мы в другой связи занимались в обзорах 27 и 28. Но здесь, помимо прежде рассмотренного, даются мощные импульсы как раз для этапов кругооборота последовательных земных жизней. Нужно представить себе, что прежде чем человек вступил на землю, чтобы связать себя с физическим телом, он мог еще устанавливать свои отношения к божественно-духовному, которое для собственно земной жизни познается еще лишь как творение. Относительно этого в сопроводительном письме к афоризмам II2-II4 содержатся важные сведения: "Когда человек, после того, как он завершил жизнь между смертью и новым рождением, снова вступает в земное бытие, тогда при нисхождении к этому бытию он пытается установить гармонию между движением звезд и этой новой земной жизнью. Эта гармония, которая в прежние времена устанавливалась сама собой, поскольку божественно-духовное действовало в звездах, в которых и жизнь человека также имела свой источник; эта гармония там отсутствует, поскольку движение звезд просто продолжает деятельность божественно-духовного;

если только человек не пытается ее найти. Из прежних времен сохраненное в себе божественно-духовное он ставит в отношения к звездам, которые несут в себе божественно-духовное еще только как отголосок прежних времен. Благодаря этому божественное вливается в отношения человека к миру, которое соответствует прежним временам, но в последующем времени снова проявится. То, что так обстоит дело, является деянием Михаила.

Михаил действует не непосредственно в "Миретворении", которому человек принадлежит при своем воплощении, но он стоит на пороге рождения, и от него человек может воспринять то, что затем в земной жизни может осветить ему путь; его познавательные стремления обращаются назад к этому опыту до рождения. Но эти сферы в духовном мире, которые человек вкратце проходит при своем воплощении, являются также областью, в которой Ариман подкарауливает нисходящую душу человека, чтобы затем, в земной жизни, к которой он имеет доступ, обратить ее к своим мировым целям.

Также и относительно этого мы находим важные указания, в сопроводительном письме к афоризмам II2-II4. Борьба Михаила с драконом как образ сопровождает человека на протяжении его жизни. Все эти события имеют свой прототип на небе в звездных мирах. Сфера комет, согласно Рудольфу Штейнеру, является одновременно сферой Аримана; и если при воздействии кометы видим метеоры, то есть меч Михаила, который человека до рождения защищает от сильного воздействия Аримана. Здесь можно обратиться также к образам древней народной веры, что детская душа, нисходящая к рождению, сообщает о себе падающей звезде.

В земной жизни человек принадлежит миру-творению, которое совершенно оставлено божественно-духовным. Здесь образуется

душа сознательная в познании природных законов /творения/. От опыта, полученного до рождения, человеку остается только идейный порядок. Если же сквозь идейный порядок просвечивает миссия Михаила, тогда язык души сознательной превращается в язык Христа: "Ибо" Христос "вступил в мир с такой интеллектуальностью, которая может испытываться только в божественно-духовном". "Если мы сегодня говорим так, чтобы наши мысли могли бы быть так же мыслями Христа, то мы противопоставляем могуществу Аримана нечто, что охраняет нас от опасности попасть под его влияние."

Это предложение мы взяли из сопроводительного письма к афоризмам II2-II4; следующее предложение гласит: "Понять смысл миссии Михаила в космосе означает научиться так говорить".

Следующее важное предложение указывает, что всё должно быть приведено к понятию: "Понять Михаила, означает сегодня найти путь к Логосу, которым Христос живет на Земле среди людей." Так на пути Антропософии христианизируется мышление.

0 0 0

50. О ЧУДЕ.

Величественная, непостижимая мистерия Голгофы во все времена ощущалась как чудо. Что такое чудо? То, что в определенный момент времени с помощью общепринятых познавательных средств не может быть постигнуто. Но поскольку познавательные способности человека с течением времени радикально изменяются, всё снова и снова как чудо воспринимается нечто другое; даже при одних и тех же явлениях меняется точка зрения на чудеса.

Начиная с исторических времен, когда сознание человека начало обособливаться от божественно-духовного мира, чудо всегда рассматривалось как знак непосредственного постижения божественного. Если же чудо связать с верой, то тем самым, в отношении сегодняшнего познающего сознания, которое не может быть только верующим, как в старые добрые времена, мы становимся в неправильные отношения; ибо сознание стремится к чуду в знании. Именно для знающего многое должно представляться чудом, что наивному сознанию кажется "естественным" и понятным само собой.

Величайшее чудо всех времен — это человеческая свобода; вокруг этого часто разгорается борьба. До тех пор пока наша естественно-научная позиция хочет считаться только с безоговорочной каузальностью, она будет отрицать чудо человеческой свободы, как и всякое постижение духовного в физических явлениях. Но если чувство свободы присутствует в человеческом сознании как непосредственный опыт /афоризм 20 и II0/, то также для обычных физических явлений должна быть найдена духовно-живая подоснова. Но человеческая свобода также не просто установленный рай, но продолжающее свое действие явление, которое происходит всё снова

с отдельным человеком, который мог бы быть объектом познания, как некто другой, но с действующим человеком. Так, уже простейшее движение содержит чудо, а именно постижение в физических взаимосвязях; но именно волевая сторона такого процесса упущена, как мы видели это ранее, например, в обзоре 22. Когда осознается волевая сторона, чудо свободы может непосредственно открыть свою доказательную силу. Кто достиг того, чтобы в этом чуде находиться в познании, тот начинает постигать также чудеса, происходящие с человечеством в целом. Здесь речь идет о решающем опыте, который человек поднимает над обычным сознанием в духовные миры.

Снова мы можем установить, что Рудольф Штейнер уже в своей "Философии свободы" дал все элементы для такого развития сознания. Одно из важнейших рассуждений в отношении человеческой свободы выражается в вопросе, как свобода отдельной личности должна уживаться со всем остальным. В "Философии свободы", в 9 главе, мы находим следующее место: "Различие между мной и другим человеком состоит не в том, что мы живем в двух различных духовных мирах, но в том, что он из общего для нас идейного мира воспринимает другие интуиции, чем я. Он изживает свои интуиции, я — свои. Если мы оба действительно черпаем из идеи, ... то мы можем встретиться только в одинаковых стремлениях, одинаковых усидиях. Нравственное несогласие, столкновения у нравственно свободных людей исключены." И далее: "Свободный живет в уверенности, что другой свободный вместе с ним принадлежит к одному духовному миру и встречается с ним в одинаковых устремлениях. Свободный не требует от другого человека согласия с собой, но он ожидает его, поскольку оно заложено в природе человека."

В таких выводах "Философии свободы" мы находим высшую ступень духовного мира, к которой может подняться сознание свободного человека. В дальнейшем ходе афоризмов и сопроводительных писем Рудольф Штейнер все снова приводит Миссию Михаила в связь с "Философией свободы". Но еще в исключительно содержательном сопроводительном письме, на которое мы ссылались в последующих рассматриваниях, показано новое чудо, которое связано с путем человека к свободе. В развитие представлений относительно действий Михаила в период до рождения, дается в описании жизни человека между рождением и смертью, следующее: "В этом солнечно-божественном, но не божественно-живом, живет человек. Но он имеет, как результат действия в нем Михаила, как человек, удержанное с прошлых времен, божественно-духовное существо. Он живет как богонаполненное существо в оставленном богом мире."

"В этот, оставленный богами мир, человек вносит то, что в нем есть, то, чем стало его существо в данную эпоху." "Человечество развернется в мировое развитие. Божественно-духовное, от которого произошел человек, впоследствии озарит, как космически расширяющееся, человечество, космос, который пока еще представляет собой отражение божественно-духовного." "Уже больше не то самое существо, которое вначале выступало как космос, озарится посредством человечества. Божественно-духовное, при прохождении через человеческое бытие, явит существо, которое до сих пор не открывалось."

Из афоризма II2 отчетливо звучат отдельные этапы "идейного порядка". Но для будущего не должно быть просто познавательным фактором то, что протекает в идейном порядке, но должно стать

действующим из человека. Ведь путь человека к свободе и состоит в том, чтобы черпать идеи и интуиции из духовного мира, чтобы их преобразовать в мотивы и побуждения к действию: это описано во второй части "Философии свободы". В миротворение, оставленный богом мир, человек вносит из своего существа то, что посредством деятельности Михаила, сохраняется в человека как божественное откровение. В то время как из человека существо струится в омертвевшее творение, посредством человека действует чудо. Совершеннейшим образом соответствует этот процесс, который всё более и более будет разворачиваться в будущем, всевозможному определению того, что может быть названо чудом.

Взгляд в это существо действия чуда может открыть нам глаза на факт, который только теперь, в нашу сознательную эпоху, может быть усвоен человеческим мышлением, — на чудо мистерии Голгофы. Чудо жизни Христа, это не столько те знаки, которые делал Христос, но сами факты этой жизни, оно состоит в том, что прабожественное существо явилось в человеческом теле в эпоху, когда установился в мире этап творения, но уже не действия, откровения или существа: "Свет светил во тьме." Для того, чтобы человек в познании стоял перед этим чудом, теперь, когда эпоха тьмы миновала, когда человек мог воспринимать это чудо только в вере, этому посвятил Рудольф Штейнер важнейшие из своих исследований. Здесь не место входить в подробное рассмотрение этих исследований, более уместным будет указать на книги и циклы лекций Рудольфа Штейнера, посвященные этому вопросу. В особенном смысле выступает это в цикле о "Евангелии от Луки", в котором представлено, как уже тело Христа представляло собой наступающее чудо, ибо оно было сформировано из прачеловеческого, которое не участ-

вовало в грехопадении. При посредничестве этого тела мог явиться Христос в образе человека, но с прабожественной "интеллектуальностью", т.е. как Логос больному человечеству, чтобы восстановить первоначально заложенные в нем силы. Это ХРИСТОС-ЦЕЛИТЕЛЬ.

Путь к тому, чтобы чудо Христа достигло отдельного человека, это понимание миссии Михаила, ведет к языку души сознательной, который проистекает из импульсов познания природы. "Нужно так научиться говорить о природе, как этого требует этап развития души сознательной. Нужно суметь воспринять в себя . . . чисто естественно-научный способ мышления. Нужно, в то же время, научиться так говорить о природе или ощущать ее, чтобы это соответствовало Христу. Не просто об освобождении от природы, не просто о душе и божественном должны мы учиться практиковать язык христианства, но о космосе."

Но это суть процесс, который происходит во внутреннем развитии и не только в познании, как таковой. Чудеса будущего будут происходить в такой сфере, к которой человек сможет только в свободе проложить путь.

Михаил — Христос — это импульс, который находит свое развитие в следующих афоризмах:

II5.

"Человек так странствует через космос, что для него взгляд в мир минувшего может быть искажен посредством Люциферического импульса, и чувство будущего обмануто соблазнами Аримана".

II6.

"В отношении люциферического искажения человек найдет правильную позицию благодаря пронизыванию своего отношения к познанию

и жизни существом Михаила и миссией Михаила."

117.

"Человек защищается также от ариманова соблазна, поскольку духовный путь во внешнюю природу, проложенный Михаилом, ведет к правильной позиции к ариманическому, посредством истинного переживания с Христом."

После того, как из прошлого человечества и его космического происхождения с необходимостью следует вопрос: "Как христианизируется мышление?" /смo обзор 48 и 49/, непосредственно из будущего человечества и его будущих космических деяний всплывает другой вопрос: "Как христианизируется жизнь?" Но предварительно мы должны еще глубже вработать во взаимосвязи между "Философией свободы" и тем, что Рудольф Штейнер в ходе своих афоризмов и сопроводительных писем называет "Опыт - Христа - Михаила в человеке."

0 0 0

51. О МИЛОСТИ. ()

В "Философии свободы" находится удивительное упражнение, связанное с возможностями развития человеческой индивидуальности. Быть может важно указать на это упражнение именно в связи с последними рассуждениями, которые позволяют углубиться в спиритуальные факты, в которых духовное водительство мировыми событиями связывается с человеческим прошлым и будущим. Конечно, в "Философии свободы", особенно в прибавлениях к новому изданию (1918), повсюду можно найти места, с которыми связаны позже поставленные Рудольфом Штейнером духовные исследования, как таковые, но задача состоит в том, чтобы в упражнениях "Философии свободы" отказаться полностью от ссылок на опыт духовной науки.

Во многих местах своей "Философии свободы", в особенности в главе 12 "Моральная фантазия" (дарвинизм и нравственность)", Рудольф Штейнер говорит об идее развития. Эту идею, в особенности если должно быть найдено соответствующее в области морали, невозможно правильно понять, если отношение раннего к позднему в последовательности развития, не уяснить себе полностью в теоретико-познавательном аспекте. В отношении совершенно ложных представлений относительно данного предмета, Рудольф Штейнер делает следующие выводы: "Под развитием понимаются реальное происхождение позднейшего из более раннего на пути естествознания." "Знарок органической теории развития должен себе, однако, представлять, что на Земле была когда-то эпоха, когда некое существо могло бы наблюдать постепенное происхождение рептилии из прааминота, если бы оно могло присутствовать при этом и если бы оно было поделено достаточной для этого продолжительностью жизни." "Но то, что при таком представлении... существо прааминота ... должно мыслиться иным... совсем не принимается во внимание." "Никакой специалист по теории развития не должен доказывать, что он из своего понятия прааминота вывел бы

птимии со всеми своими свойствами, даже если бы он никогда не видел рептилии." Рудольф Штейнер приводит это место, чтобы показать то правильно понятая идея развития нигде не противоречит фактам, то индивидум, как моральное существо продуцирует своё содержание.

Лежащий в основе этого теоретико-познавательный принцип приобретает значение внутреннего управления, если его распространить на будущие этапы развития человеческого сознания. В этом лежит поворотный пункт от сотворенной (и омертвелой) природы к творящему человеку, чудо самаразвивающейся свободы. Как раз здесь важно уяснить себе, что хотя человек в себе и несёт импульсы развития и действительно живёт в их разворачивании, но то что развивается из них, он может понять только тогда, когда достигнет отдельных ступеней высшего бытия. Аналогично вышеприведенному примеру, из понятия человека с обычным сознанием, невозможно "извлечь" понятие человека с высшим сознанием. Но после того, как такое развитие состоялось с конкретным человеком, этот "переход" с нижней на высшую ступень, можно понять задним числом. Так что мы можем установить, что всё, что мы можем знать о высоко развитых людях и их опыте в высших мирах, прежде всего произошло из большей части реального развития, которое предварительно проделал сам Рудольф Штейнер.

Возможно, что такое теоретико-познавательные замечания трудно проследить и некоторым кажется противоречивым то, что повсюду находится в творениях Рудольфа Штейнера и то, что сказано в предшествующих обзорах. И, тем не менее, при внутреннем переживании таких инсайтов, противоречие разрешается в становление. Следует строго различать между тем, что при реальном развитии, о котором говорит Рудольф Штейнер, может быть достигнуто как познание, и тем, что действительное упражнение в собственном развитии доставляет как ценность

опыта. Познание, которое мы получаем из описаний Рудольфа Штейнера, окажет в этом огромную помощь.

Многие современные люди сознают призыв духовного мира к достижению познания высших миров; они образуют антропософское движение и обращаются к духовному источнику, который находят в исследованиях Рудольфа Штейнера. Эти исследования сами по себе являются грандиозным материалом для упражнений, которые служат душе для её восхождения в высшие миры. Из реальных исследований Рудольфа Штейнера в познавательном плане следует определенная постановка цели человеческого индивидуального развития, как в "Философии свободы" интуиции моральной фантазии; но собственно упражнение, медитация может быть полностью свободной от всякого движения к такой цели, если только она сама не задала в этом активном медитативном опыте. В этом заложено истинно моральное, в котором Рудольф Штейнер рекомендовал делать три шага, прежде чем будет сделан один шаг в высшем познании. Получится ли что-либо из этого во внутреннем развитии, что оно представляет собой и когда наступит, всё это нужно спокойно и терпеливо ожидать. Это последствия практики развития, в отличие от упомянутой теории развития.

Школа познания "Философии свободы" сильно действует на самоотреченность образа чувств; тем самым она служит защитой от всевозможного фантазерства и мистической интуиции. Нетерпение, при внутреннем упражнении в достижении цели, ведёт к погоне за феноменальным, к предрассудкам относительно чудес, которые затем, при тяжелых душевных потрясениях должно проявить себя как сумасшествие. Истинный самоотреченный внутренний покой, истинное внутреннее терпение ведёт нас к новому постижению милости также как мы в предыдущем обзоре заняли новую позицию в отношении чуда. Подобием к достигаемому посредством знания чуду, является достигаемая посредст-

м деятельности бытия милость. Это долгий путь, проделанный понятием милости, которое суть специфически христианское понятие, нашедшийся во времена святых отцов христианства. Ожесточенная духовная борьба связана с этим понятием, сильнейшая духовная борьба искала своей действительности. В своем цикле, посвященном Евангелию от Иоанна, Рудольф Штейнер указывает на путь, из которого произошло понятие милости: "Ибо из этой полноты мы все получили милость." Относительно этого места в Евангелии он говорит: "Есть немало людей, называющих себя христианами и которые проходят мимо слова "полнота" и которые с этим словом не связывают ничего особенного.

полнота по гречески означает полноту..... Что же такое полнота, полнота? Только тот сможет его понять, кто знает, что в древних мистериях словом или полнота обозначали нечто совершенно определенное." Различают "Яхве, отдельный бог ... и из шести состоящая полнота божества, " ". Но так как посредством общего познания солнечного логоса было возведено о Христе, то указывая на него, нужно говорить о полноте богов." В космически-земном событии нисхождения Христа в человеческое тело пришла милость как космически наблюдаемое; хотя способность такого видения в те времена была еще очень слабой; Иоанн Креститель, от которого исходит свидетельство, ей обладал. Объясняя следующее предложение в Евангелии: "Ибо закон дан через Моисея; милость же через Христа", - Рудольф Штейнер далее говорит; "Таким образом Христос принёс импульс свободы от закона, так что благо стало не ради закона, но как импульс светящейся внутри любви. Но этот импульс нуждается в развитии на протяжении всего остатка земной эпохи." Милостью обозначают, в Христианском смысле, способность души, исходя из внутреннего настроения делать добро. Милость и познания во внутреннем истинно утвердились благодаря Христу."

Освобождение от закона посредством милости - это начало свободы. В последующее время одним из важнейших вопросов было отношение милости к свободе, причем, понятие милости постепенно всё более удалялось от своего первоначального значения. А именно, с того времени как Августин связал с понятием милости первородный грех и предестинацию, появились эти всевозможные комбинируемые понятия. Только Фома Аквинский сумел возвыситься над этой борьбой, поскольку он захотел защитить импульс свободы. Красной нитью проходит через всю эту борьбу, что именно организованная церковь, в основном, не может терпеть освобождения от закона и самой свободы вообще. Поэтому понятие милости должно было каким-то образом связаться с принципом Отца, и тем самым, потеряется важнейшая часть Христова импульса.

Для современников, стремящихся к духовному, Рудольф Штейнер в цикле I9, четвертой лекции, говорит о том, что понятие милости должно стать практическим упражнением: "Если мы постепенно хотим перейти к глубокой характеристике христианства, то необходимо... указать, как человек должен держаться в своем внутреннем в отношении к духовному миру." "Необходимо, чтобы хотя и не слишком много говоря о понятии милости, практически интенсивно в нем упражняться. И каждый оккультист сегодня отчетливо сознаёт, что это понятие "милости" занимает особенное место в его жизненной практике." "... всё, что связано с определенным вождением к познанию"...., ведёт, "если и не к полнейшему заблуждению, то, во всяком случае, наверняка к искажению действительности." "Ибо, есть золотые слова как раз для оккультного исследователя: Иметь терпение и ждать не пока мы самовольно захотим схватить истину, а пока она не придёт к нам." Активность познавательных стремлений служит для того, чтобы образовались высшие познавательные органы; но затем нужно терпеливо ждать, пока милость истины не уделена нам. Эта милость достигается деятельностью.

52. ЭЛЕМЕНТ МИХАИЛА в "ФИЛОСОФИИ СВОБОДЫ".

"Философия свободы" сопровождает нас далее, на протяжении афоризмов и особенно сопроводительных писем. Не случайно, что уже ранее, была дана связь "Философии свободы" и её метода с миссией Михаила; мы можем вспомнить о том, (обзор 47), что в то же самое время, когда Рудольф Штейнер дал важнейшие сообщения о миссии Михаила, одновременно с этим в еженедельнике "Гетеанум" была опубликована важнейшая глава его жизненного пути, а именно та, где, по большей части, шла речь о становлении "Философии свободы". Отглядываясь на путь своего становления, он дал нам правильную линию развития для нашего становления, но под тем углом зрения, который учитывает всё что было дано человечеству со времени становления "Философии свободы". Таким образом, в духе нового мира (обзор 44) мы можем с полным правом символически рассматривать его жизненный путь.

Мы можем спросить себя, что это означало, что Рудольф Штейнер из своей "Философии свободы" хотел добавлять ко всему, что впоследствии давалось как конкретные духовные исследования и как путь высшего познания. Здесь, очевидно, дело не в определенном философском решении вопросов как таковом, но в душевном настрое, который так укрепляет сознание, чтобы оно не могло уклониться с пути истины; ибо соблазн этот особенно велик в наше время. В сопроводительном письме, носящем заглавие "Михаила-Христа-переживание человеком", непосредственно указано на то, что он из содержания "Философии свободы" хотел связать со всем своим творением, так сказать интегрированную настоящую часть, без которой всем духовно-научным стремлениям не хватало бы твердой почвы.

Из сопроводительного письма относительно Михаила-Христа-переживания человека к нам говорит глубокая серьезность и строгая душевная установка. В предидущих афоризмах и сопроводительных письмах

миссия Михаила прослежена из космических далей и первобытной древности вплоть до нашего этапа мира-творения. Здесь указывается на "правильное понимание" того, "как должен приниматься человеком мир, который является не божественным существом или откровением, или действием, но только творением богов. Всмотриваться познавая в этот мир, означает, видеть перед собой формы, облики, которые повсюду громко говорят о божественном; но в котором нельзя найти непосредственного живого божественного бытия, если не впасть в иллюзию." Тем самым описана ситуация, при которой "Философия свободы" должна явиться новым началом. Эта книга воспитания и посвящения написана с учетом оставленного богами мира. Но также для всего прочего, что Рудольф Штейнер дал позже в своих духовных открытиях, за отправную точку всегда нужно брать мир-творение. Можно извлечь еще много знаний из духовных исследований, но всё снова мы должны возвращаться к этому исходному пункту и, начиная отсюда, уклоняясь от грёзы участия в духовных мирах, искать путь к внутреннему развитию, иначе нам будут грозить опасности, которые в этом сопроводительном письме названы моциферическими и ариманическими.

В это время становления "Философии свободы" Рудольф Штейнер уже носил в себе опыт духовного мира, который является иллюзией в отношении мира-творения. Но чтобы побудить всю нашу эпоху развития мира-творения сделать шаг вперед, он должен был упражняться в отречении, целиком погружаясь в этот оставленный богами мир. Мы можем сильно продвинуться, если поразмыслим о параллелизме, который установился между теми местами в жизненном пути, которые относятся к становлению "Философии свободы", и теми сопроводительными письмами, которые возникли в это же время. Отсюда мы можем также понять, что некоторые, кто филистерски подошли к "Философии свободы" с удивлением или рассержено восприняли именно резкость, с какой эта книга

проваживает всё традиционно-религиозное, христианское, всё метафизическое и диалектическое; в новом издании (1918) эта резкость ни в каком случае не была устранена, но только смягчены некоторые выражения. Уместно в этой связи вспомнить такие места "Философии свободы", ибо это — свежий ветер, который развивает пережившее себя.

"Не личный человеческий Бог, не сила или вещество и не безыдейная воля (Шопенгауэр) может для нас играть роль универсального содержания мирового единства. Эти существа совместно принадлежат ограниченной области нашего наблюдения. Личность мы воспринимаем только в себе самих..." (6 глава). "Бог, получившийся в результате абстрактных умозаключений, это всего лишь перенесенный на ту сторону человек..." (Консенсуальность монизма). "Поскольку монизм для объяснения живого существа не нуждается ни в каких сверхъестественных творческих мыслях, то для него невозможно также нравственный мировой порядок вывести из фактов, которые не лежат внутри воспринимаемого мира. Он не может существо воли как нравственное содержание считать исчерпанным тем, что он подведет её под длительное, сверхъестественное воздействие на нравственную жизнь (божественное управление миром извне), или под временное особое откровение (сообщение десяти заповедей), или под явление Бога на Земле /Христос/. То, что посредством этого происходит с человеком и в человеке, только тогда станет нравственным, если в человеческом опыте оно станет индивидуально усвоенным" (глава 12). Конечно, невероятно глупо, из таких фактов, которые в первом издании звучали еще резче, пытаться сделать какие-либо заключения, что в это время Рудольф Штейнер был еще материалистом." или кем-то в этом роде. Скорее следует сегодня обратить внимание на то, что всё это, что было здесь выпроважено, всего лишь

суть несоответствующее времени духовное, которое в прежние времена попадало в сферу опыта, и в будущем своем развитии, прароботом чего является Рудольф Штейнер, попадет в поле сознательного духовного видения. Но между ними лежит эпоха мира-творения, в которое человеку приходится считаться только с собой.

Здесь несозвучное времени духовное, без всяких изменений перенесённое из прошлого в настоящее, "совершенно в техническом смысле понятия постигается как люциферическое". В сопроводительном письме (к афоризмам II5-II7) это разъяснено на примере Михаила, и исходя из этого, мы можем разность "Философии свободы" считать космически обоснованной. "... посредством впечатлений, получаемых от Существа-Михаила", "никогда не может случиться", что "они приведут воззрение на природу к фантастическому или нравственно-практическую жизнь образуют в такой богоподобный, но неживой мир, как если бы здесь присутствовали импульсы, которые не внесены были бы самим человеком." "Если бы Михаил действовал так, что он вносил бы свои деяния в мир, который современный человек должен познавать и воспринимать как физический, то человек в настоящем узнавал бы из этого мира не то, что в нём есть, но то, что в нём было. Если это происходит, тогда такое иллюзорное постижение мира выводит душу человека из присущей ей действительности в другую, а именно, люциферическую."

Михаил действует иначе; хотя он не приносит для человека божественно-живое из прошлого, но он "со всеми своими воздействиями держится внутри сверхчувственного региона, который непосредственно граничит с физическим миром современной мировой фазы развития." Перед рождением /соотв. зачатием/, перед вступлением в мир-творение, человек может испытать эти воздействия. В период между рождением и смертью носит он их скрытыми глубоко внутри своего существа.

авильным образом они могут быть разбужены именно на пути "Философии свободы", нужно постоянно искать соответствующий ей душевный настрой. Импульс этого произведения, который как душевный настрой может действовать также и в таких душевных упражнениях, которые явно не связаны с его содержанием, приводит во внутренний активности к "перемещению себя в духовное." Здесь Михаил действует просветляя мысли, которые испытываются в сердечной теплоте. О переживании истинно духовного, вечного в отношении к прошлому, говорит Рудольф Штейнер в "Философии свободы" и в "Жизненном пути", касаясь смысла этой книги. В переживании этого вечного в мышлении и воле обнаруживается продление действия некоторого "прошлого мирового состояния", которое может быть найдено не в мире-творения, а в непосредственно граничащим с ним. Это переживание прошлого, которое действует в человеке как вечное, именно поэтому является не люциферическим, но переживанием Михаила.

В "Жизненном пути" Рудольф Штейнер собрал вместе всё, что он говорил о "Философии свободы" (17 глава): "В указании на то, что чувственный мир в действительности является духовным существом, и что человек как душевное существо, посредством истинного познания чувственного мира, живет и действует в духовном, заключается цель моей Философии свободы". В охарактеризовании морального мира как такового, который своим бытием освещает этот переживаемый душой духовный мир и тем самым побуждает человека приблизиться к себе в свободе, заключается вторая цель. Тем самым, в этом, совершенно индивидуальном вращении с этическими импульсами в духовный мир, может быть найдено нравственное существо человека." В таких и подобных этому существованиях, находится элемент Михаила "Философии свободы".

53. КАК ХРИСТИАНИЗИРУЕТСЯ ЖИЗНЬ.

Дуализм мировоззрения нашего времени — это документ страха перед покинутостью богами мира-творения; он суть мыслительное ограничение в отношении неумолимости фактов и потому, в своей основе постыдный. Также христианство, которое хочет занять рядом или выше поле современного научного сознания особую область, должно отступить перед душевным настроем "Философии свободы"; иначе это было бы попыткой несвоевременно утвердить древнее сознание и поэтому "совершенно в техническом смысле понятия стать люциферическим." (обзор 52); на пути дуализма жизнь не может христианизоваться.

Вопрос, как может быть христианизирована жизнь, вызван другим вопросом, как может быть христианизировано мышление. Этот последний вопрос оставило нам после себя уходящее средневековье, и ответ дал на него Рудольф Штейнер методикой ведения мыслей (см. обзор 49). Первый вопрос обращен из настоящего в будущее, на него можно ответить только делами, импульсы к которым Рудольф Штейнер как семена рассыпал на почву современного сознания, вспаханную острым мыслительным плугом.

Это вопрос, который во второй части сопроводительного письма, носящего заголовок "Михаила-Христа-переживание человеком", является действенным до слова: "Жизнь может быть христианизирована благодаря тому, что в Христе станет восприниматься существо, которое человеческой душе дает созерцание её собственной сверхчувственности".

Теперь, прежде всего, продолжим намеченные в предыдущем обзоре параллели. В "Философии свободы" со всей резкостью Рудольф Штейнер отклоняет дуализм мировоззрения, в какой бы форме он нам не являлся, будь он в облики фантома "Вещи в себе" или в ресигна-

ции "границы познания". Однако, должно быть установлено, что в те времена для монизма, который из мира непосредственно данного, черпал духовный опыт, нельзя было найти понимания именно в тех кругах, которые позже хотели для псевдо-монизма материалистического происхождения пропитать догматически мировоззрение.

В развитии монизма своей "Философии свободы" Рудольф Штейнер основал духовную науку, в которой духовное выступает в последовательном душевном настрое этой философии. Исходя из высших знаний духовной науки, во второй части вышеупомянутого сопроводительного письма указано на явления дуализма мировоззрения в наше время. То, что в "Философии свободы" было данным исходным пунктом, здесь, исходя из духовной истории мирового развития, дано как конечный пункт, мир-творение: "Природа должна познаваться и переживаться так, чтобы в ней отсутствовал бог. Вследствие этого человек в своем, таким образом сформированном отношении к миру, уже не испытывает больше самого себя. Поскольку сам человек — суть сверхчувственное существо, его созвучная эпохе позиция по отношению к природе, не дает ему никаких сведений о его собственном существе. Если он сознает эту свою позицию, то он этически не может жить так, как это подобает его человеческому достоинству." Во избежание этого в противовес познаваемому используется вненаучное или сверхнаучное откровение веры.

Так показана позиция общепринятого сегодня дуализма.

/ Начинаясь с этого места представления даются в первоначальной, не переработанной более уже Карлом Унгером редакции. (см. также "Предисловие") /.

Для этого противостояния мира и человека из наших рассмотрений следует острая постановка вопроса: "Человек сам находится среди оставленного богами творения; однако он принадлежит ему; является ли он сам всего лишь творением?" Именно в безоглядном положительном решении этого вопроса и состоит элемент посвящения "Философии свободы", что в письме 44 названо переживанием Михаила. Это даёт "правильную ориентировку, если речь идет о мире, который окружает человека для его познания или деяний." Но, по мере того, как духовный свет Михаила духовно вливается в окружающую среду человека, "внутренний мир душевного опыта может представиться пронизанным духом." И это переживание Христа, о котором идет речь в письме 44, которому "приписывается исполненное милости воздействие духовного на человеческую душу." Слово "милость", которое мы находим в этом предложении, должно пониматься в том же смысле, как в нашем обзоре 51.

Мир-творение соответствует современному человеку; на это указано в письме 44 в четырех различных местах; он способствует человеческой свободе. Одним из важных упражнений является правильная постановка себя в мире-творении; он лишен Бога и сохраняет только божественные формы /письмо 43/. Если человек ищет в этом мире духовное действующее в настоящем, то это духовное может носить лишь люциферический характер. Всякая тенденция в этом направлении, искажает взгляд человека в прошлое (афоризм II5). Михаил вносит божественное прошлое в настоящее, но так, что человек может в свободе разворачивать свою миссию. Это ведет к христианизации мышления. Но чтобы христианизировалась жизнь, должны сблизиться чувства и воля. По мере того, как переживание Михаила в отношении человека к миру пропитывается чувствами и волей, душа человека с другой стороны, изнутри, ощутит созерцание своей собственной сверхчувст-

ности. Это переживание Христа, ведущее человечество в будущее.

Так получают два мощных душевных упражнения для истинного опыта и возможность ожидания откровения в будущем. Затем на место дуализма мировоззрения ставится единство переживания-Михаила-Христа.

54. ЗАГАДКА МИРА И ЧЕЛОВЕКА.

Мы только тогда справимся с космическими основаниями человеческой свободы, данными нам в письме 45, если мы всё интимней будем размышлять над проблемой "Философии свободы", повторенной в письмах и афоризмах. Душевный настрой "Философии свободы" дает неколебимую уверенность в отношении всех искушений и отклонений пути познания; важно достигнуть этого настроения, настроив в отношении миротворения. Это конечный пункт величественного космически-духовного развития Земли и человечества, но начальная точка для современного познания человека. Этой цели служит тщательная проработка "Загадки мира и человека", которые мы имеем ввиду в связи с письмом 27. На этих двух загадках мы можем легче всего рассмотреть указанные параллели. В письме 27 на "Загадки мира и человека" указано как на упражнение души, так как человек проникается всё новыми домогательствами решения и как это может вести к надежному познанию антропософии.

Резюмируя изложенное, всё это представляется так: В размышлении о мире человек теряет из сознания мир, и в него вступает "я"; при вживании в свое собственное существо, человек теряет из сознания себя, и в него вступает мир. То, что в связи с афоризмами передается медитативному опыту, представляет собой острую противоположность в духовном опыте нашего времени, а не только борьбу философских направлений. В "Философии свободы" этой проблеме посвящаются важные страницы. Посвященному можно здесь заметить, что речь идет о тех же самых мировоззрениях, которые в "Философии свободы" названы

трансцендентальным идеализмом и трансцендентальным реализмом. Но здесь не должно входить в философское обсуждение этих противоположных мировоззрений сегодняшней духовной жизни, но мы в совершенно простых формализовках убедимся в том, как в этих проблемах умирает духовный опыт современности; это те же проблемы, которые в медитативной проработке могут возжечь новую антропософскую духовную жизнь

Одна из этих загадок имеет далеко нацеленные последствия в знаменитой формулировке Шопенгауэра: "Мир - это моё представление." Именно в своей "Философии свободы" Рудольф Штейнер показал, какое бесконечно острое мышление требуется для того, чтобы опровергнуть это предложение, которое субъективизирует всё познание. Конечно, он указал что все доказательства, привлеченные для его подтверждения, не выдерживают сами по себе критики. Но для всех познавательных стремлений нашего времени они действуют опустошающе; "

" основывается на доказательстве невозможности в познании приблизиться к действительности, поскольку воззрение всегда ставит перед ней собственные представления. Так, для человека в его размышлении о мире исчезает мир, и собственное существо человека простирается над всеми и именно в отношении мышления, пессимизм в отношении душевных потребностей человека было последствием этого. Это вело к умерщвлению духовных сил мышления.

Вторую из этих загадок, в особенности представляет изучение естественно-научных связей. Мы можем это кратко сформулировать как общая, безоглядная, механическая каузальность. Если первая загадка отрицает познание мира и изучает общую субъективность, то вторая загадка отрицает значение человека и вписывает его в мир с его закономерностями. Тогда человеческая свобода - это только иллюзия. Человек - это ничто, законы природы - всё. Колоссальная парализация волевого, морального опыта явилось последствием. В этом погибает духовная сила воли.

Ясно, что обе стороны резко противоречат друг другу; это реально действующая в культурной жизни актиномия в критическом духе, и поскольку это реальное противоречие, оно так много разрушило. И оба этих вида созерцания постоянно действуют одно в другом; одно служит для того, чтобы низвергнуть другое. В "Философии свободы" обе проблемы преодолены окончательно, но не посредством абстрактных доказательств, но посредством живых душевных явлений. Теперь можно по-своему понять значение и противоположности обеих частей "Философии свободы". Первая часть преодолевает проблему относительно человеческого познания, вторая часть относительно человеческой свободы. Это могло произойти потому, что Рудольф Штейнер проследил обе проблемы до их общей подосновы, где человек и мир действительно едины, до чистого мышления. Можно сравнить необоснованность каждой из этих проблем, если они поставлены как односторонние абстрактные философии, с рассмотрением решения их обоих в медитативном опыте, как в письме 27. Человеческая свобода имеет значение не только для человека, но и для мира. И далее: Человеческая свобода заложена не только в человеке, но и в мире.

0 0 0

55. ДРУГАЯ СТОРОНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СВОБОДЫ.

I.

Письма 45 и афоризмы 118 до 120 определенно выходят за рамки "Философии свободы". В каком смысле это должно происходить, видно из полярности между человеком и миром, которую мы никогда не должны терять из виду, если мы не хотим впасть в односторонность. Человек сам творим в мире — творение и дух среди духов; но он должен себя увидеть также как духовное существо в мире творения иначе он станет творением также и среди духов. Всё, что происходит с человеком имеет другую сторону в мире.

Поэтому человеческая свобода — это не просто констатируемый факт, который таким же образом создан богами, как мир-творение; но явление, исходящее от человека, которое даже стоит в определенной противоположности к божественному созданию мира-творения. В какое отношение ставят себя творящие существа к человеческой свободе? Это вопрос, который выходит за рамки "Философии свободы".

Оглянемся на прежние рассмотрения, тогда мы можем вспомнить, что порог духовного мира проходит эфирное посредством человека, а именно — он проходит там, где эфирное и астральное тело связываются и разделяются. Это выражается в чередовании сна и бодрствования. С космической точки зрения физическое и эфирное тела находятся в "мире-творении", физическое тело полностью, эфирное тело, как силообразующее тело, так что оно еще представляет нечто от мира "деятельности". Астральное тело и "я" принадлежат духовному миру, они представляют еще нечто от мира "откровения" и "существа".

Мы можем охарактеризовать человека в целом так, что эфирное тело — это деятельность, направленная на творение физического тела, астральное тело — это откровение существа "я". Со своим сознанием человек целиком находится в мире-творения, но космически, с позиции различных Иерархий нужно сделать особую поправку.

Вспомним, согласно афоризмам 69-71, что область действия первой иерархии простирается до физической телесности, второй Иерархии до эфирного тела, третьей иерархии - до астрального тела человека. Так получается, что физическое тело для существ третьей и второй иерархий - это "мир-творение", эфирное тело для существ второй иерархии является "миром-творением"; для самого человека его физическое, эфирное и астральное тела являются миром-творением. Но как раз от "я" может излиться после посредством человека новое существо, посредством его членов, когда он преобразует своё астральное тело как откровение /Само-Дух/, своё эфирное тело как деятельность /Жизне-Дух/ и своё физическое тело как творение /Духо-человек/.

На это указывает следующее предложение в письме 45: "Свободное" может прийти только от "я" и со свободным действием "я" должно суметь откликнуться на это астральное тело, чтобы перенести это на физическое и эфирное тела."

То, что теперь, в письме 45, следует за этим предложением в следующем абзаце, это особенно трудно для понимания; можно сказать вместе с Канезиусом: "О, сто раз я читал следующие слова - - - - ". В трудности постижения этих предложений выражается то, что здесь говорится не "посредством чисто человеческих познавательных сил" /см. начало письма 45/, но человек рассматривается с космической точки зрения. То, что здесь уже в строении предложения проявляется как противоречие, разрешается, если обратить внимание на то, что относительное предложение имеет своим содержанием не человечески-субъективное, но духовно-объективное. Тогда можно понять предложения как ясное мыслительное выражение для

того, что представляет собой миссия Михаила в вопросе позиции духовного мира к человеческой свободе.

В афоризме III в простейшей формулировке выражено условие свободного деяния, в которое ни внутри, ни вне человека не вмешивается никакого природного закона. Одна сторона этого понятия; действие, если оно хочет быть свободным, не должно зависеть ни от физического, ни от эфирного тела, посредством которых человек участвует в природных законах, ибо в этом случае в действии будет участвовать внешняя природа. Гораздо труднее дается другая сторона, что также и со стороны духовного мира можно действовать на физическое и эфирное тела, не давая при этом человеку свободы.

Духовное уже не действует более со стороны внешней природы как таковой, поскольку она всего лишь мир-творение; но оно действует изнутри человека со стороны бессознательного, бессознательного, подсознательного, в продолжении действия первобытного божественного существа и откровения. Также и от этого духовного /действие природы изнутри/ не должно зависеть деяние, если оно должно быть свободным. Если бы это духовное продолжало бы действовать далее, то подсознательное, бессознательное "еще теснее срослось с материальным." Тогда бы человек хотя и сохранил "свой космически предопределенный облик" /афоризм III/, но он вел бы, как показал это Рудольф Штейнер в другой связи, автоматизированное существование.

Эта строка не была охвачена "Философией свободы", она становится доступной восприятию только когда "Философия свободы" окажет свое действие. Она дает такое упражнение, что познавательные силы "могут появиться на поле духа"; но тогда из самого этого пути следует, что "нужно идти совместно с существами других миров". Об этом в последующих строках письма 45, как награда за колоссальную трудность начала, даны удивительные описания.

118.

"Свободным деянием может быть только такое, при котором в него не вмешивается никакой природный закон, ни извне, ни изнутри человека."

119.

"Этому противостоит как полярное утверждение, что в свободном деянии человеческой индивидуальности должна быть в ней подавлена природная закономерность, которая присутствовала бы при несвободном деянии и давала бы человеку его космический predetermined облик".

120.

"Этот облик, который человек, живущий в своем существе вместе с настоящей и будущей стадией развития мира, не подобает ему на природном пути, он подобает ему на духовном, посредством своего соединения с Михаилом, благодаря чему он находит также путь к Христу."

o o o

56. ДРУГАЯ СТОРОНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СВОБОДЫ.

II.

Ход мыслей в первой части письма 45 — это пример того, как для важнейших явлений духовного мира может быть найдено мыслительное выражение. Ясно, что заключение "путь совместно с существами других миров" не может быть выведено мыслительным, логическим способом; однако есть необходимость, такие духовные исследования, которые оно открывает нам, выражать в мыслях, в соответствии с современной позицией познания человека, на которую указывает следующее предложение в письме 45: "Позиция, человека по отношению к мировому существу будет в дальнейшем становиться ему всё более непонятной, если он не придет к тому, чтобы кроме своих отношений к природным существам и процессам, еще признавать такие отношения, как к миссии Михаила". Именно на слово "признавать" делается упор в этом предложении, ибо сначала мыслительное воззрение введет к внутреннему душевному настрою, который действительно признается с благоговением.

Здесь речь идет о проблеме, с которой до сих пор не могла справиться ни одна философия, поскольку решение ее не может явиться только из мыслительной жизни. Вопрос о человеческой свободе в отношении воздействий извне, еще более или менее доступен обозрению, тогда как внутреннее понуждение воли оставалось непреодолимой проблемой до появления "Философии свободы", которая открыла путь познанию, на котором решение стало доступно опыту. Шиллер особенно сильно ощущал эту сторону проблемы свободы, он освобождался от нее посредством художественного настроения души, и стремление к разрешению трудных вопросов внутренней /моральной/ свободы посредством искусства — это важное эпохальное явление. Но в новей-

ее время само искусство нуждается в освобождении, которое ему может быть дано из тех же самых духовных источников, которые протекают из пути совместного с существами других миров."

В прежних рассмотрениях мы пришли к точке зрения, которую можно выразить следующим образом: Другая сторона природы – это моральный мир. Здесь мы находимся перед некоторого рода обращением, поскольку то, что в философии известно как категорический императив, как внутреннее моральное принуждение, представляется как высшее, космическое действие природы. Это должно человека удалить от себя, чтобы он мог пережить импульсы свободы, и это выражается "для внутреннего восприятия" как "сознание действия свободы" (письмо 45 и афоризм II9). На этот процесс в человеке, отталкивания космических сил, космос отвечает одновременно соответствующим образом. По мере того как человек освобождается от этих импульсов духовные существа, для них тоже наступает своего рода свобода в отношении человека, и эта космическая свобода выражается вмешательством Люцифера и Аримана.

И здесь может явиться нам истинный космический прасобраз "Философии свободы", ибо эта эпоха пришла не только для людей, но также и для богов. Общее преобразуется во "внутреннюю беседу с сущим" /истинная инспирация/. Предложения и упражнения "Философии свободы" – это человеческие вопросы к духовному миру, миссия Михаила даёт ответы. Первая часть "Философии свободы" уже раньше являлась нам в связи с опытом Михаила; разве это не представляется так, как если бы Михаил с древних времен искал человеческого опыта? И разве не Христос искал полного человеческого опыта, человеческой смерти и ее преодоления?

Вторая часть "Философии свободы" соответствует опыту Христа. Как первая часть создает познание, так вторая часть требует дела. Так человеческий опыт Михаила – это верный вождь на пути к делу Христа /афоризм I20/.

Чувства и воля ведут мышление первой части "Философии свободы" к жизни второй части. Это значит совершенно новое после того, как в первой части вся прежняя чувственная и волевая жизнь, опирающаяся на традицию, устраняется, отвергается. Для этой преодоленной, несозвучной времени древности, должна быть найдена замена в духовном пути "Философии свободы".

Так, с выступлением Михаила выглядят со стороны духовного мира, отвергнутые человеком природные воздействия космоса. "Он посвящает себя задаче дать доступ человеку, описываемым здесь способом, к силам, приходящим из духовной части Космоса, которые должны стать заменой подавленным силам природного бытия." Тогда человеком будет усвоена высшая духовная природа, которая так захватывающе представлена в письме 45 в образе света и тепла. К этим образам, которые инспирирующему поистине могут дать новое искусство эзегетически прибавить что-либо, было бы самонадеянностью; здесь уместно только переживание. Но также и эти образы полные жизни, пронизываются удивительными вспышками мыслей, которые, воспламеняя свет и тепло, могут нас одухотворить.

И снова заканчивается всё это здесь указанием на Люцифера и Аримана. Душевный настрой "Философии свободы" даёт нам в обычном сознании устойчивость по отношению к этим мировым силам, и так заканчивается последний абзац этого письма 45 указанием на "душевную и духовную надежность", которая для другой стороны человеческой свободы из опыта-Михаила-Христа проливает другую, КОСМИЧЕСКУЮ ФИЛОСОФИЮ СВОБОДЫ.

57. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОПЫТ ДУХОВНЫХ СУЩЕСТВ.

I.

Мыслительная жизнь — это социальный элемент связывающий людей. Посредством этого элемента Рудольф Штейнер ставит себя на одну почву со всеми людьми, как бы он ни был сам возвышен над человечеством, хотя он и может говорить опираясь на совершение высших иерархий. Но когда он говорит людям о существах духовных миров, он апеллирует к элементу, связующему людей и богов, связанный с мыслительной жизнью, но в то же время, космически обозримому. Это показано в письме 45 в образе света и тепла. Свет и тепло — это мощные силы, ибо они являются первобытными силами мирового развития со времени старого Сатурна и старого Солнца; они — суть откровения духовных существ, которые сегодня воспринимаются человеком извне как природные влияния, поскольку они оставлены духовными существами, стоящими за ними. На пути мыслительной жизни, создающей между людьми общность, свет и тепло могут снова стать откровением первобытных существ, посланцами Михаила и Христа.

В различных письмах (40, 42, 43, 44, 45, 46) Рудольф Штейнер говорит о том, что благодаря Михаилу человек удерживает в себе нечто от этих первобытных существ, которые оставили мир-творение; это свет и теплота мышления. Мы должны здесь повторить, что уже было сказано в 35 обзоре, начиная со слов: "В знаке Михаила важным является привести себя в соответствие с мышлением." Сказанное здесь находится в согласии с письмом 32, указывающим как мышление в духе Михаила освобождается из области головы и ему прокладывается путь к сердцу. Это предварительное условие для того, чтобы в дальнейшем развитии писем 32 и 34 можно было бы быть дано духовное отображение того, что раньше поднималось с местонахождения человека.

Всё снова и снова должно нас наполнять благоговением то, что, обращаясь к нашему сегодняшнему сознанию, можно так говорить о существах духовного мира, как в письмах и афоризмах говорится о миссии Михаила. Рудольф Штейнер может так говорить, поскольку он сделал бесконечно много для мыслительной жизни человека. Нашей же задачей является всё лучше учиться слушать подобный язык жизни и не бояться для понимания делать необходимые усилия и упражнения.

Поскольку современный человек ощущает мыслительную жизнь как свою собственную, он отделяется от космической действительности, и это отделение, одну сторону которого мы испытываем непосредственно, мы должны духовно испытывать с другой стороны также существенно, как испытываем наше существо, причем, здесь опять дело не в логическом постижении. В основе этого разделения лежит еще нечто иное: в предыдущем обзоре мы, с некоторой дерзостью говорили о человеческом опыте Михаила; но есть еще и другие существа, которые ищут человеческого опыта. Уже раньше мы могли напомнить о исследованиях Рудольфа Штейнера, что ангельские существа по пути интеллекта ищут всё более тесную связь с человеческими существами. Эти существа остаются связанными с людьми, они — суть посланцы / /, которые доносят Михаилу о человеческих делах /письмо 45/; ибо Михаил ищет человеческий опыт в отношении всего человечества. Но в таком обобщенном смысле также и Ариман ищет человеческого опыта, не как Михаил, в свете и тепле, но на пути тьмы и холода. мыслительной жизни, теперь стоит с точки зрения человеческой мыслительной жизни взглянуть на величественные имажинации, которые Рудольф Штейнер дает в письме 46. Это как бы некая космическая медитация, которая дает человеку такие же возможности различения света и тьмы, тепла и холода, которые он имеет в отношении добра и зла.

Вопрос, которым начинается письмо 46, это тот, который человек может выдвинуть исходя из чувств и воли в отношении к мышлению для способности различения: "Как в космических взаимоотношениях мы относимся к обоим этим силам /Михаил и Ариман/, поскольку оба разворачиваются в интеллектуальных силах?" "Нужно познавая смотреть на эти существа, от которых исходит действие." /афоризм I21/. Такие различия Рудольф Штейнер приводил уже в связи с совместной жизнью людей. Например, он указывал на почти дословно одинаковые изречения Германа Гримма и Вудро Вильсона, чтобы показать, что следует обращать внимание не только на абстрактное мыслительное содержание, но на весь жизненный уклад, волевые устремления и сущности личности. Другой впечатляющий пример дал нам Рудольф Штейнер уже много лет назад. "Мы должны уяснить себе, что выражаемое в немногих словах ... может значить очень многое, но в то же время оно может ничего не говорить."

Так он говорил, указывая на то, что евангелист Иоанн в конце своей жизни, в глубокой старости, дал изречение, собирающее в себя весь экстракт христианства: "Дети, любите друг друга." И каким огромным будет различие, если то же произнесет какой-нибудь тривиальный человек. Как много должно еще в нас измениться, чтобы такие возможности различения действительно стали социальным фактором.

I21.

"Невозможно постичь нечто действующее в мире, например, мировую мысль, в его значении для мира, если оставаться просто при этом действующем; но нужно, познавая, наблюдать существо, от которого это действие исходит, например, в отношении мировой мысли, вносит ли ее в мир и несет через мир Михаил или Ариман."

I22.

"То, что, исходя от одного существа, в его отношении к миру, действует целебно и творяще, исходя от другого существа, может действовать губительно и разрушающе. Мировые мысли ведут человека в будущее, если он воспринимает их от Михаила; но они ведут его прочь от целебного будущего, если он воспринимает их от Аримана."

I23.

"Посредством таких рассмотрений нужно всё снова стрейтаться к преодолению воззрения, основанного на некоей непосредственной духовности, которая натеистически должна разворачиваться на основе вещей; но направляться к конкретному, определенному, что позволит создать представления о духовных существах высших иерархий. Ибо действительность везде состоит в сущем; и что в ней не есть сущее, это деятельность, разыгрывающаяся от существа к существу. Это можно постичь только тогда, если взгляд направить на действующее существо."

_____ 0 0 0 _____

58. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОПЫТ ДУХОВНЫХ СУЩЕСТВ.

II.

В различной связи Рудольф Штейнер употреблял выражение, что в результате определенных событий или в определенные эпохи развития, человек возвышался на пол-ступени. Можно задать вопрос о значении этого выражения "пол-ступени". Целая ступень находится на переходе великих эпох, которые предусмотрены планами мирового развития; половинная ступень означает действие других существ, отличных от нормальных духовных существ. Здесь находим мы, при взгляде на непосредственное будущее, в конце письма 46 указание, которое можно нам объяснить, что имеется ввиду, когда говорят "пол-ступени".

Человек нашего времени вообще только с трудом может найти свое место в окружающем его мире, на который, как мы видим, в письме 44 указано в четырех различных местах. Это как бы неустойчивое равновесие, и человек должен держаться следующего выше него стоящего мира, чтобы не впасть в опасность, низвергнуться в соседний, ниже его находящийся мир. Это "само-удерживание" вблизи соседнего с ним высшего мира может сделать нам понятным выражение "пол-ступени".

Неустойчивый элемент нашего времени — это как раз интеллектуальность, поскольку она стоит на острие "я". Она колеблется между стремлениями к надчеловеческому /метофизическому/ и подчеловеческому /материалистическому/, и только тогда является собственно человеческой, когда со стороны "я" пронизывается моральность. На это моральное указывает строгость Михаила, которая, так ясно поставлена перед нами в письме 46. Он призывает человека к тому, чтобы осознать свои побуждения, которые могут ему дать самоотверженность мышления, любовь к деянию. "Философия свободы дает и для этого также правильный душевный настрой; она побуждает человека

свободно последовать призыву, который его, в его собственной человечности хочет вознести на пол-ступени. С этой стороны перспектива человека свободна при взгляде на то, что Рудольф Штейнер показывает нам как имажинацию Михаила.

Но с другой стороны, человек из неустойчивого равновесия своего "я-существа", в сегодняшних формах культуры, опустился на пол-ступени в области Аримана. Это иллюзия собственного обладания интеллектуальностью, тогда как в действительности человек впадает в автоматизм, духовную власть над которым имеет Ариман. Также для этого духовное письмо дает соответствующие имажинации. Противоположность между Михаилом и Ариманом состоит в том, что "Ариман присваивает себе интеллектуальность", тогда как Михаил "никогда не присваивает себе интеллектуальность", но только завлечет ей. Слова в выражениях письма 46 нужно, как всегда, понимать совершенно точно.

Дважды в этом письме 46, при упоминании о связи человеческого мышления с Ариманом, говорится об автоматизме. Здесь имеется ввиду нечто иное, чем то, что названо автоматизмом в нашем обзоре 55. Об этом однажды говорил Рудольф Штейнер по поводу отношений интеллекта и морали. Слова при этом должна быть принята во внимание, как в 55 обзоре подяжность между физическим телом и эфирным телом, с одной стороны и "я" и астральным телом — с другой.

Физическое и эфирное тела старейшие члены человеческого существа, происхождением которых мы обязаны Сатурну и Солнцу, образуют сегодня инструмент интеллектуального развития: им свойственна степень совершенства, которая находит свое выражение в интеллектуальной способности. Человек превратился бы в мыслительную машину если бы не имел "я" и астрального тела. Эти оба, как иные члены,

роисхождением которых мы обязаны Луне, являются носителями моральных импульсов. Без развития свободы, моральности, которая как в семени действует в "ребенке-я", человек пришел бы к некоторому виду автоматизма со стороны нормально развитых духов. Об этом шла речь в обзоре 55. Но физическое и эфирное тела попадают под власть автоматизма, если астральное тело и "я" не практикует моральные импульсы, ибо тогда Ариман вносит в эти органы интеллектуальность. Это приводит тогда к "миру, который, при взгляде человека на этот физический мир, предстает ему как природа", стоящий на пол-ступени ниже свойственного человеку мира.

Здесь мы глубоко вглядываемся в космическую борьбу, ареной которой является человеческое сознание, и задачей человека является осознание этой борьбы, ибо в этом лежит решение. Имагинации, относящиеся к Михаилу и Ариману в письме 46, — это средства возречь это сознание. Ранее мы видели, что сильное мышление — это средство отклонить Аримана, но оно должно быть полностью сознательным мышлением. Не является сознательностью, если некая "логика" бессострадательно и без любви говорит сама по себе — на самом деле Ариман говорит в нем."

В таких и других словах даны в письме 46 мыслительные упражнения для собственного мышления. Но имагинации дают также верный масштаб для того, откуда происходит мышление какого-либо человека. Сравните, например, холодную умность, которая подавляет других, которая нуждается в темноте, чтобы проявить свой свет, с истинной разумностью, которая возжигает в других свет и тепло.

Так в существе разрешаются мировые и человеческие загадки, перед которыми человек поставлен в мире-творении. В обзоре 54 мы рассматривали это философски-научно, здесь мы учимся смотреть на существа, из области которых загадки действуют на человека: Человек теряет себя"; "он находит себя, если он себя не ищет, но в любви волевым актом связывает себя с миром."

59. О СУЩЕСТВЕ ИСТОРИИ.

Время и пространство принадлежат к труднейшим проблемам, в особенности, если их хотят постигать не абстрактно, но по существу. Такое сущее постижение может уже во введении гётевскому учению о цвете Рудольфа Штейнера, в книге "Естественно-научные сочинения Гёте", вышедшей в 1926 году в философско-антропософском издательстве. Читаем на стр. 210: "Здесь мы видим, что время выступает только там, где существо вещи вступает в явление". Это место, на которое обращают мало внимания. Существо не имеет никакого отношения ко времени, обычным сознанием оно может постигаться только по его внутренней обусловленности, что мы раньше познавали каузальностью. Там же открывается это внутреннее существо, выступает время.

Есть одно место, где Рудольф Штейнер особым образом говорит о пространстве и времени, в отношении к добру и злу. При этом мы должны представлять себе сущее-пребывающее, некий вид пространства, представленного зодиаком, который пребывает также на протяжении эпох Сатурна, Солнца и Луны, пребывает за пределами земного развития. В своем существе это превосходит пространство и время и стоит над добром и злом. Поскольку оно пребывает, оно не имеет ничего общего со временем, но постигаемое во времени, "оно расчленяется на добро и зло." Так в этом отношении для числа двенадцать происходит разделение на семерицу и пятерицу. Дело в том, "что пространство, если оно покидает свою сферу вечности и принимает в себя творения, развивается во времени, "расчленяется на добро и зло." При семерице — это доброе число для временных отношений.

В связи с этим мы можем установить, что в обоих имагинациях, относящихся к Михаилу и Ариману, в письме 46, указано на отношение времени к пространству. Из двенадцати пребывающих существ,

принадлежащих пространству, семь принадлежат светлomu миру, пять - темному. Так, Михаил в течении времени, разворачивает в светлом мире правильную связь с прабожественными существами. Напротив, об Аримане можно сказать следующее: "В своем движении он хотел бы из времени возвнестись пространство." При этом имеется в виду не прапространство, но как говорилось выше, творения, которые приняли в себя пространство и которые движутся во времени. Так сочленяются эти имагинации с откровениями в этих местах цикла. Это место завершается словами: "В это мгновение вы не должны говорить, что это трудно понять, но вы должны сказать: Мир глубок, и он дает вести, которые трудно понять. Нужно иметь перед собой целую вечность, чтобы понять всё, что должно быть понято в мире."

Так можем мы теперь найти переход к величественным настроени- историческим представлениям письма 47, где мы видим Михаила, странствующего во времени. Пожалуй, то что мы рассмотрели в отношении Михаила, миссии Михаила, мы можем дать выражение в следующем обобщающем предложении: Михаил - это не только защитник людей, он также охранитель господства творящих существ.

X

Во многих отношениях мы прибегали к рассмотрению истории; они стоят в связи с афоризмами, например, 50-52. Мы добрались до того места, где в письмах и афоризмах историческое берется в отношении к эпохе души сознательной. "Перед вратами души сознательной" озаглавлено письмо 47. Здесь мы хотим вспомнить, как мы определили короткие афористические предложения как буквы из языка души сознательной /см. обзор 50/; мы можем дополнить их предложениями, относящимися к истории:

57. Мы должны постичь становление истории из становления человека и затем господство истории в человеческом существе. /26/
58. С точки зрения безоглядной каузальности природы, вообще нет никакой истории. /26/
59. Биографии образуют высшую объясняющую науку по отношению к описательной науке, антропологии; это и есть история. /26/
60. Древние человеческие взаимосвязи не имели истории; существо явлений находилось в духовном мире. /26/
61. "Ветхий Завет" / это не описательное историческое произведение, но целенаправленное; в мистерии Голгофы эта цель стала действительностью, историческим фактом. /26/
62. "Апокалипсис" - это новая постановка цели для второго пришествия Христа. /26/
63. Действительная история состоит в том, что ранее чисто духовные события становятся человеческими-земными; истинная история - это история человеческого сознания. /26/
64. Только самоотреченность в отношении собственной судьбы может привести к действительной истории. /27/
65. Из эфирного тела, которое после смерти удаляется в Аркашу-Хронику, становится субстанция истории. /27/
66. Из опыта астрального тела после смерти в период осуждения жизни, в историческом становится мораль. /26/
67. "Я" после смерти, в мире замыслов, участвует в становлении предвидения в истории. /27/
68. Если мы историю человеческого сознания вызовем во внутреннем повторении в переживании, то современный человек будет действовать совместно с внешними иерархиями под явлениями. /27/

9. Мыслительная победа Рудольфа Штейнера над материалистическим номинализмом в естествознании, проламывает в душе проход к новому реализму душевного опыта. /35/
10. Смешать в кучу тепло сердечных мыслей и холод головных мыслей, выражаясь исторически — это смешать номинализм и реализм. /36/
11. Спиритуальная история — это развертывание духовных существ в ряде исследовательных эпох, для которой человеческая история и факты развития человеческого существа — суть только её внешнее откровение. /42/

60. О ЗАКОНЕ ПОВТОРЕНИЯ.

Есть, прежде всего, четыре письма /47-50/ и относящиеся сюда афоризмы, в которых Рудольф Штейнер дал живейшие исторические образы перехода к новому времени, в связи со спиритуальной историей, развертыванием существ в духовном мире. Для исторического исследования они дают неисчерпаемые побуждения, в смысле слов письма 47: "То, что может найти духовное созерцание, устанавливается по внешним признакам." Здесь речь идет об исторических событиях, которые закрыты таинственным покровом. Наша задача в том, чтобы проникнуть взором сквозь этот покров, и это может произойти только тогда, когда мы историю человеческого сознания вызываем во внутреннем повторении в нашем сознании. Это должен делать также исследователь истории, когда он изучает внешние признаки.

Здесь сообщаются нам сокращенные повторы, они состоят, короче говоря в том, что на всяком нашем обрывке развития вкратце повторяется всё предшествующее. Так, в начале солнечной эпохи повторяется старый Сатурн, затем оба повторяются в первых отрезках старой Луны; и также обстоит дело с земным развитием. Отдельные малые циклы также представляют повторение прежних состояний, пока не вступит в них новое. Так отдельные послеатлантические культуры являются повторением прежних эпох. и они повторяются, наконец, в ходе развития новых народностей.

Но этот принцип справедлив не только для формирующих сил человеческого развития, но также сил сознания. Так находим мы в "Загадках философии" Рудольфа Штейнера представления, что общее развитие человеческого мышления с древности до нашего времени, в особенности повторяется в девятнадцатом веке.

Также мы должны проследить этот принцип в историческом переходе к эпохе души сознательной. Здесь он должен проявиться в общем настрое души по отношению к миру. Если мы исторические представления писем 47–50 заставим действовать на нас в этом направлении, тогда сможем мы испытать в начале нового течения развития души сознательной отголосок душевного настроения древних культур. Но при этом нужно учитывать, что эти повторения не просто следуют друг за другом во времени, но также и взаимно проникают друг в друга, и всё же вообще характеристические черты последних столетий можно сравнить с характером отдельных послееатлантических культур. В особенности итальянское искусство отчетливо разделяется по отдельным столетиям, и мы выберем хорошую точку зрения, если, например, Трасенто с его отказом от мира, сравним с древней индийской культурой, и соответственно продвигаясь до зрелого Ренессанса, найдём черты Греции и Рима.

Рудольф Штейнер часто описывал душевный настрой древней индийской культуры. Тогда взгляд был направлен назад, к древней духовности Атлантиды; сознание носило сновидчески-ясновидящий характер; физический мир еще не был так ясно и резко обрисован для чувств, он отвергался как Майя. Стремления были направлены на оживление древнего атлантического сознания, и Йога была путем к этому. Но когда Рудольф Штейнер описывает древнюю Атлантиду, то он указывает на густые туманные массы, из которых еще не выделилась вода. Удивительно его указание на радугу, которая могла возникнуть только тогда, когда туман конденсировался и образовались большие реки.

Уже повторно в наших рассмотрениях писем и афоризмов мы говорим, что многократно повторяющееся снова является вождем к пони-

манию. Конечно, не напрасно в письме 47, при описании образа выражения в рассказах, сагах, стихотворениях, трижды употребляется слово "туман". Это означает направление нашего взгляда на первую послееатлантическую культуру. Выступление из тумана, который, естественно не представляется здесь физическим, повторяется с запазданием. Какими являются образы рассказа о добром Герхарде, саги о герцоге Эрноте, о Ролланде, мира Набелунгов, они указывают на стремление к древнему сознанию, к Нифельгейму.

Это стремление указывает на моциферово воздействие. В письме 47 Рудольф Штейнер особенно обращает внимание на то, что в рассказах не просто дано дело в восточном возвышении над вещественным, но дело в явлениях сознания, в стремлении, которое связано с крестовыми походами. Но, быть может, следует обратить внимание на то, что крестовые походы сами шли в том же направлении, как и древние миграции народов, исходивших из Атлантиды, и что это было повторением древних послееатлантических культур перед появлением души сознательной, тогда как переселение народов, начавшееся в четвертом столетии, происходило в направлении с востока на запад, т.е. в том же направлении, в каком развивались послееатлантические культуры.

Мы тогда сможем понять воздействие Михаила из духовного мира перед его вступлением в должность вождя в 1879 году, когда мы рассмотрим краткое повторение послееатлантических культур до наступления эпохи души сознательной. Если мы заставим действовать на себя описания в письме 47 в отношении к древнеиндийской культуре, которая снова всплывает в душевном настрое, тогда в такой точно точке зрения может проявиться для нас деятельность Михаила. Он сам повторяет свои действия прежних времен, пока он еще не был вождем новой эпохи, в наше время его деятельность выступает явно.

I24.

"Началу эпохи души сознательной /пятнадцатое столетие/ предшествовало, в затмении эпохи души рассудочной, повышенное люциферическое воздействие, которое некоторое время продолжается еще в новую эпоху."

I25.

"Это люциферическое воздействие стремилось незаконно сохранить древние формы образного представления мира и удержать человека от познания физического бытия мира посредством интеллектуальности и вживания в этот мир."

I26.

"Михаил связывает себя с действиями человечества так, чтобы при заимствованном божественно-духовном сохранялась самостоятельная интеллектуальность, однако, не в люциферическом, но в законном виде."

61. ИСТОРИЯ И ПОСВЯЩЕНИЕ.

В предшествующих рассмотрениях выступила перед нами трагедия древних посвященных. Она основывалась на том, что прежние принципы посвящения больше не могли и не должны были действовать. Мы можем уяснить себе эту трагедию с другой стороны; древние принципы посвящения стояли в глубокой связи с принципом повторения, и тем самым связаны с тем, что из мест посвящения исходило для дальнейшего развития человечества. Посвященные древней Атлантиды, например, формировали для себя и своих учеников высшие формы обликов вплоть до, еще тогда пластичной физической телесности. Это происходило потому, что содержанием их медитаций, если их высокие устремления можно так назвать, были древнейшие духовные состояния развития земли. Благодаря этому они сохраняли связь с творящими существами духовного мира, которые свою творящую деятельность могли распространить на людей, как некий вид повторения того, как она в те далекие времена, развивали свою деятельность на Земле.

Таким образом, это был древний космический процесс развития медитации для позднейшей эпохи. Это, в свою очередь, повторялось. Явления, происходившие во время первой коренной расы, полярной расы, стали принципом посвящения в праиндийские времена, и соответствующее происходило в последствии, так что явления гиперборийской эпохи, в особенности отделение Солнца от Земли, стало принципом посвящения для и прарперсов, и явления лемурийской эпохи, отделение Луны от Земли стало принципом посвящения у Египтян, пока снова атлантический мир не вступил в мистерии древней Греции. Но этим были эти возможности исчерпаны, т.к. нечему уже было повторяться теперь, скорее последующие события должны были

отныне стать принципом посвящения. Это произошло в мистерии Голгофы, с которой началось новое сотворение мира и Земля получила будущее, поскольку руководящий дух всего развития выступил среди людей. С этого момента прогрессивная деятельность, принципы посвящения стали не повторением прошлого, но предварением будущего.

И тем не менее, это действие, направленное в будущее, находится в полярных отношениях к прошлому, так что импульс Христа, как действие посвящения, повсюду стремится пронизать древние состояния и древнее наследие и преобразовать его. Вследствие этого, снова происходит вид повторения древних событий, но которое существенно отличается от дохристианского повторения. Но также прежние, основанные на повторении импульсы, еще продолжают действовать, потому что оставшие духовные существа вмешиваются в позднейшие времена и продолжают свое, бывшее когда-то закономерным, воздействие. Это, как мы знаем, люциферические существа. Так устанавливается борьба между старым и новым воздействием.

Человек, как видели мы ранее, это наследие древнейших времен. Он несет в себе древние человеческие облики, древних атлантов, или индийцев или римлян. Эти облики являются сегодня в нас тормозом, препятствием для принятия в сердце Христа, это наши внутренние враги и исторические заблуждения — это выражение этой борьбы. Когда мы учимся в исторических явлениях познавать эти связи, это служит для формирования души сознательной. Новый принцип посвящения выражается в том, что тайны древних мистерий и их человеческое предводительство становятся достоянием отдельных людей. Благодаря этому древние, еще только в подсознании шумящие облики высятся к сознанию и тем самым освобождаются. Так создается также историческое сознание человечества, с наступлением эпохи души сознательной, посредством освобождения от древних обликов.

В исторической жизни нового времени, в начале развития души сознательной, добавилась еще индивидуальная, идущая через инкарнации деятельность отдельных исторических личностей. Для этих отдельных личностей наступающая эпоха характерна тем, что интеллектуальность выступает изнутри человека как его собственная деятельность /см., например, письмо 42/; человек начинает чувствовать себя творцом своих мыслей. В этой мыслительной силе инспирирующе действует Михаил, поскольку пришло его время. Но перед этим в эту индивидуальную деятельность вступает Ариман, так что разражаются колоссальные исторические конфликты; индивидуальная трагедия исторических личностей. Постигание Христова импульса посредством Михаила происходит таким образом, что он не может быть понят исходя из собственного сознания этой исторической эпохи. Это есть истинное чудо.

Наше нынешнее постижение посредством души сознательной направлено как на исторические события, так и на деятельность исторических персонажей. В афоризмах I24—I30 точки зрения представлены для этого, и мы при этом можем обнаружить, что люциферическая опасность действует из прошлого на народный опыт, усредненное сознание, ариманическая опасность подвигается из будущего и действует более на отдельные личности с более интеллектуальным сознанием.

Поскольку Рудольф Штейнер открыл нашему сегодняшнему сознанию тайны этих исторических процессов, миссия Михаила сегодня может быть воспринята отдельными людьми и тем самым для всех людей показан путь для действия Христа. Так образуются принципы посвящения для настоящего времени и исторические импульсы для будущего.

127.

"В начале эпохи сознательной человеческая душа еще в малой мере развивает свои интеллектуальные силы. Происходит разрыв связи между тем, что душа наблюдает в своей бессознательной подоснове и тем, что ей могут дать силы из области, в которой находится Михаил."

128.

"Этот разрыв связи повышает возможность для люциферических сил держать человека во власти космических сил раннего детства и побуждать его к дальнейшему развитию на его пути божественно-духовных сил, с которыми он был связан вначале, но на пути люциферического."

129.

"Далее, возникает повышенная возможность для ариманических сил, стремящихся отрезать человека от космических сил раннего детства, так чтобы его дальнейшее развитие проходило в его собственной власти."

130.

"И то и другое не произошло бы, поскольку силы Михаила всё же действовали; ну духовное развитие человека должно было проходить под воздействием препятствий, созданных в результате этих двух возможностей и вследствие этого оно стало тем, что мы наблюдаем сегодня."

62. ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ.

Первый отрывок письма 48 дает переходное настроение, для которого последнее послание должно быть выражением. Исторические события, описываемые в этом письме, стоят под знаком совсем другого настроения, в сравнении с импульсами письма 47, имеющими более сновидческий характер. В этих взаимосвязанных письмах /от 47 до 50/ речь идет об исторических событиях и переживаниях сознания, которые разыгрывались с тринадцатого до шестнадцатого столетия. В письме 48 особо выделяются: более чем столетняя война Франции с Англией, вступление Арлеанской Девы, затем событие в сознательной жизни - философ Декарт и его сравнение с Августом. Важно также указание на крестовые походы, которые с Востока принесли на Запад древние мировоззренческие импульсы, а также столкновение для повторения древних культур до наступления эпохи души сознательной.

В духе такого постижения настрой этого письма сравним с тем, что мы можем знать о праперсидской культуре; но здесь мы имеем дело с искаженным образом, который выступает как препятствие для древних импульсов. Этим препятствием является война Франции и Англией. Начало действия души сознательной явилось противовесом грядущему туманному настрою. Но вместо того, чтобы проявиться духовно, как это было бы желательно, это привело к ужесточению войны.

Душа сознательная ведет человека к постижению физического плана, к возвышению посредством работы, как в спиритуальном смысле это произошло в праперсидские времена.

В ту эпоху /5.000 до троянской войны/ импульсы к возвышению физического мира привели к великой, продолжавшейся много столетий войне между Ираном и Тураном. Тогда продвинувшиеся в развитии

иранцы противостояли задержавшимся на атлантической ступени развития туранцам, которые представляли собой декадентский образ еще более древней индийской культуры. В этой войне борьба иранцев на физическом плане стала борьбой против представителей ариманических сил. При возвышении посредством души сознательной физического плана в новое время, Ариман с физического плана угрожает захватить человека. В противовес этой возможности, которая могла помешать или воспрепятствовать развитию души сознательной, Михаил инициировал появление Орлеанской Девы. В ее собственном существе Христова сила преодолела и преобразовала люциферическое влияние; ее историческое деяние было направлено на отклонение ариманической мощи. Люциферические силы привели ее к смерти, но ее деятельность, направленная на борьбу с Ариманом продолжалась и после смерти. Здесь дело в предварении действий, которое, в сущности, возможным стало только в наше время. Это предварение будущих событий — суть импульс инициации Орлеанской Девы.

В письме 48 Рудольф Штейнер ставит вопрос, что произошло бы, если бы не была послана Орлеанская Дева. И повторно уже он сам отвечает: Физические устремления англичан должны были распространиться на Запад. Если бы не произошло наступившего благодаря вмешательству Орлеанской Девы, разделения британского и французского существа, то не могло бы состояться того углубления духовной жизни, которое вскоре после этого от французского народа распространилось по всей Европе. Тогда бы всё, что разыгрывается в волевых импульсах, перешло в мозг физической головы, это привело бы к тому чтобы всё Европу, через все государства пронизать единой общей государственностью, перечерчивающей всякую индивидуальность нации.."

Это же имеется в виду при указании на политическое мышление в

письме 48 в том месте, где назван 1215 год. В этом году Иоанн, король Англии, подписал Хартию, гарантирующую свободу личности, а также учредил парламент.

Возможно, что со стороны духовной жизни, в противовес историческим событиям, выступление Декарта /также Спинозы/ может быть подведено под точку зрения рассмотрения деяний Орлеанской Девы. Здесь не предпринимаются ни обстоятельные философские исследования, но созвучный духу времени взгляд на вступление души сознательной. В своих "Загадках философии" Рудольф Штейнер представил противоположность между Декартом и Бэконом Веруламским, в особенности в части борьбы "я" с сомнением. В письме 48 к этому добавлена еще связь с Августином, и в этой линии нам непосредственно указано на древний преодоленный персидский импульс. Ибо Августин мог выполнить свою задачу только потому, что он преодолел перенесенный из Персии Манихизм /не оккультный/. Связь между эпохами Августина и Декарта осуществляет Скотус Эричела; о чем говорит Рудольф Штейнер, что за ним стояло то же самое инспирирующее существо, как и за Орлеанской Девой. Он также принадлежит к тем, посредством которых действует из духовного мира Михаил, в духе своей последующей миссии.

_____ 0 0 0 _____

63. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА БЫТИЯ БОГА.

Настроение, в которое вводит нас письмо 49, должно установиться при взгляде на повторение египетско-халдейской культуры перед вступлением души сознательной в свои права в настоящий период времени. Можно было бы еще раз указать на то, что повторения следуют не просто во временной последовательности, но пронизывают друг друга и делят весь период от тринадцатого до шестнадцатого столетия. Отдельные рассмотрения посвящены только тому, что в целой связи может быть ориентировано с отдельных точек зрения на переход к прежним культурам.

Всё, что посредством традиции передалось как из форм религии, культа и мировоззрения, происходит из культур передней Азии; но именно потому, что это традиция, это стоит в противоборстве с импульсами души сознательной: также древние египтяне и халдеи в нас являются нашими внутренними врагами. В особенности в Египте укрепилась прикованность души к физическому миру, в который вступила также из космических далей божественная интеллигенция. При переходе к душе сознательной эта прикованность угрожает стать материализмом, не только в качестве мировоззрения, но и как действительность.

В письме 49 речь идет о "препятствии и содействии силам Михаила". Препятствия возникают из прикованности мировоззрения к физическому, содействие благодаря преодолению этой прикованности. Рассмотрим вначале первое.

Это даст нам совместное рассмотрение: появления "доказательств бытия Бога", отказа от традиционных религиозных представлений, события на консилиуме в Констанце и Базеле, душевная позиция Николая Кузанского. Общее этих событий лежит в духовном мире,

силы Михаила соединяются с нисходящей к человеку интеллектуальностью, но сам Михаил остается в духовном мире. Люди, силы души расщепленной которых больше не соответствуют времени, воспринимают эту, в течение веков исходящую интеллектуальность, они воспринимают как труднейшие проблемы, все они группируются вокруг вопроса о святом Духе, который для земного сознания может дать общее рассмотрение вышеприведенных событий.

"Доказательство бытия Бога" Ансельма Кентерберийского, в противоположность прежним воззрениям, опиралось на человеческое мышление, на его собственное существо. Это, так называемое, онтологическое доказательство; но по существу, оно означает поиск божественности собственного человеческого мышления, поскольку божественное пытаются извлечь из его понятий. Такую божественность Николай Кузанский как мистик видел не в знании, но в "незнании", но которое должно быть "учёным", т.е. лежащим над обычным знанием. В поисках божественного в мышлении, в освобождении схоластико-аристотелевых понятий, можно углядеть поиски Святого Духа. Встает вопрос об идентичности Бытия и мышления. Прежнее понятие бытия не может быть ничем иным, как только принципом Отца; и, таким образом, проблема идентичности бытия и мышления — это та же самая проблема, исходит ли Святой Дух от Отца и равен ли он ему.

Древнейшие "доказательства бытия Бога", которые, в сущности не являлись таковыми, исходили от Отца; они являлись достижением древней культуры Передней Азии. Каитово опровержение онтологического "доказательства бытия Бога" и замена его моральным /категорический императив!/, это возврат к временам Ветхого Завета, отказ от знания в пользу голой веры в Отца. "Доказательства бытия Бога"

посредством Сына основываются на божественности Христа в человеческом теле; оно давалось для истинного свидетельства Мистерии Голгофы. Так ряд исследовательных постижений отношения человека к божественному можно обозначить как "доказательства бытия Бога" посредством Отца, Сына и Святого Духа.

Здесь, при вопросе о Святом Духе, католическая христианская церковь разделяется и созыв собора в Констанце и Базеле должен был служить объединению восточной и западной церкви. Выступление Николая Кузанского на соборе в Базеле состояло в том, что он, в конфликте с папистами, игравшими на обоих соборах большую роль, для убедительности заметил, что если бы собор, состоящий из лучших представителей церкви в истинном духе объединился бы на торжественном заседании, то посредством его решений мог бы говорить Святой Дух.

Глубина этого высказывания Николая Кузанского не могла быть понята, если бы даже оба этих собора преодолели капистов, скорее сказать, что вся эта проблема пришла в ужасный декаденс. Из Рима постепенно распространилась догма, что Святой Дух говорит через собрание коллегии кардиналов, в особенности при выборах папы, и, наконец, в наше время /1870/ установилась догма о непогрешимости папы в вопросах веры, поскольку посредством его одного должен говорить Святой Дух. Тем самым вся эта проблема стала сильнейшим тормозом, отражением третьей послеатлантической культуры, папа на месте Отца.

Только истинное сообщество Михаила позволяет в наше время действовать в человеческом обществе Святому Духу.

Теперь нужно еще сказать о содействии силам Михаила, которое показано нам в письме 49 на примере действия истинных розенкрейцеров. То, что также и эта деятельность имеет глубочайшую связь

с третьей послеатлантической культурой, показывает следующее место: "То гармоническое созвучие египетского воспоминания в христианском импульсе силы мы видим в розенкрейцерстве. Здесь мы видим древние семена, посеянные как простое повторение, но дифференцированными, проявившимися на более высокой ступени." Истиннейший розенкрейцер — это помощник силам Михаила также для импульсов, которые из второго послеатлантического периода должны перейти в новое время. Они явятся посредниками истинного манихеизма для будущего.

В письме 49 описано, как розенкрейцеры силами Михаила посредством своеобразного дуализма между внешней земной жизнью и внутренней душевной жизнью. В полном их разделении лежал путь, до начала господства Михаила, так повторять истинные импульсы древних культур, чтобы они стали не тормозом, а прогрессом, в особенности чтобы они не впали в материализм. Сегодня импульсы розенкрейцеров объединились с потоком Михаила в Антропософии.

131.

"В начавшуюся эпоху души сознательной имансипировавшаяся интеллектуальность человека занялась вероисповеданием и культурной истиной. Вследствие этого душевная жизнь человека заколебалась. Сущее, которое до сих пор переживали в душе, стали доказывать логически. Содержание культа, которое должно постигаться в имажинации, стали постигать посредством логических умозаключений, даже в соответствии с ними формировать его."

132.

"Это всё, таким образом, связалось с тем, что Михаил хотел запретить, при всех обстоятельствах всякое соприкосновение с современным земным миром, в который должен был вступить человек, и

что он, однако, космическую интеллектуальность, развиваемую им в прошлом, должен был сопровождать даже в человеке. Поэтому, посредством сил Михаила, возникло, необходимое для дальнейшего развития мира, нарушение космического равновесия."

133.

"Михаил прояснил свою миссию благодаря тому, что определенные личности — истинные розенкрейцеры — так направляли свою внешнюю земную жизнь, что она совершенно не влияла на их внутреннюю душевную жизнь. Благодаря этому они могли внутри образовать силы, посредством которых они действовали в духовном вместе с Михаилом, без того, чтобы возникла опасность для него втянуться в современные земные события, что ему нельзя было делать."

64. ДРУГАЯ СТОРОНА ДУШИ СОЗНАТЕЛЬНОЙ.

Начало письма 50 указывает на переход к повторению в настоящем четвертой послееатлантической культуры. Идеи Коперника, Галлея и Кеплера еще относятся к возвышению египетской мудрости, как и вообще, в смысле великого ритма соответствий, всё новое время, пятая послееатлантическая культура, является обновлением третьей. Но великие открытия в своем влиянии дали импульсы повторений четвертой послееатлантической культуры, в смысле наших последних рассмотрений. Но, в то же время, это последняя возможность такого повторения, ибо всё уже обработано. Ясно, что это последнее повторение греко-латинской культуры в наше время, имеет важные последствия, т.к. в то же время это действительный переход от четвертой к пятой послееатлантической культуре. Столкновение ожившего древнего декадентского остатка и действительного перехода порождает истинную трагедию, которая состоит в том, что она не так ощущается людьми, как это было в Греции, но испытывается в духовном мире и сильнее всего Михаилом. Это "Страдание Михаила по человеческому развитию до эпохи его земной деятельности."

Давайте еще раз кратко проследим как настрой письма 50 указывает на повторение четвертой послееатлантической культуры.

Греко-латинская культура повсюду описывается Рудольфом Штейнером в прекрасных словах о браке между духовным и физическим. Уже в ней полярно сочетается то, что пришло от ранних культур, а также от древнейших истоков развития. В письме 50 эта полярность представлена для эпохи начала вступлением души сознательной. В то время как в четвертой культуре происходила ясная гармонизация духовного и физического, космического и земного, мы имеем теперь удвоение,

происшедшее как раз в смысле вышеупомянутого перекрытия. На Сатурне и Солнце действенное духовно-душевное возникло как физически-эфирное. К этому добавилось духовно-душевное преобразовавшееся в Мунную и Земную эпохи развития /письмо 50/. Вследствие этого в человеке есть только "творение" и "действие", но уже больше не само божественно-духовное. Это уже больше не является гармоническим браком, но полной противоположностью к физически-эфирному, "чтобы извлечь из них душу сознательную". /Поэтому называют новорожденную душу сознательную скорее подкидышем, чем законным ребенком/. Во время того законного брака в греко-латинскую эпоху, произошла мистерия Голгофы. Чтобы она в наше время вступила в сознание человека, для этого вначале должен был Михаил вступить в свои права.

Удивительное замечание находим мы в этой связи в письме 50, из которого легко можно усмотреть, что Михаил "сохранил человеку его человеко-божественный облик". Мы можем это замечание поставить в параллель к тому, что божественные образы в древней Греции были воспоминанием о древнем атлантическом божественном мире, с которым человечество тогда было связано непосредственно. В противовес этого человеко-божественного облика в новом повторении начинается "поиск познания человеческого существа". Это гуманизм и то, что выражается в облике Фауста. Здесь в описании, данном в письме 50, показано, как в своем возвращении древний эллинизм может также в нас стать внутренним врагом.

Древнегреческий человек находил себя в физическом мире и любил его, но состояние после смерти было подернуто для нас пеленой страха. Отражение этого всплывает в эпоху гуманизма. Человек тернет свое собственное существо, поэтому он проникается могущественным

переживанием смерти, а именно в форме всё более обращенного к безжизненному естествознания. Это действует в сегодняшнем сознании укrywшийся грек: "Бессилие, иллюзия, глухота в том направлении, в котором нужно искать духовное возрождение." Только в искусстве Ренессанса /само слово указывает на возвращение античности/ еще можно найти содействие силам Михаила.

Так всё это собралось на переходе к новейшему времени. Это как бы напряженность достигла высшей точки, перед тем как вступить душе сознательной. Итак, в заключение всего этого развития /письма 47-50/ мы приходим к другой стороне души сознательной. Её первым деянием на этой обычной стороне было создание природного образа, из которого должен быть сформулирован образ человека. Но для ока Михаила это суть - "ничто". И "ничто" такой души - это место для вторжения ариманических сил. Они посредством души сознательной прорываются из физического в духовный мир и оттуда действуют совместно с люциферическими существами, которые находятся на другой стороне. И там, исполненный заботы, Михаил должен победить "дракона". Забота Михаила и его трагедия - это другая сторона души сознательной. Михаил одинок в этой борьбе, поскольку он должен держаться вдали от физического мира людей, он не может сам через душу сознательную человека действовать с той стороны на эту, и благодаря этому они на этой стороне действуют совместно с ариманическими силами. Так постепенно человеческая душа становится сама ареной борьбы, без того, чтобы человек знал что-либо для удовлетворения "надежной" почвой: "Надежная почва - ариманична /... Яс создаю твердую почву" - говорит Ариман в драме-мистерии: "Врата посвящения", удовлетворение - люциферично.

Так можно измерить деяние Рудольфа Штейнера, как он со стороны души сознательной приходит на помощь Михаилу в его борьбе с

драконом. Он указывает путь, который душа сознательная сама по себе, через собственное "ничто" может проложить в духовный мир; почему этот процесс можно сравнить с выворачиванием наизнанку. Так он создает среди нас группы для помощи Михаилу в его борьбе с драконом.

134.

"В самое первое время развития души сознательной человек почувствовал, что он теряет издавна данный ему имажинативный образ человечества, его собственного существа. Бессильный найти его уже в душе сознательной, он ищет его на естественно-научном пути или историческом. Он желал бы восстановить в себе древний образ человечества."

135.

"Но посредством этого достигают не действительной наполненности человеческой сущностью, но иллюзии. Но этого не замечают и видят в этом нечто, несущее человечность."

136.

"Так Михаил во времена, предшествующие его земной деятельности, с заботой и болью взирал на развитие человечества. Ибо человек увлечен тем духовным созерцанием и вследствие этого отрезает всякие связи своего существа с Михаилом."

65. МИССИЯ ДУШИ СОЗНАТЕЛЬНОЙ.

Венцом исторических рассматриваний писем 47-50 является "Мистерия Логоса" в письме 51. Тем самым оно завершает афоризмы первого года /28 декабря 1924 г./, обобщая всё предшествующее. Если всё то, бесконечно многое, что говорил Рудольф Штейнер о мистерии Голгофы, воспримем в целом содержании его духовной науки, то эта мистерия явится нам как высший опыт, а не как само собой разумеющийся результат стремлений современного мировоззрения. Рудольф Штейнер часто указывал на тот факт, что жизнь Иисуса Христа не может быть найдена как историческое событие, исходя из сегодняшнего научно исторического исследования. Старания христианской церкви, особенно протестанской, защитить Евангелие как историческое свидетельство, привели как раз к противоположному результату, и отрицать "историчность" Иисуса Христа стало материалистически- историческим делом чести.

Когда Рудольф Штейнер хотел указать сегодняшнему сознанию на христианство, он развивал его как "мистический факт". В своей книге с таким же названием он показал, что целью Евангелий не было дать историческую биографию. Как мистический факт христианство в своей фактичности проявилось как переживание в сознательном опыте, т.е. определенные процессы в сознании гарантируют действительность мистерии Голгофы. До таких процессов в сознании сегодняшний человек должен еще только дорасти в ходе работы, поэтому мистерия Голгофы стоит не для нынешнего сознания в конце, а не в начале знания; но научный опыт, каким он может быть в истинном естествознании, прокладывает путь к этому. Таковы превращения сознания, представленные в письме 51; и именно с учетом души сознательной человека.

Но это не мешает тому, что исключительно много можно достичь, рассматривая мистерию Голгофы также и как историческое событие. Но такого постижения нельзя достичь на основе высших документов, но только посредством продолжения мистического пути к историческому исследованию, которое на основе развития сознания может проникнуть в действительные исторические процессы /Акаша-Хроника/. Так получают понятие о том, какова история развития человеческого познания.

Если мы оглянемся на исторические события при начале эпохи души сознательной, как она является для нас неким видом последнего повторения древних культур, то в превращении сознания этого нового времени так повторяется возврат к мистерии Логоса, как исторические факты прошлого сходятся к вопросу возможности исторической жизни Иисуса Христа.

С различных точек зрения всю внешнюю и внутреннюю историю древности можно упорядочить по отношению к единственному центральному событию. Мы видим, как древние, более космические ступени развития Земли, становились принципами посвящения различных культур. Но то, что испытывали посвященные древних культур, в мистерии Голгофы стало историческим событием. Так христианство можно рассматривать как сплав различных древних культур мировоззрений. Рудольф Штейнер до малейших подробностей показал, как история ребенка Христа была удивительным повторением пути древних культур, а не только общее типичное дохристианских посвященных. Почему всё это не доступно обычному сознанию сегодняшнего человека, почему всё это невозможно узнать непосредственно из исторических документов, т.е. не обращаясь к духовно-научным исследованиям? Это указывает на тайну, господствующую в истории человечества.

Мистерия Голгофы была свободным деянием Христа; поэтому Христа невозможно найти иначе, как посредством свободного деяния; полем действия которого является душа сознательная. Прасущество спустилось на Землю и стало природой, человеческая духовность подверглась смерти и стала знанием природы. При этом человек может воспламенить свободу своей души сознательной и благодаря этому изучать буквы. Если это происходит в презрении к смерти, то сами буквы складываются в слова, становятся Логосом.

Тем самым душа сознательная достигает исполнений своей миссии, снова проложить путь в духовный мир. Эта миссия исполняется во внутренней душевной области, таким образом, история становится мистической. Так, при рассмотрении исторических процессов с наступлением эпохи души сознательной, задача в том, чтобы прослеженное нами повторение древних культур слить воедино в сознании отдельного человека, так чтобы, в конце концов, результат древнего развития сознания человечества действительно повторить в отдельном человеке. Так душа сознательная созревает для того, чтобы в настоящее время подступиться к явлению Христа, важнейшему событию будущей истории; ибо исторически оно становится мистическим процессом, поскольку отдельный человек, как в ряду генерации, так и в ряду инкарнаций является наследием прошлого.

Только тот современный человек правильно подступает к этому наследию, который преодолевает в себе внутренние препятствия и древние облики человечества освобождает в себе к божественному человеческому облику. Это путь антропософского познания.

"Деятельность в мире и развитии человечества, осуществляемая силами Михаила, повторяется ритмически, хотя бы и в видоизмененной и прогрессивной форме, до и после мистерии Голгофы."

"Мистерия Голгофы — это одноразовое великое событие в ходе развития человечества. Здесь не может идти речи о ритмическом повторении. Ибо, хотя это человеческое развитие и включено в мощный мировой ритм, оно суть всё же только один член в этом ритме. Прежде, чем оно стало этим одним членом, человечество было иным, чем каким станет человечество после этого. Таким образом, в ходе человеческого развития происходит много событий, связанных с Михаилом, но только одно событие на Голгофе."

"В быстром повторении годового ритма божественно-духовное существо, которое для одухотворения природных явлений глубоко погружается в землю, производит эти явления. Он представляет одушевление природы первобытными и вечными силами, которые должны оставаться действенными, как нисходящий Христос представляет одушевление человечества первобытным и вечным Логосом, который никогда не должен прекращать деятельность по оздоровлению человечества."

Не следует недооценивать, что афоризмы даны в ритмической взаимосвязи, и при этом дело обстоит так, как при всяких спиритуальных вещах вообще; они образуют свою форму из своего духа, они органически вырастают в форму. Есть удивительное художественное очарование наощупь следовать за этими формами. При этом прикасаются к глубоким тайнам, которые скрыты между строками и в самих словах. Много лет тому назад, в связи с такими формами в книге "Тео-софия" Рудольф Штейнер засвидетельствовал мне, что они существуют в действительности, но, естественно, не абстрактно заложенные, но как возникающие, что если представления истинны, они как бы сами по себе рождаются из духовного. Они также ощущаются как художественно-творческие также и в других областях. В описаниях Рудольфа Штейнера мудрость Логоса проявляется в человеческом сознании; ибо сущанция мыслей связывается непосредственно со свободным формированием, исходя из духа. Всё это говорится только для уточнения.

Конечно, в афоризмах можно найти различные принципы упорядочения, и мы старались в предыдущих посланиях всё снова обращать на это внимание, особенно в настроении, которое сопровождает превращение душевной жизни, которому при медитативном характере афоризмов во всех планах придается особое значение. Но кроме этого есть также существенное членение, которое касается мыслительного содержания и в то же время их как учебного материала. Только если это существенное будет воспринято во внутреннем человека, снова проявляется медитативный характер этого существенного.

В начале последнего обзора было сказано, что все предшествующее собрано в письме 51. Давайте посмотрите как афоризмы первого года расчленяются вплоть до этого завершения."

Афоризмы разбиты на группы от двух до четырех. Далее, они снова закономерно разделяются от шести до семи таких групп, которые совместно выражают определенную "тему". Попробуем эти взаимосвязи охарактеризовать короткими предложениями. К письмам 6-12 /афоризмы 1-19/ даны семь групп афоризмов, которые говорят о духовном познании и существе человека. Из их взаимосвязей образуется знание фактов после смерти и до рождения, что выражается в тройственности сверхчувственных методов исследования и тройном членении человека. Это - созерцание дальнейших семи групп в письмах с 13 по 19 /афоризмы 20-40/. Затем следуют еще шесть групп афоризмов в письмах 20-25 /афоризмы 41-58/, которые можно обозначить словом "судьба". Но в то же время можно углядеть, что то, что действует на человеческое существо по ту сторону рождения и смерти, находит своё выражение в судьбе. В этом действии господствуют существа трех иерархий, которым посвящены афоризмы 59-81 в письмах 26-32 /семь групп/. Существа иерархий действуют также в обычном человеческом опыте, и благодаря этому открываются в его духовной подоснове. Это показано в семи группах афоризмов 33-39 /афоризмы 82-102/, в бодрствовании, грезах, сне, в мышлении, в чувствах, воле. В их духовной подоснове видна деятельность Михаила, и рассмотрение возвышается к семи группам 40-46 /афоризмы 103-123/ в космическо-духовном становлении, и явлениях, миссия Михаила господствует в этих группах. Его деятельность отражается как история человечества, в начале эпохи души сознательной. Это выражено в группах 47-51 /афоризмы 124-139/ так что образуется шесть групп, сюда же относятся еще афоризмы 140-143. Группы афоризмов, следующие за этими всего дважды семь, я бы желал их обозначить словами Макрокосмос-Микрокосмос.

Теперь мы найдем переход от письма 51 с его афоризмами к пись-

му 2 и 1, и при этом уясним себе, как просмотр существенного в предшествующих афоризмах выльется в медитативные упражнения. Здесь может последовать возражение. Письма и афоризмы, о которых здесь идет речь, были даны Рудольфом Штейнером к Рождеству, спустя год после закладки камня основы, как основной настрой для тех групп, которые в то время участвовали в работе над афоризмами, и может представиться, что такое разделение как наше, не учитывающее время года и праздники, противоречит целям этих афоризмов и их автора. Но здесь вступает в силу духовные законы: Духовно действующее содержание, во время медитации, не может быть также обработано мыслительно, но во время медитации лучше всего установить определенный ритм, и как раз ценным является вне этого времени в размышлении обрабатывать это содержание.

Так, в годовом ритме Рождество является правильным медитационным временем для мистерии Логоса; и как раз вне этого времени можно в размышлении достигнуть того, что настрой Рождественской медитации может дать истинному посвящению.

Так вошло в обычай то, что содержится в письме 51, вспоминать каждый год в праздник Рождества. "Если такая любовь живет в сердце человека, она пронизывает огнем холодный световой элемент души сознательной." Для этого необходимо, чтобы в годовом круговороте природы, в световом элементе, по-новому было рассмотрено ритмическое откровение природы. Всё содержащееся в письме 51 нужно постигать в двойном смысле, ибо всё прошлое должно быть перегружено на душу сознательную, прежде чем она в свободной медитации себя преобразует в мистирию Логоса для будущего. О таком прошлом, в котором природа и история сливаются в единство, говорит это письмо. Всё это дает нам переход к письму и афоризмам II § I.

I40.

"Космические явления, в которые вплетено человеческое развитие и которые — в самом широком смысле — отражаются в человеческом сознании как "история", разделяются: на долгую небесную историю, короткую мифологическую историю и относительно совсем короткую земную историю."

I41.

"Эти космические явления в настоящее время распадаются на "неисчисляемые" действия божественно-духовных существ, творящих в свободной интеллигенции и свободной воле, и исчисляемые явления мирового тела."

I42.

"Событие на Голгофе — это свободное космическое деяние, которое произошло из мировой любви и может быть достигнуто только посредством человеческой любви."

67. ОБОЗРЕНИЕ.

II.

Просмотр предыдущего, именно в связи с нашим последним рассмотрением, показывает нам, как всё прошлое должно быть возложено на душу сознательную. Мы находим древние духовные облики прошлого, образования древней истории человечества, которые должны быть освобождены в современном человеке, иначе они оживут в нём как его враги. Человек, в самом деле — суть наследие колоссального прошлого, как со стороны природы, так и со стороны духа, но если это прошлое будет в душе сознательной, то в конце концов, человек станет врагом самому себе; это последний результат повторений, которыми мы занимались в связи с вступлением души сознательной. В этом коренится опасность для современного человека, ибо он в своей душе сознательной находит только Аримана и Люцифера, как духовное бытие. Это эгоизм и абстрактность нашей культуры и это может привести только к войне каждого против каждого.

Но разве не справедлив закон, что то, что исчезает в центре, снова появляется на периферии? То, что говорит об этом новая синтетическая геометрия, может стать истинным символизмом для этого. Не является ли вражда против самого себя, если она образуется в медитативном переживании, зародышами нового человека?

Этим может быть достигнут смысл мистерии Логоса: В письме 5I показан дух природы, который стягивается к земле и исчезает в центре Земли в становлении человека; и тогда с периферии космоса Логос устремляется к Земле, и в той же мере дух природы всплывает в поверхности Земли, которая представляет равновесие в полярности между центром и космосом, как на известной фигуре синтетической геометрии окружность выражает полярность между внутренним и внешним. На поверхности Земли Логос встречается с духом приро-

ды, "становится плотью", и так Христос, как человек, бродит по Земле. С мистерией его смерти и воскресения можно связать сердце сегодняшнего человека, и, тем самым, посредством Христа, человек освобождается от вражды с самим собой, и, тем самым, древние духовные образы — наследие прошлого, освобождаются в человеке.

Итак, жест Михаила указывает человеку на великую природу вокруг себя, на космос; там должен человек воскреснуть. Так мы можем быть введены в содержание письма П, I.

" В пространственном космосе противостоят друг другу мировая периферия и центр Земли." Это первое предложение письма; оно анализирует к сердечному пониманию для всего, что сказано в предшествующих письмах и афоризмах. Если этого нет, то многое, что находится в этом письме, действовало бы только как дальнейшее формирование ранее представленного. Единство небесной и земной истории, природного и человеческого духа может быть только в живой современной душе так быть пережито, как это соответствует духовным намерениям этого письма; ибо каждое предложение, каждый речевой оборот так построены, что на горизонте души сознательной может стать обозримой величественная космическая панорама, как единство. Её носителем служит новая доказательная сила, которая совершенно отлична от всего, что в рассудочном смысле сегодня называется доказательством. Эту новую доказательную силу мы можем назвать обозрением. Это опыт в настоящем того, что для обычного сознания распадается на прошлое и будущее. Ключом к письму П, I, в котором нельзя нарушить ни одной фразы, является следующее предложение: "Но то, что в звездных лучах является "прошлым", в духовном мире пребывает в "настоящем" и человек живет своим существом в этом "настоящем" мировом духе". С другой стороны слово "исчисляемость"

бросает особенный свет. Этим выражается понимание человеком божественного творения прошлого, и именно посредством той духовной силы, благодаря которой человек участвует в деяниях творящих существ. Исчисляемость мировых явлений относится ведь к числу "доказательств", направляемых против свободы человека. И так мы наталкиваемся здесь также на эту центральную проблему свободы, которая всегда была в поле зрения антропософии.

В письме П. I речь идет о трех величественных космических эпохах, которые будут также играть важную роль в последующих письмах и афоризмах. Эти три эпохи, несмотря на их величественное распространение, не являются теми же самыми, о которых говорилось в афоризме I38, как о "величественном мировом ритме", в который включено развитие человечества; но этот мировой ход всего человеческого развития, в которое мистерия Голгофы включена как "одноразовое величайшее событие", простирается от древнего Сатурна до Вулкана; тогда как три эпохи, о которых здесь идет речь, разыгрываются в середине этого планетарного развития. Это становление Земли из Космоса /манвантра/ и ее возвращение к следующему промежуточному состоянию /праалайе/ и внутри снова средняя часть, начавшаяся с полярной эпохи. Также, как человечество было и будет другим до начала и после прохождения эпох от Сатурна до Вулкана /афоризм I38/, также и исчисляемость справедлива только для средней из рассматриваемых здесь эпох земного развития; её нельзя использовать как доказательство против человеческой свободы, поскольку она не абсолютна, но некогда возникла и снова, со временем, преидет. Доказательная сила, с которой мы должны здесь связаться, основана ни в коем случае ни на абсолютности рассудочного мышления. Р.Штейнер однажды указал на то, что современная наука хотя и признает, что сила света и гравитации падает в квадрате

от расстояния, но отсюда следует, что справедливость этих научных мыслей падает в такой же мере при удалении от места, на котором они справедливы, а именно от поверхности Земли.

68. СВЕТ САМОДУХА.

Исчисляемость космоса особым образом связана именно со свободой, а не с несвободой человека. В исчислении, или, по меньшей мере, в душевном настрое, который ведет к исчислению, человек нашего времени испытывает творящие мысли правремени, он повторяет в мышлении творческий план творящих существ. Благодаря этому прошлое мировое творение становится для него в настоящем. Это относится не только к мировым далям, но также к природе, которая проникает в человека изнутри. Природа и история полярно противопоставлены друг другу, в космическом обозрении обе становятся едиными.

Если человек, исчисляя природу и космос обучает свое внутреннее существо к соучастию в прошлом божественном, тогда в нем может взойти чувство для восприятия неисчисляемого в земной и небесной истории. Только в сознательном соучастию в становлении истории человечества становится действительной свобода. И наоборот: Всякое действительно свободное деяние действительно вчисляется в духовную историю. Отсюда снова образуется "доказательство" для свободного деяния Христа в эпоху от Сатурна до Вулкана.

Как противопоставлены друг другу природа и история, также взаимно полярны жизнь между рождением и смертью и жизнь между смертью и рождением. Исчисляемое приводит человека к рождению, неисчисляемое ведет его снова в духовный мир. Всё сказанное прежде об этом ритме рождения и смерти получает здесь новый смысл, когда оно включается в медитацию. И также Люцифер и Ариман в письме II. I представлены в смысле подобной полярности между исчисляемым и

неисчисляемым. В соответствии с порядком, предложенным в последних обзорах, было бы хорошо теперь по-новому заставить действовать на нас всё содержание этих писем, если бы они каждый раз по-новому не заставляли обратиться к словам Рудольфа Штейнера.

В письме и афоризмах II. 2 и последующих, новая доказательная сила обозрения проливает свет на всё новые области, в которых формируется микрокосмос и макрокосмос, и раз за разом все ранее представленные в письмах и афоризмах предметы попадают в этот свет. То, что в 67 обзоре было определено как новая доказательная сила-обозрение, возникло оттого, что познавательная сила природы и истории возлагается на душу сознательную. Тогда может посредством освобождающей силы мистерии Голгофы и водительства Михаила, открыться окно для познания будущего человечества. Это познание будущего - суть познание посредством Самодуха, и это - Самодух как прожектор освещает своим светом различные области.

Рудольф Штейнер однажды по важному поводу сказал: "Человек разливается таким образом, что он из души ощущающей, души рассудочной и души сознательной, как бы цветок своего существа преподносит тому, что нисходит к нему сверху как божественное, чтобы он благодаря принятию в себя Самодуха мог проделать дальнейший путь к вершинам человеческого развития." Для учеников Христа, собравшихся вокруг него, была дана, в смысле вышесказанного, в сообществе с ним, эта новая доказательная сила обозрения, в то время, когда еще не была дана людям душа сознательная.

В письме II. 2 свет Самодуха снова направлен на тройственную эпоху, которая находится внутри названной /от полярной эпохи до конца этого отрезка времени/, а именно в середине, быть может несколько сдвинутой в прошлое. Средний отрезок этой эпохи обозначен его границами, так что одна находится в позднейшее лимурейское

время, вторая граница – в атлантическое. Мы представим себе, что первый отрезок лежит далеко в прошлом, а третий простирается через наше время далеко в будущее. Очень важно, по возможности ясно представлять себе упоминаемые в письмах и афоризмах эпохи, чтобы не путаться при точном изучении при использовании "Тайной науки в очерках" Рудольфа Штейнера.

В таких описаниях, как данное в этих письмах, мы должны сопровождать Рудольфа Штейнера на его пути к исследованию прошлых земных жизней, а именно вплоть до твоего времени, когда для человека жизнь на Земле /между рождением и смертью/ и жизнь в космосе /между смертью и новым рождением/ еще не были разделены. Здесь важно сохранить обозрение, которое проявляет себя в том, что из тех далеких времен в сегодняшнем человеке остается космическое воспоминание. Относительно пути такого исследования мы можем представить себе, что связь упражнений с древними космическими воспоминаниями в современной душевной жизни может открыть глаза на прошлое; и обратно, обозрение тех космических процессов творения, по результатам исследований Рудольфа Штейнера, является лучшей школой для внутреннего развития души, ибо если здесь нам показано, как космические воспоминания трех стадий развития выражаются в мышлении, чувствах и воле и имеют прасноу в трехчленной системе человеческого существа, то тем самым имеется в виду не абстрактно-человеческое, но душевный опыт самого упражняющегося. Затем, в письме II.2 соответственно показано, как в период между смертью и новым рождением, как он протекает для сегодняшнего человека, они возвращаются к своей основе.

Воля представляет тот отрезок этого космического развития, который длится еще сегодня, так что в воле продолжается рассмотрение космического творения до настоящего времени, т.е. до нашего

собственного опыта. Посредством её всё рассмотрение вливается в актуальность современного сознания. Письмо II.2 снова заканчивается указанием на мистерию Рождества, актуальность которой выражается в изречении: "Сегодня родился наш спаситель". Сегодня – это не только 2000 лет тому назад! Это происходит при пробуждении Самодуха благодаря воле. Из воли исходит преобразующая сила антропософии, охватывающая всего человека; она способствует человеку, объединившемуся с доброй волей.

I44.

"Если оглянуться на последовательность земных жизней человека то обнаружится ее разделение на три ступени; одна – древнейшая, когда человек не был еще индивидуальным существом, но только зародышем в божественно-духовном существе. Тогда, при взгляде назад, мы еще не находим отдельного человека, но только божественно-духовных существ /Силы, Арханы/."

I45.

"За этим следует средняя стадия, когда человек уже существует индивидуально-суще, но в мышлении и воле еще не освобождается от божественно-духовных существ. Он не имел тогда своей современной личности, которая связана с тем, что на Земле он является самостоятельным существом, отрезанным от божественно-духовного мира."

I46.

"Только в третьей стадии мы встречаемся с современностью. Человек испытывает себя в своем человеческом облике, оторванным от божественно-духовного мира; и он воспринимает мир как окружающую среду, которой он лично – индивидуально противостоит. Эта стадия начинается в атлантический период."

69. КОСМИЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЦИЯ.

В письме П. 3 "Предыдущая жизнь между смертью и рождением" используется как носитель ретроспективного космического познания. Здесь речь идет о той же самой эпохе, как и в письме П. 2; ибо для временного определения безразлично, движется ли ретроспективный взгляд вдоль жизни между рождением и смертью или вдоль жизни между смертью и рождением, если он при этом продвинут так далеко, пока обе не станут неразличимыми. И всё-таки, есть существенное различие, ибо при оккультном исследовании дело в том, с какой медитативной исходной точки взгляд направится на прошлое. Также и другие области затронуты светом Самодуха, в зависимости от того, что служит носителем исследования. Это, конечно, означает не субъективность духовного исследования, скорее путь духовного исследования выводит за пределы субъективности и объективности, т.е. освобождает от зависимости от субъекта и объекта.

Ретроспективный взгляд на последовательность земных жизней открывает более из того, что в человеке и с ним в Земле выделено из общности с существами иерархий; взгляд в предшествующие жизни между смертью и рождением открывает более то, что исходит от самих этих духовных существ. И эта вторая точка зрения представляется более важной; отражением этого для сегодняшнего человека является то, что земная жизнь коротка относительно жизни между смертью и новым рождением.

Важным в письмах П. 3 и 4 является то, как мы вступаем во взаимосвязи с иерархиями. Также и здесь происходит становление и превращение. Попытаемся снова схватить новое, что Рудольф Штейнер дал по отношению к описаниям в "Тайной науке" и в циклах.

В важной временной точке, где земная жизнь и жизнь между смертью и новым рождением становится неразличимыми, совершенно особенным образом проявляется деятельность Архаев. А именно, если проследить, жизнь одного человека встречает не одно божественно-духовное существо, но всех, принадлежащих этой иерархии.

Общность Архаев действует совместно, чтобы всё, что с правремен со стороны вышестоящих иерархий действовало на космос, отразить в облике человека, понимая этот облик как духовное существо, божественная цель которого "человек". Это опять новое этого представления, космический облик, макрокосмическое образование, которое не является ни физическим телом, ни эфирным телом человека; но позже, в физическом становлении Земли, в множественности вещественности, физическое тело выпечатывается по этому божественному прараобразу. "Божественно-духовные существа противостоят друг другу в космосе. Зримым отражением этого противостояния является облик звездного неба. Они хотят это свое совместное расположение отразить в единстве."

Это, в самом деле, таблица правил / /! Древняя загадка индивидуации, которой мы занимались уже прежде, всплывает перед нами макрокосмически. Как единство мировой основы дифференцируется во множественность звезд, так облик макрокосмического человека, Адама Кадмона, низвергается в число и становится "фактомой" и образует человеческие тела, как "пылинка" Земли вещественно выделяется из космоса. Об этом речь идет также в письме П. . Может быть будет слишком смелым на затасканный вопрос, сколько людей на Земле, ответить: "Столько, сколько на небе звезд."

Сотворение отдельного человеческого облика — это только одна

сторона индивидуации, существо которой четко сформулировано в афоризме I48. Другая сторона определена в афоризме I49 как путь человечества; она представлена в следующем письме II. 4. Благодаря работе Архангелов над эфирным телом, становящегося человека во второй эпохе предшествующей жизни между смертью и новым рождением, в ориентированный к земле облик человека вступает подвижный элемент неба. Тем самым взаимосвязываются эти индивидуации, которые действуют на внутреннее человека. Это находит свое выражение, когда в третьей эпохе работа Ангелов над астральным телом настолько образует индивидуальное, что человеческое "я" постепенно может пробудиться к сознанию. При этом переходе к той эпохе, которой мы принадлежим еще сегодня, вступает в действие "космическое воспоминание". Мы представим себе, что внешняя и внутренняя индивидуация идут рука об руку.

В этом действует влияние Люцифера и Аримана и в их влиянии мы можем увидеть существенный фактор индивидуации. Вообще, становление индивидуального в человеке лежит в основе божественной трагедии. В сказаниях говорится: "Когда прачеловек стал слишком дерзким, боги разделили его на отдельные существа." Так, в мистерии о борьбе на небе разделение отдельных небесных тел до рая плактоидов, было результатом действий отставших существ. Индивидуация человека может быть понята как средство творящих богов для овладения враждебными силами. Так кратко сказано в письме II. 4, что Архаи, первоначально совместно создавшие облик человека, позже выступили индивидуально как духи времени и рас, Архангелы, работавшие совместно в ту вторую эпоху над эфирным телом, выступили индивидуально как руководители народов; и, наконец,

в своей третьей эпохе, принесли жертву, действуя как отдельные существа на отдельных людей. Отдельный же человек, когда он познает свое существо из далекого прошлого, может в свободе, с помощью сильного мышления, снова обратиться к первобытным силам; если он связывает себя с миссией Михаила и посредством Христа достигает освобождения от зла индивидуации, он наполняет чувства космической индивидуацией. На это указано еще в письме II. 4, в том месте, где описывается как нисхождение мышления к чувственному восприятию и порча прадуховности в человеке ведет к иллюзии свободы.

I47.

"Также и в жизни между смертью и рождением заметны три периода. В первом человек живет целиком в иерархии Архаев. Ими подготавливается его физический облик для физического мира."

I48.

"Тем самым, Архаи подготавливают человеческое существо к тому, чтобы он потом развернул свободное самосознание; ибо оно может развиваться только в таком существе, которое посредством созданного здесь облика, из внутреннего импульса души, может его представить."

I49.

"Тем самым показано, как семя человеческих свойств и человеческих сил, открывающихся в современную мировую эпоху, было заложено в минувшую древнюю мировую эпоху, и как микрокосмос образовался из макрокосмоса."

I50.

"Во втором периоде развития жизни между смертью и новым рождением, человек вступает в область Архангелов. В этом перио-

де в душевное было заложено семя для последующего самосознания, после того как в первом периоде было заложено семя для формирования человеческого облика."

151.

"Во время этого второго периода, под воздействием люциферических и ариманических воздействий, человек глубже проникает в физическое, чем если бы этих воздействий не было."

152.

"В третьем периоде человек вступает в область Ангелов, которые распространяют свои влияния только на астральное тело и "я". Этот период - наша современность. То, что произошло в обоих первых иерархиях, продолжает жить в человеческом развитии и поясняет тот факт, что в эпоху души сознательной /в XIX столетии/, человек вглядывается в духовный мир, как в полный непроницаемый мрак."

70. ПОВОРОТ МИРОВ.

Из всех взаимосвязей в творении Рудольфа Штейнера, как величайшее достижение его антропософии, следует, что невозможно познать Землю, рассматривая ее отдельно от человека. Так, всё, что сказано о Земле в письме II, 5, нужно, исходя из всех наших рассмотрений, космически охватить нашей человечностью. Микрокосмос - это не маленький человек с его повседневной нуждой, но мировая поворотная точка. Точечный опыт нашего сознания измеряет Ничто космоса, это место прорыва для самого космоса в ритмическом качении от Сатурна до Вулкана. Но никогда не смог бы человек внимать величественному языку Космоса с его потрясающей сверх-объективностью, если бы он не мог испытывать себя на точку.

Из точечного переживания души сознательной, прежде всего, образуется представление о Земле, как пылинке. В этом представлении выражено бесконечное чувство одиночества. Становление одиночества, неприютность - это результат того, что во взаимодействии иерархий вчуждано в человеке силами космоса. Это было человеческое становление космоса. При этом образовалась Земля, а также минералы, растения и животные. В них, царствах природы, скрыто и духовно действительно то, что человек, вытолкнувший их из себя, не использует для своего точечного становления. Эти существа своей природной стороной, повернуты к Земле и служат человеку, своей духовной стороной они обращены к космосу, и служат духовному откровению будущего. Разрешение этого лежит в человеке; его задачей является освободить природную привязанность этих существ, продолжить Христово дело освобождения. Это семя силы человеческого опыта - "Я", из которого рождается одиночество любви,

отражение исполненного любви взаимодействия Иерархий. Одиночество — это посредник свободы любви. Это космическое становление человека.

Для того, чтобы достигнуть такой любви, человек должен пройти путь, который мышление, связанное с отмирающим прошлым, пронизывает волей, плеткой — зародышем будущего, путь внутреннего превращения. Посредством человека отмирает старый космос и нарождается новый. В величественном медитативном образе представлено это кругооборотом жизни человека от рождения до смерти и от смерти до рождения, из наблюдения которого почерпнули эти рассуждения Рудольф Штейнер для письма П. . Смерть — это только переход, посредством которого исполняется смысл жизни; космическое становление человека. Но величайшим поворотным пунктом является всё же "мировая полночь"; здесь начинается человеческое становление космоса. Мировой день, охватывающий земную жизнь человека и время между двумя земными жизнями, обозрим лишь в "полночный час" бытия. Так можно попытаться "совершенно оживить в себе мысли об этом факте и почувствовать, что он "может значить для человеческого настроения". Смысл индивидуации осуществляется в зародыше Самодуха.

Значительность такого способа рассмотрения еще усиливается в письме П. 6, благодаря тому, что взгляд направляется на бодрствование и сон. Здесь дается пример того, как в духовной науке одно всегда влечет за собой другое. Это можно уже установить, сравнивая то, что Рудольф Штейнер говорил в разное время и разных местах. Это служит сильнейшим свидетельством в пользу обозрения, ибо в этом господствует сама истина. Но то, что здесь задним числом, может быть удостоверено обычным сознанием как истина,

предварительно было установлено Рудольфом Штейнером в его исследованиях. Взаимосвязь этих исследований основана не на мыслительном согласовании, но разворачивается как жизненный принцип духовного познания: Каждое новое познание бросает свет на всё познанное ранее. /сравнить с нашим третьим обзором/.

Кругооборот бодрствования и сна повторяет мировые ритмы. Отношение к предшествующим рассмотрениям очевидно. Засыпая, человек погружается в первобытное прошлое, он проходит мир — трез, ступень сознания животных, во сне связывает себя с духом растений и касается духовной сферы минерального в поворотной точке кругооборота, в полночном опыте, откуда мировая полночь великого кругооборота от земной жизни к новой земной жизни заимствовала свое название.

В заключение письма П.6 указано на эти отношения. Здесь важно полностью пронизать человеческим опытом всё то, что космос образует в человеке во время состояний бодрствования и сна. Ведь если бы действовало только это, то не происходило бы нового оживления умирающего космоса, ибо космос так создан что его целью является человек. Это является содержанием следующего предложения в письме П.6: "В настоящее космическое мировое мгновение установился ритм земного человеческого бытия вне "внутреннего" мира с переживанием собственного существа; и бытия "внутри" мира с потерей сознания собственного существа."

Также обстоит дело и с большим ритмом повторяющихся земных жизней. Он повторялся бы космически в духе ориенталистических учений, не производя нового, если бы человек из своей земной жизни не воспринимал бы его космический импульс. Но это новое в повторяющихся земных жизнях может только тогда стать действитель-

и, если будет преодолена мертвая точка. Ранее мы задали вопрос: может ли свобода быть дана? Сегодня мы видим, что космос ждет то, чтобы человек использовал данную ему свободу, ибо для него человек — это конечная цель. Путь к этому проложен "Философией свободы" и продолжением его являются медитативные упражнения. Благодаря этому обычное сознание будет пронизано тем, что человек воспринимает из космоса только в состоянии сна, и обратно, в состоянии сна будет введено высшее бодрствование. В величественно трагическом тоне заканчивается это письмо: "То, что в скорби мерцает как оставленное солнцем, пронизанное духовно-солнечным, живет в духовном мире, ожидая пока существа высших иерархий, или человек еще-образующе вызовет его в творении." Если человек уклонится от того и иерархии вынуждены будут действовать без него, космическое время будет упущено.

I53.

"В начале эпохи души сознательной привыкли направлять взгляд на пространственно-физическую огромность мироздания и ощущать прежде всего её. Поэтому Землю называют пылинкой среди этого представляющегося физически огромным мироздания."

I54.

"В созерцающем сознании эта "пылинка" открывается как семя зарождающегося нового макрокосма, в то время как старший оказывается отмирающим. Он должен отмереть, чтобы человек, с полным самосознанием мог от него отделиться."

I55.

"В космическом настоящем человек, со своими освобождающими его мыслительными силами, по своему существу скрытыми для него, волевыми силами, в зарождающемся как земное существо, вновь оживающем макрокосмосе."

I56.

"В бодрственном состоянии человек, чтобы испытать полное, свободное самосознание, должен отказаться от переживания истинной действительности в собственном и природном бытии. Он возносит себя из моря этой действительности, чтобы в тенях мыслительной жизни, его "я" могло действительно иметь собственный опыт."

I57.

"В состоянии сна человек живет вместе с жизнью среды, окружающей землю; но эта жизнь лишает его самосознания."

I58.

"В грезах вспыхивает в полусознании исполненное силы мировое бытие, из которого соткано человеческое существо и из которого он, при нисхождении из духовного мира образует своё тело. В земной жизни это, исполненное силы мировое бытие в человеке, умирает вплоть до мыслительных теней, ибо только так оно может стать основанием самосознающему человеку."

71. ПОЛЯРНОСТЬ КУЛЬТУР.

В письме П. 4 для второй из обсуждаемых там эпох, сделано важное замечание о мышлении, а именно о том, что в эту эпоху /атлантическое время/ началось разделение мышления и восприятия, которые до того составляли неразрывное единство. Это было значительным событием для индивидуации человека. То что ранее было единой духовной жизнью, стало бесконечно дифференцированными отдельными чувственными восприятиями, в противоположность которым мышление показывало единство мертвого образа. В письме П. 6 говорится об этом: "Человек мыслит посредством тех же самых сил, благодаря которым он растет и живет. Но эти силы, для того чтобы человек стал мыслителем, должны умереть." Новое воссоединение чувственного восприятия и мышления составляет исходный пункт "философии свободы", о которой идет речь в этом же письме, что наводит мост от глубин мыслящего "я" к глубинам природной действительности.

Теперь, для письма П.7 мы должны обратить внимание на следующие взаимосвязи: Третья послееатлантическая культура, египетско-халдейская, это повторение лемурийской эпохи, и наша пятая послееатлантическая культура в отношении третьей представляет собой некий род отражаемого образа. Так и в полярности между Гнозисом и антропософией, которая представлена в письме П.7, дан для нас важный импульс. Прежде всего, в письме П.7 мы находим как повторялись те древние эпохи при переходе от второй к третьей и четвертой послееатлантической культуре, только всё, что прежде было макрокосмическим, стало микрокосмическим. И эта эпоха разворачивается развертывания души ощущающей есть "время собственного становления и жизни гнозиса."

Описания, в особенности переход к четвертой послееатлантической культуре, в которой еще существовал и был отвергнут исторически известный гнозис, даваемые здесь, представляют в новом свете то, что Рудольф Штейнер говорил в другое время в своих книгах и циклах об этой египетско-халдейской культуре. В наших рассуждениях мы находим эти культуры как основывающие культ, существующий еще сегодня. Мы не должны останавливаться на словосочетаниях в этих описаниях; но полярность к историческим описаниям, которая дана для начала эпохи души сознательной в письмах 47-50, может помочь нам как медитативный настрой.

В книге "Тессофия" и в других местах у Рудольфа Штейнера мы находим, что душа ощущающая и тело ощущений взаимно принадлежат друг другу, то же справедливо для души сознательной и Самодуха.

Собственно, центром душевного существа человека является расщепленная душа. Душа ощущающая формируется, выделяясь из тела ощущений, и душа сознательная принимает в себя становящийся Самодух.

В послееатлантическое время должна проявляться соответствующая полярность культур, которая исторически характеризуется развертыванием душевных членов. Собственно, история простирается ровно настолько, что она охватывает период развертывания душевных членов; то, что было до этого и будет после, суть - нечто иное, принадлежит к духовным явлениям. В исторических рассуждениях относительно начала души сознательной, мы видели как всё прошлое в целом должно быть возложено на душу сознательную, для того, чтобы в ней мог прорасти Самодух. Это будет переходом нашего времени, в котором может образоваться антропософия. Обратное этому разгравалось в третью послееатлантическую культуру. Тогда душа ощущающая была освобождена из лона душевного тела, и это было временем, когда образовался гнозис.

Это мощное духовное течение мы познаем теперь с его эзотерической стороны, как фрагмент сверхчувственно-космической истории. Мы можем получить, глубоко нас захватывающее впечатление, что тогда вся духовная жизнь прежних времен должна была быть запружена со стороны духовного мира. Ангельские существа должны были снова пережить то, что ранее досталось человеку. Выражением этого является культ того времени; в нем чувственное содержание древней духовности приносится в жертву одиночеству человека, тогда как "мир-образ-содержание", прамышление сохраняется в духовном мире.

При переходе к нашему времени, в четвертой послеатлантической культуре, произошла мистерия Голгофы и если эзотерический гнозис "великому событию в земном развитии человека" "сможет дать познавательное, а не только ощущаемое понимание", то это будет процессом в духовном мире, посредством которого рассматривается эта мистерия. В наше время плотина должна быть проломлена; запруженный дух должен прорваться к душе сознательной, чтобы пронизать её самодухом.

Ангельские существа, сохранившие сокровища познания духовного в культе, посылали духовному существу чувственное содержание, и теперь, после того как Рудольф Штейнер, пользуясь силами одиночества, посредством работы снизу, как человек проломил плотину, выступил величайший Архангел Михаил, и импульсировал волевое содержание мистерии Голгофы.

159.

"Гнозис развертывался в свойственной ему форме в эпоху души ощущающей /с четвертого/ по первое тысячелетие до мистерии Голгофы/. В этот период "божественное" открывалось человеку внутри как духовное содержание, тогда как в предшествующую эпоху тела

ощущений, оно открывалось ему в чувственных впечатлениях от внешнего мира."

160.

"В эпоху души рассудочной духовное содержание "божественного" могло испытываться только в поблекшей форме. Гнозис сохраняется в строгих мистериях, и поскольку человек уже больше не мог продолжать его сам, поскольку больше был бы не в состоянии оживить душу ощущающую, то в Средние века духовными существами было перенесено хотя и не содержание знания, но чувственное содержание /об этом повествует легенда о Грлае/. Вместе с этим был истреблен эзотерический гнозис, укоренившийся в душе рассудочной."

161.

"Антропософия не может быть обновлением гнозиса, ибо последний связан с развертыванием души ощущающей. Антропософия должна, в свете деятельности Михаила, исходя из души сознательной, развить новый вид познания мира и Христа. Гнозис был сохраняемым с древних времен способ познания, который мистерии Голгофы, в то время когда она произошла, лучше всего мог привести к пониманию ее человеком."

72. О СУЩЕСТВЕ ВОСПОМИНАНИЯ.

I.

Непредвзятое рассмотрение в способности человека к воспоминанию должно видеть сильнейшее доказательство духовности мира; все явления, связанные с памятью создают для сегодняшнего сознания такие трудности для понимания их, поскольку сегодняшняя наука не может решиться прислушаться к этому духовному знаку. В произведениях Рудольфа Штейнера мы находим многое о памяти и воспоминании, почерпнутое из его духовных исследований, действующее на обычное сознание духопоясняюще.

В его "Теософии" существо воспоминания представлено связанным с жизнью души: Душа является посредником между настоящим и вечным. Настоящее она сохраняет для воспоминания. Благодаря этому она отнимает это у прошлого и приближает к вечному духовного." В этом же месте показано, как телесность всё впечатления всё снова и снова погружает в ничто.

В другом месте, в циклах, Рудольф Штейнер говорит о том, что сознание и "Я" привязано к длинной нити воспоминаний. В другой связи он показал, как "я" связывается с силами эфирного тела. Отсюда возникает память. Когда это произошло, возникла колоссальная память атлантических людей /это средняя из числа упомянутых в последнем письме эпохи!/. Это повторяется в эпоху развертывания души рассудочной, которая как раз тем может быть охарактеризована, что "я" пользуется силами эфирного тела. Рудольф Штейнер в различных местах говорит также об образовании и преобразовании памяти в созерцании Акаши, и когда способность воспоминания восходит ко времени до рождения. Отраженным образом этого является то, что после смерти память преобразуется в космическое видение мыслей.

В письмах П. 8, 9 Рудольф Штейнер многое говорит о воспоминании и памяти, что особенно проливает ясность на наши прежние

рассмотрения. Первое же предложение письма П. 8 выразительно указывает на связь с предшествующими письмами. Здесь может быть наиболее важно то, что в последних письмах говорится о космической памяти /см. обзор 68/. Уже в письме П. I в космическом смысле указано на то, как прошлое становится настоящим. В этом ведь и заключается смысл, всё вновь нам встречающегося, принципа повторения

Так становится понятным, что космическое воспоминание, как принцип познания, направляется на свое собственное существо. Т.е. принцип исследования, господствующий в последних письмах, сам становится предметом этого исследования. Это происходит в письме П. 8 и тем самым дается действительно нечто новое в отношении выше упомянутого изложения Рудольфом Штейнером относительно воспоминания и памяти, хотя, конечно, и за ним действует этот принцип. Таким образом, нам показано космическое становление воспоминания и памяти, и здесь является откровением, что оно происходит в формах, которые можно назвать теоретико-познавательными. Благодаря этому мы можем открыть новый смысл в теории познания вообще. Тот, кто хочет заострить на этом свое внимание, должен знать, какую огромную ценность придавал Рудольф Штейнер теоретико-познавательному рассмотрению процесса всякого познания, и особенно в отношении сверхчувственного познания. Ибо, в кажущейся абстрактной форме такого теоретико-познавательного, или лучше сказать - познавательно-научного представления, какое он сам часто давал, вычланивая переход от старого космоса к новому. Для этого письмо П. 8 парадигматично; оно суть - прообраз, который далеко в будущем может оплодотворить антропософскую работу.

Письмо П.8 заканчивается указанием "на пропасть Ничто", через которую прыгает человек." Всякое познания посредством обычного сознания, это такой прыжок через пропасть "НИЧТО". Это можно пережить в своем мышлении. Есть возражение в отношении мышления о

мышлении "Философии свободы", который следует принять во внимание. Говорят, что мы никогда не можем ухватить текущее мышление, но только память, вспоминаемое, и предметом нового мышления можем сделать только то, что не является мышлением как таковым.

Исходя из этого, отклоняют всю работу над мышлением о мышлении, поскольку она в бесконечной регрессии должна привести к тому, что некто упустит текущее мышление и оно устремится в прошлое. Пока таким образом теоретизируют, не достигают того о чем идет речь в "Философии свободы", но только когда подходят к этому практически. Тогда оказывается, что когда входят в состояние медитации, текущие мысли охватывают самих себя, поскольку они приходят в состояние покоя. В этой точке вступает воля и образует мышление в имажинацию; и именно воспоминание есть то, что охватывается этим превращением.

И в письме П.8 мы можем проследить, что соответствующий процесс существует и для созерцания / /, противоположного полюса к мышлению. Также и восприятие не может постигаться непосредственно в настоящем, ведь просто оцепенение не является постижением, но исчезновением сознания по своему существу. Только воспоминание дает восприятию продление; духовный процесс возносит погружившееся в прошлое к настоящему.

То, что здесь идет речь о духовном процессе, происходит оттого, что созерцание воспоминания в своей основе не отличается от восприятия, только на место внешнего процесса вступают те, которые, навеянные прошлыми событиями, действуют в "более отдаленных частях душевной жизни." Действительный духовный процесс здесь тот же самый, какой происходит при мышлении о мышлении: также созерцание и восприятие, по своему существу, можно постигать, только если войти в состояние медитации.

I62.

"В представлениях человек живет со своей душой сознательной не в бытии, а в образе бытия, в не-бытии. Благодаря этому он освобождается от совместного опыта с космосом. Образы не принуждают. Принуждает только бытие. Если человек обращается к образам, это совершенно независимо от образов, т.е. в свободе от мира."

I63.

"В минуты такого представления человек связан с бытием мира только тем, что в прошлом он приобрел из своей прежней земной жизни и жизни между смертью и рождением."

I64.

"Этот прыжок через небытие, в отношении космоса, человек может сделать только посредством деятельности Михаила и импульса Христа."

всеми духовными влияниями всякое истинное бытие убрал из сознания человека и в игре образов предоставил ему себя самого. Это новый вклад помимо афоризма III в космическое основание свободы. На образках мира человек учится постигать свое собственное существо. Это то, что постоянно учитывается во всех теоретико-познавательных результатах: это смысл чистого мышления, всё снова от образного переживания мира вращиваться в бытие "я". В 1907 году Рудольф Штейнер выразил это в мантрической форме: "В чистых мыслях находишь ты самость, опирающуюся на себя / I

/.

Но теперь новый космос и мировое духовное существо ожидает, что человек будет делать со своим собственным существом. Люцифер хочет привязать человека к внутренним образам, Ариман - к внешним. Михаил между обоими держит открытой дверь для свободного вступления для дела Христа. В письме П.8 снова по-новому описан путь имажинации: космос готов воспринять имажинации человека. Здесь важно теоретико-познавательного проделать тот путь, который мы изучали в предыдущем обзоре, где было показано, как принцип познания сверхчувственного исследования, космическое воспоминание, ведет к тому, чтобы этот принцип направить на себя. Здесь мы можем повторить в отношении познания, что образное бытие мира человека побуждает установить собственное бытие в свободе, и это выводит за рамки только теоретико-познавательного. Мы можем спросить: Если образы не принуждают, а принуждает только бытие, не может ли тогда собственное бытие, которого человек достиг в отношении образов мира, само для себя стать принуждением? И не является ли первым актом человеческой свободы, само "я" сделать образом как последнее свободное предложение действия старого космоса?

Когда человек свое собственное существо обратит в образ, тогда из этого получится космическое становление бытия будущего; он предназначен для того, чтобы снова стать мировым существом. Снова в 1907 году Рудольф Штейнер дал для этого матрическое изречение в развитие Овидия: "Если ты обратишь мысли в образы, ты испытаешь творящую мудрость /

/.

Когда человек преобразует свое собственное существо в образ, тогда он сможет сделать прыжок через пропасть Ничто. Этим переживанием мистерии указано на мгновение, которое Рудольф Штейнер описывает также в своей книге "Как достигнуть познания высших миров?", где ученик остается целиком предоставленным самому себе и чувствует себя покинутым своим руководителем. Но судьба, которая ведет человека из прошлого в настоящее, так ставит его перед пронастью НИЧТО, что он приходит к тому, чтобы осмелиться прыгнуть, не заботясь о последствиях: это - истинная свобода. В историческом становлении нашего времени это решение выявляется как карма материализма, испытание, которому каждый современный человек, в каком-либо виде, должен подвергнуться. Рудольф Штейнер в своей книге "Путь к самопознанию человека" /I медитация/ указывает на это испытание в связи с тем, где он рассматривает вопрос о продлении жизни вне тела: "Но невозможно сохранить в духовной области истинное познание, если не полностью безучастно, также охотно принимать "Нет" как и "Да". И также говорит Канезиус, который особенно сильно испытывает эту современную мистику, в драме-мистерии Рудольфа Штейнера "Испытание души":

"И если бы всей мудрости итог

Со всей определенностью мне указал,

74. ТРОИСТВЕННАЯ ЗЕМЛЯ.

В последний месяц своей жизни Рудольф Штейнер облек имажинативное познание в формы теоретико-познавательного, которые продолжают вплоть до письма П. 13. Вообще, может броситься в глаза, что он заставляет снова просмотреть всё изложенное раньше в письмах и афоризмах: на это указывалось уже в 68 обзоре. Возникает вопрос, выражает ли это как бы прощание с Землей жизнью, или он рассчитывал тем самым оставить нечто физическому плану. Поскольку мы приближаемся к окончанию работы над афоризмами, мы можем с уверенностью сказать: Нет, это вовсе не так! Эти сообщения в письмах и афоризмах остались открытыми; да, мы вообще можем почувствовать в этих последних письмах особую собранность духовной силы Рудольфа Штейнера, она собрана, чтобы этим откровениям дать новый, еще более высокий импульс; возможно, что этим нам также сообщается, в каком направлении планируется продолжение.

Из прежних обзоров /письмо 44/ мы узнаем, что существует область вблизи физического плана, в которой господствует Михаил. Он держится в этой области и действует не непосредственно в физическом мире; это его сила в отношении Люцифера и Аримана; и это является в то же время, испытанием для человека. В письме П. 12 этот мир показан нам в свете имажинативного познания. Физическая и духовная земля полярны, между ними посредником является ритмическая Земля, она суть — сфера, с которой связан Михаил, не затрагивающий физической Земли. С точки зрения этих высших областей может быть охарактеризовано имажинативное познание Земли и человека, несмотря на то, что для этого используются теоретико-познавательные формы, поскольку человеческий язык больше уже не способен выразить непосредственные имажинации. Здесь, прежде всего, говорится о человеческом "я",

Что силы человеческой судьбы требуют,
Чтобы я, как отдельное существо, погрузился
В бессущностное Ничто.

Я бросился туда бы безотказно..."
Затем он продолжает:

"Было бы преступлением так думать,
После того, как я отчетливо увидел,
Что я не смогу найти покоя,
Пока духовные сокровища в моей душе
Не найдут дневного света."

Это испытание, перед которым стоит каждый, кто соприкоснулся с антропософией.

_____ 0 0 0 _____

уже нужно пробиваться через очень трудные толкования, чтобы
 прийти к истине; ибо как раз в этих трудных представлениях устрани-
 ся способ мышления, свойственный обычному сознанию.

Для этого обычного сознания в представлении /мышлении/ "я" пред-
 ставляется внутри физического мира. Что представляет собой, в
 мысле этого письма, физический мир? Здесь мы должны вслушаться
 очень внимательно. Нужно различать в отношении определенной области
 между "в" и "с" / . Если мы будем рассматривать "в"
 более пространственно, а "с" более каузально, тогда оказывается,
 что там где речь идет о "в" и "с", человек не имеет самосознания,
 а только там, где хотя и говорится "в", но не "с"; ибо, самосозна-
 ние возникает как раз благодаря тому, что освобождаются от каузаль-
 ного. Физическое однажды Рудольф Штейнер определил так: "Физичес-
 ким телом называют такое, для которого справедливо утверждение,
 что на том месте, где оно находится, в то же время не может нахо-
 диться другое." И относительно физического мира он сказал, в той
 же связи: Это тот мир, в котором человеческое "я" может удерживать
 сознание.

Первое определение звучит в духе сегодняшнего естествознания,
 вторая характеристика духовно-научная. Это "в", но не "с" по отно-
 шению к физической Земле. Иначе обстоит дело с "духовной Землей".
 Здесь "я" есть и "в" и "с", "в", поскольку это суть "я", и "с",
 поскольку оно суще связано с этой областью, но без самосознания.
 Мы можем сделать попытку собрать теперь воедино представления, дан-
 ные в письме П. 9. :

Для "я" прорастает самосознание из общности с духовной Землей,
 но испытывает оно самосознание на физической Земле. Мышление осу-

ществляется в физическом мире, сила для него приходит от духовной
 Земли. Результаты прежних земных жизней человек приносит в духов-
 ную Землю, там в своем волеии живет он в ощущении судьбы; но ис-
 пытывается судьба в физическом мире и как сознательная деятельность
 переносится в следующую земную жизнь. Эти моменты резко противопо-
 ставлены друг другу; "Я" и "НЕ-Я", если они не связаны посредств-
 вом воспоминания. Тем самым воспоминание, хотя и в преобразованной
 форме, оказывается собственным носителем имажинативного познания.
 Также опыт воспоминания используется для человека в физическом ми-
 ре, но тогда как мышление наталкивается на физическое тело /осозна-
 ется пространственно/, воспоминания скрепляются с эфирным телом
 /осознается во времени/; в каузальном отношении "силы духовного
 мира, которые человек испытывает между смертью и новым рождением,
 устремляются в астральное тело. Итак, воспоминание действует в аст-
 ральном теле, но осознается в эфирном теле и служит самосознанию
 "Я". Общность /"с"/, которая присуща человеку как существу, наде-
 ленному памятью, суть - ритмическое, временное качание маятника
 между физическим и духовным.

Можно сказать, что в вышеприведенном изложении повторено только
 то, что Рудольф Штейнер сам написал в письме П.9. Но если снова
 вернуться к фразам этого письма, то скажется, что остается еще до-
 статочно трудностей. В упражнениях этого письма осуществляется то,
 что Рудольф Штейнер определил как верный путь в духовный мир для
 современного человека, в противоположность пути индийской йогии.
 Это путь Михаила и исходная точка для рассмотрений в письме П.9
 выбрана там, где Михаил разворачивает свою деятельность.

165.

"Человек хотя и живет как мыслящее существо в области физической Земли, однако у него нет с ней никакой общности. Как духовное существо он живет так, что воспринимает ритмическое; силы же для мышления он воспринимает от духовной Земли на том же самом пути, на котором он испытывает судьбу как результат предшествовавших земных жизней."

166.

"То, что испытывается в воспоминании /в памяти/, уже есть в мире, где в ритме физическое становится наполовину духовным и где разигрываются такие духовные процессы, которые в настоящее космическое мгновение происходят посредством Михаила."

167.

"Кто правильно познает мышление и воспоминание, тому открывается понимание того, как человек, в качестве земного существа, живет вместе с тем, внутри земной области, но всё же его существо не полностью погружено в эту область, но как внеземное существо, посредством общности с духовной Землей, ищет своё самосознание, как совершенство своего "Я".

_____ 0 0 0 _____

75. О СУЩЕСТВЕ АСТРАЛЬНОГО

Место, с которого Михаил действует для человечества, принадлежит к области, которую в смысле наших прежних рассмотрений, можно назвать порогом духовного мира. Имагинативное познание рассматривает мир и человека с точки зрения этой пороговой области. Также и в этой связи мы находим то, что было дано нам ранее, а именно, что порог духовного мира проходит посередине через существо человека, так что у современного человека физическое тело и эфирное тело лежат по ту сторону порога, а астральное тело и "я" — по ту сторону.

В письме П. 9 имагинативный взгляд направлен из этой пороговой области на "я" и астральное тело; В письме П. 10 освещаются более отношения физического и астрального тел. Здесь нужно особенно обращать внимание на тонкости. "Я" и астральное тело в письме П. 9 посредством явлений сознания, получают имагинативное освещение явлений, которые испытываются в физическом мире; представления и воспоминания. Здесь же, в письме П. 10 то, что притекает из космоса и духовного мира, характеризует отношения физического и особенно эфирного тела.

Также как для "я" и астрального тела существует полярность между земной жизнью и жизнью между смертью и новым рождением, так для физического и эфирного тела существует полярность между центральной точкой земли и звездной периферией и именно в отношении действующих сил. С другой стороны, центральная точка Земли со стороны физического тела имеет отношение к "я"-сознанию, и со стороны звездной периферии, астральное с эфирным переносится к Земле. Отсюда письмо П. 10 получает своеобразный настрой, поскольку посредством имагинативного видения, происхождение которого мы обязаны становлению сознания эфирного тела, мы должны различать: минерал

растение в отношении животного и человека, а именно, взирая на влияющее астральное. Эти отношения исключительно сложны, и это напоминает удивительно красочные описания этого письма, относящиеся непосредственно к вечно меняющемуся миру образов имажинативного познания.

Человек в физическом мире окружен минералами, растениями, животными — знаками его собственного прошлого; если же имажинативный взгляд осветит эти царства, то при этом разворачивается снова некий особенный вид воспоминания. Имажинация начаровывает в познании прошлое как настоящее, она из времени творит пространство познания. В нем открывается действительная деятельность прошлого в настоящем. И тем самым мы наталкиваемся на тайну астрального, которая открывается нам в письме П. Ю.

В прошлых обзорах астральное было представлением представителем субстанционально-каузального, просто действующего. Так действующее должно мыслиться независимым от пространства и времени. Временная деятельность происходит от связи астрального с эфирным, пространственная деятельность от связи астрального с физическим. Как чисто силовое действие мы можем астральное представить независимым от пространства. Загадочное действие на больших расстояниях, представляющее также затруднения для физиков, может быть достигнуто только посредством мыслительного преодоления пространственных представлений. Космические силы суть — астральные; то, что они являются действием звезд, об этом говорят их наименование. В свете звезд имеем мы, согласно одной лекции, прочитанной Рудольфом Штейнером в Дорнахе, доступное чувственному восприятию откровение астрального космоса, а также в солнечном и лунном свете открывается космически-астральное.

В письме П. Ю мы узнаем также такую деятельность астрального, которая независима также от времени. Также, как есть непосредственный космический свет самосветящихся небесных тел, испускаемый Солнцем и звездами, и отраженный космический свет, исходящий от Луны и планет, так есть непосредственно в настоящем действующее астральное и отражение во времени, которое кажется отраженным из прошлого в настоящее. Это можно еще выразить так, что, например, старая Луна, во временном смысле, вовсе не "прошлое", но она находится в "настоящем", т.е. там, где она действует.

Так можем мы проследить представления в письме П. Ю. Минералы и растения создаются непосредственно действующим в настоящем астральным звездного неба, поскольку сами они ничего не имеют в себе от прошлого астрального, поскольку они обладают космическим, но не земным астральным телом.

Животное создается астральным старой Луны, ибо с ним, посредством прошлого, связывается собственное астральное тело. Это область Яхве, которой принадлежит также человек со своим астральным телом, пока оно не преобразовано нисшедшим в него "я". Но к этой части человеческого астрального тела добавляется, при посредстве духовной Земли, астрально-современное солнечное воздействие. Это область других Элохимов, с давних времен связанных с "я", и это царство Христа, поскольку он связан с духовной Землей.

Это рассмотрение может иметь значение попытки "сделать человека снова способным переживать в себе идеи также и тогда, когда он с ними не опирается на солнечный мир." Но это значит, познавать Михаила в своем царстве.

76. ПРОЗВЕНИЕ В БУДУЩЕ.

Ложное воззрение на физический мир и участие в нем человека, которое вследствие "одурманивания" нашего времени истину превращает в ее противоположность, только тогда может стать видимым, когда человек, на пути внутреннего развития освободится от организации органов чувств. Для этого, в целой взаимосвязи и рассмотрении последнего письма, Рудольф Штейнер дает мантрически-медитативное предложение: "Наполненным идеями, испытывает душа духовный свет, когда чувственная видимость дает в человеке отзвук только как воспоминание." В этом предложении для души, развертывающейся в упражнении, собрано вместе всё, что в последнем обзоре выступает как теоретико-познавательная форма с выходящим за ее пределы воспоминанием. Такое предложение может быть усвоено нами как конечная точка долгих размышлений, для которых упражняющаяся душа является хорошим исходным пунктом реального внутреннего бодрственного бытия.

И опять, для этого полного огня завершения письма П.10, слово "воспоминание" является характеристическим для перехода от обычного к высшему сознанию.

После смерти человек оглядывается на опыт протекшей земной жизни, и эти воспоминания преобразует он, обрывая связи с чувственным миром, к сущему духовного бытия, и без потерь переносит он его в своем духовном существе к следующей земной жизни.

Так человек, при восхождении к имажинативному познанию, учится глядеться на чувственный мир, не теряя его сущего. Это обстоятельно описывает Рудольф Штейнер в письме П,II, и тем самым раскрывает истинные отношения человека к чувственному миру.

"Воспоминание" о чувственном мире, когда наполняются действительностью, а более уже не теневым образным бытием, нашего обычного

воспоминания: "То, что человек приобретает посредством земного, остается с ним, также и когда он после этого приобретения в опытном познании отбрасывает от себя земное." Описания отношения человека к чувственной организации и к внешнему миру, даваемые в письме П. II по результатам имажинативного видения таковы, что они непосредственно могут быть прояснены теоретико-познавателью. Удивительны, например, полярности, даваемые здесь, и которые с точки зрения сверхчувственного познания представляют то же самое, что Рудольф Штейнер всё снова и снова, особенно в "Философии свободы" представлял теоретико-познавателью. Это является лишним свидетельством в пользу того, как близко стоят друг к другу чистые мысли и имажинация. Но подробное рассмотрение этого выходит за рамки этой книги.

Важным является также следующий шаг, отделение не только от чувственной организации /физического тела/, но также от мыслительной организации /эфирного тела/, который ведет к опыту в астральном теле. Здесь мы приходим к способу рассмотрения, который мы, согласно также с прежними рассмотрениями, должны назвать моральным. Это содержится также в письме П. 12. Бесконечно многое дается в этом письме, а также в предшествующих, здесь собрано вместе содержание прежних писем и афоризмов. Почти к каждому предложению можно привести указания на прежние письма, афоризмы, обзоры; выражения, которые употребляет здесь Рудольф Штейнер несут прозрачную ясность и могучую силу "обозрения" /см. 66 и 67 обзоры./

Отличие этого нового способа рассмотрения заключается в том, что по ту сторону имажинативного видения начинает действовать инспиративное познание. Голос совести — это инспиративное переживание к памяти, но так, что она является сама новой формой памяти, а именно: как следствие божественно-духовных существ. Представим

себе, что этот отголосок из состояния она преобразуется в предчувствие будущего бодрствования, тогда мы имеем перед собой существо истинно инспиративного познания.

Здесь мы можем ощутить глубокое потрясение от того факта, что письма и афоризмы Рудольфа Штейнера должны были оборваться, поскольку смерть лишила его физического инструмента. Как мы были введены в имагинативное познание, также мы должны были бы ожидать, быть может, соответствующего введения в инспиративное и, если возможно, в интуитивное познание, и мы можем представить себе, что такое изложение должно было бы оказывать огромное моральное воздействие.

Три письма и группы афоризмов следующие за этим были, возможно, закатом к такому продолжению; ибо посредством их мы жестко поставлены в рамки современности, и именно так, что это является моральным делом современного человека. Трагически действует в этом настоящем воспоминание. Историческое представление в письме П. 13, в связи с "утренним затмением эпохи души сознательной" говорит о "необходимости не замыкать духовную жизнь человека в познании современности, но познавать прошлое, традиционное."

Трагедия разворачивающегося здесь "воспоминания" обращается в вину, если душа сознательная не повернется к Самодуху, живо-современной, устремленной в будущее силе познания. Но это и есть антропософия как "путь познания, который духовное в человеческом существе хочет привести к духовному в космосе."

I74.

"Человек с двух сторон организован духовно-телесно. Во-первых, со стороны физически-эфирного космоса. То, что в эту организацию в человеческое существо вливается от божественно-духовного, живет в ней как сила чувственного восприятия, способность памяти и деятельность фантазии."

I75.

"Во-вторых, человек организован посредством прошлых земных жизней. Эта организация совершенно духовно-душевна и живет в человеке посредством "я" и астрального тела. Всё, что божественно-духовными существами вживлено в это человеческое существо, действие этого светится как голос совести и всего, что ему родственно."

I76.

"В ритмической организации осуществляется настоящая связь обеих сторон божественно-духовного импульса. В ритмическом опыте сила памяти переносится в волевое бытие и сила совести в идейное бытие."

I77.

"Кто бросит взгляд на развитие человечества в естественно-научную эпоху, тому, прежде всего, представится трагическая перспектива. Блестящие человеческие знания в отношении к тому, что такое внешний мир. Напротив образовался некий вид сознания, что якобы духовный мир не познаваем вообще."

I78.

"Кажется, будто бы такое познание человека могло практиковаться только в древние времена, и что в отношении к духовному миру, нужно принять древнюю традицию и сделать ее предметом веры."

I79.

"Из неуверенности, которая, в отношении человека к духовному миру, возникла в средневековье, образуется неверие в духовное содержание идей в идеализме, продолжением которого явится современное естествознание и, как знамение о реальности идеи, реализм который может найти свое исполнение только посредством антропософии."

77. КРЕСТ И МОГИЛА.

Если антропософия, как путь познания, преодолевает границы познания, то особенно важно для этого знать, как образуются эти границы познания. Посредством последнего письма, написанного Рудольфом Штейнером членам общества, мы, некоторым образом, снова поставлены на начало работы над афоризмами и даже можно ощутить как завещание Рудольфа Штейнера, что он не только в этом месте, в первых строках писем П.13 и 14, но всё снова и снова в своем творении возвращается к новому началу.

Сознание, что истинный путь познания проходит по спирали, несомненно, у каждого, кто дойдет до вызванного смертью конца афоризмов и писем, вызовет потребность начать сначала; Затем, всё, чему каждый в процессе работы научился и чем он стал, будет работать, оказывая дальнейшее действие, так что посредством познания преобразованный к новому познанию и достигнет нового становления.

При таком живом продолжении работы над афоризмами и письмами слова Рудольфа Штейнера снова прозвучат не только из напечатанного текста, но также из сердца работающего, и инспиративное, которое Рудольф Штейнер уже не мог больше дать в этой форме, может образоваться в созвучии с этими стремлениями и познанию.

Возвращение к вопросу границ познания в письмах П.13 и 14 подернуто глубокой трагичностью. Уместно эти описания прихода "эпохи души сознательной" сравнить с соответствующими описаниями в письмах 32, 34 и затем снова в письмах 40-50. Там мы изучали становление истории человечества и ее повторения до настоящего времени, и всё это с точки зрения Михаила и его миссии. Здесь же мы в особенности изучаем, как господство Люцифера и Аримана развертывается в душевной жизни современного человека, несмотря на то, что иманэ этих существ совсем не упоминаются в письмах П.13 и 14. Еще сего-

дня действующий дуализм, предтечей которого была развернувшаяся в средние века духовная борьба вокруг реализма номинализма - это расщепление прогрессирующего естествознания и отсталой духовной традиции: "Пополом расщеплена душевная жизнь человека."

Прочерченные здесь линии показывают это расщепление сначала во внешней, затем во внутренней борьбе целых групп людей. Сегодня эта борьба разыгрывается в каждой человеческой душе. Возьмем расщепление на рассудок и настроение, тогда мы, в самом деле, можем почувствовать, что оно возникло в результате вторжения души сознательной в "душу рассудочную".

Когда душа рассудочная действовала в свою собственную эпоху, в доримский период четвертой послееатлантической культуры, ее действие было еще единым. Люди этого периода стремились к преодолению последствий третьей послееатлантической культуры, прежде всего, в самих себе. Это представлено посредством троянской войны. Но только тогда в этой культуре возникло расщепление, посредством перенесенного с Востока на Запад раздробления третьей послееатлантической культуры / / . Затем, посредством арабов, снова распространилась с Востока и продолжалось дальнейшее разрушение четвертой культуры вследствие раннего рождения пятой. Это выражено в колоссальной миграции народов в направлении Восток-Запад, которая будет продолжаться вплоть до наступления будущей шестой послееатлантической расы.

В письме П.14. к этому добавляется еще другая линия, которая представляет направление Север-Юг. Новые импульсы души сознательной наталкиваются на это расщепление миграции народов, которая тем самым становится расщеплением на внешнее и внутреннее. И снова замечательная линия, которая таинственным путем переносит импульсы христианства с Юга на Север, чтобы оттуда снова направиться на юг. Распространение этих направлений весьма характерно. В беско-

ечной борьбе этих направлений новый духовный импульс, пришедший от мистерии Голгофы к душе сознательной человека, блокирован. И это настолько далеко зашло в достижениях новейшего времени, что этот импульс находится в опасности быть заблокированным в каждой отдельной человеческой душе. Тогда трагедия обратится в вину.

Расщепление внешнего и внутреннего исторически выразилось в борьбе между римской церковью и мистикой, и позже в реформации. Сможет ли антропософское движение смягчить борьбу человечества? Пресобозвит ли она расщепление в высшее единство или падет в борьбе между рассудком и душевным настроением /Gemüt/? В этом заключен решающий момент. На него указывает последнее письмо П.15. Но то, что нам представляется образом современности, это продолжение распятия духовных импульсов. Демонический мир техники, под-природное, грозит его поглотить. За распятием следует погребение. Настало бы после погребения воскресение!

180.

"Греки и римляне были народами особенно приспособленными для развертывания души рассудочной. Они развили эту душевную стадию до совершенства. Но в них не были заложены семена для такого же развития души сознательной. Их душевная жизнь исчерпывалась деятельностью души сознательной."

181.

"Но только в промежутке времени между возникновением христианства и эпохой развития души сознательной развернулся духовный мир, который оказался отделенным от человеческих душевных сил. Они "объясняли" духовный мир, но не переживали его."

182.

"В народах, которые во время так называемого "переселения-народов" с северо-востока пришли в Римскую империю, жило эмоциональ-

ное постижение души рассудочной. В отношении к этому в их душах образовалась, укоренившаяся в этом эмоциональном, душа сознательная. Внутренняя жизнь этих народов ожидает времени, когда снова будет возможно объединение бытия души с духовным миром."

183.

"В эпоху естествознания, начавшуюся в середине XIX столетия, культурная деятельность человека постепенно сползла не только в нижние области природы, но даже под природу. Техника — это под-природа."

184.

"Поэтому нужно, чтобы человек нашел в опыте духовное знание, посредством которого он также высоко поднимется над-природой, как он спустился со своей под-природой технической деятельностью ниже природы. Благодаря этому он создаст внутри себя силу, не позволяющую ему спускаться еще ниже."

185.

"Прежнее воззрение на природу еще сохраняло дух в себе, с которым связано человеческое развитие; постепенно этот дух исчез из воззрения на природу и в нее вступило чисто ариманическое, и отсюда распространилось на техническую культуру."

78. Окончание или новое начало.

Мы подошли к концу рассмотрений афоризмов и писем, которые Рудольф Штейнер прислал членам антропософического общества, "Друг, довольно и этого." Мы закончим обрисовку звуков души сознательной, которые могут в самоотречении играть роль "слов", пробуждающихся в Самодухе. Последующие продолжения дополняют данные нами в 30 и 59 обзорах.

- Антропософия состоит в вопросах человека и ответах духовного мира; нужно только учиться ставить вопросы и понимать ответы. /31/ 72
3. Всякий взлет к духовным вершинам начинается в низинах обычного сознания. /31/ 73
4. Юношеское переживание, которое много человека побуждает к участию в антропософии, это внутреннее, обусловленное судьбой переживание смерти, которое стремится к превращению в силу познания. /31/ 74
5. Основание мышления человека покоится на истине; отдельное бытие человека стоит на спиритуальной жи. /32/ 75
6. Прежде чем у человека наступает истинное самосознание, позади его собственного существа скрываются действия высших иерархий. /35/ 76
7. Истинным путем к достижению Михаила является движение вперед посредством мужественной познавательной работы, и затем, в решающие моменты, сознавать себя его сотрудником. /35/ 77
8. В знаке Михаила важно прийти к согласию с мышлением. /35/ 78
9. Мышление в мышлении — это субстанция третьей иерархии и имажинация. /38/ 79
10. Чувства в чувствах — это субстанция второй иерархии и инспирация. /38/ 80
11. Воля в воле — это субстанция первой иерархии и интуиция. /38/ 81
12. Чувства в мышлении — это субстанция логики: инспирация мышления. /38/ 82
13. Воля в мышлении — это субстанция закономерности: интуиция мышления. /38/ 83
14. Мышление в чувствах — это субстанция идеала: имажинация чувств. /38/ 84
15. Воля в чувствах — это субстанция морали: интуиция чувств. /38/ 85
16. Мышление в воле — это субстанция "моральной фантазии": 86

- имагинация воли. /38/
87. Чувства в воле — это субстанция "любви к деянию": инспирация воли. /38/
88. Природные царства возникли посредством космического анализа человека. /39/
89. Психологические рассматривания всегда причиняют некоторое страдание, поэтому во внутреннем опыте их надо сделать упражнениями. /39/
90. Религиозное — это действительное душевное явление, которое происходит там, где чувства действуют в воле. /39/
91. Художественное — это действительное душевное явление, которое происходит там, где мышление действует в чувствах. /39/
92. Научное — это действительное душевное явление, которое происходит там, где воля действует в мышлении. /39/
93. В ходе истории религиозное преодолевается художественным, художественное — научным, научное — религиозным. /40/
94. В смысле антропософии деятельность освобождается посредством искусства /имагинация/, искусство — посредством религии /инспирация/, религия — посредством знания /интуиция/. /40/
95. Нет искусства в искусстве, религии в религии, но есть наука науки. /40/
96. В воле господствует духовная связанность судьбы: в мышлении лежит семя будущей судьбы. /41/
97. Религиозное действует в воле человека как богосынновство, в его чувствах — как божество Христа, в его мышлении — как общность Михаила. /41/
98. В понятии проявляются тени интуитивного, оно испытывается "я"; в суждении тени инспиративного, оно испытывается астральным телом; в выводе тени имажинативного, оно испытывается

- эфирным телом. /42/
99. Антропософия – это путь познания, который ведет от связанных мыслей к свободным. /43/
100. Мысль становится свободной, когда мышление остается неподвижным. /43/
101. Антропософский путь познания ведет к удостоверению посредством познания, но уже более не только посредством веры. /45/
102. Любовь – это выделение индивидуальности из универсальности мышления. /47/
103. Величайшим чудом всех времен является человеческая свобода. /50/
104. Противоположным образом, к познаваемому посредством знания, чудо – это милость, достигнутая через деяние. /51/
105. Человеческая свобода имеет значение не только для человека, но также и для мира. /54/
106. Как только человек освобождается от импульсов духовного знания, для него наступает своего рода свобода; эта космическая свобода выражается выступлением Люцифера и Аримана.
/56/
107. Михаил – это не только защитник свободы человека, но также охранитель власти творящих прасуществ. /59/
108. Только тот современный человек правильным образом вступает в последование исторического прошлого, которое преодолевает в себе внутреннее препятствия, которые создает в нем это прошлое и освобождает в себе к человеко-божественному образу облики древнего человечества. /65/

109. Обозрение / / как познавательная сила – это опыт в настоящем того, что для обычного сознания распадается на прошлое и будущее. /67/
110. Природа полярно противостоит истории; то и другое являются единством только для космического обозрения. /68/
111. В основе индивидуации человека лежит божественная трагедия; она может быть использована богами для покорения противоборствующих сил. /68/
112. Смысл человеческой индивидуации исполняется в нарождающемся Самодухе. /70/
113. Непредвзятое наблюдение в способности человека к воспоминаниям должно видеть сильнейшее доказательство духовности мира. /72/
114. Голос совести – это инспирированный опыт. /76/
115. Всякое познание изменяет познающего. /70/